

Содержание

От автора	2
Глава 1	
Маги древности (введение)	8
Глава 2	
Первые врата сновидения	30
Глава 3	
Вторые врата сновидения	47
Глава 4	
Фиксация точки сборки	72
Глава 5	
Мир неорганических существ	100
Глава 6	
Мир теней	127
Глава 7	
Голубой лазутчик	152
Глава 8	
Третьи врата сновидения	166
Глава 9	
Новая область исследования	193
Глава 10	
Сталкинг сталкеров	212
Глава 11	
Арендатор	231
Глава 12	
Женщина в церкви	255
Глава 13	
Полет на крыльях намерения	279

От автора

В течение последних двадцати лет я написал серию книг о своем обучении у дона Хуана Матуса – мексиканского мага из племени индейцев яки. В своих книгах я рассказывал о том, как он обучал меня магии, но магии не в обычном понимании, – то есть не в смысле владения сверхъестественными силами либо использования колдовских манипуляций, ритуалов и заклинаний для получения волшебных эффектов. С точки зрения дона Хуана, магия – это способ реализации некоторых теоретических и практических предпосылок, касающихся природы восприятия и его роли в формировании окружающей нас вселенной.

Следуя пожеланиям дона Хуана, я воздержался от употребления слова «шаманизм» в качестве названия того рода знания, которому он учил меня, поскольку шаманизм – категория, скорее, антропологическая. Во всех своих книгах я употреблял то слово, которым пользовался сам дон Хуан – «магия». Однако, несколько разобравшись в том, чему же меня учили, я пришел к заключению, что название «магия» вносит дополнительную неясность в этот и без того не слишком ясный феномен.

Работы по антропологии описывают шаманизм как систему верований, присущую некоторым туземным народам северной Азии, а также некоторым индейским племенам Северной Америки. Согласно шаманистским трактовкам, наш мир пронизан невидимым миром духовных сил предков. Силы эти бывают как добрыми, так и злыми. Тот, кто владеет шаманскими практиками, способен вызывать их и ими управлять, являясь промежуточным звеном между нашей обычной реальностью и сферой сверхъестественных сил.

Дон Хуан действительно был связующим звеном между реальностью мира повседневности и невидимым миром, который он называл не сферой сверхъестественного, а сферой второго внимания. Его задача как учителя заключалась в том, чтобы сделать ее доступной моему восприятию. В предыдущей своей работе я описал

методы обучения, которыми он для этого пользовался, а также те магические искусства, которые он заставлял меня практиковать. Самым важным из них было искусство сновидения.

Дон Хуан утверждал, что мир, который мы считаем единственным и абсолютным, является лишь одним из множества параллельно существующих миров, организованных наподобие того, как располагаются слои в луковице. Он уверял, что все эти иные сферы так же реальны, уникальны и абсолютны, как и наш мир. И мы обладаем способностью вхождения в них, хотя энергетически ограничены возможностью воспринимать только наш мир.

Дон Хуан объяснил мне, что для того, чтобы научиться воспринимать другие миры, одного желания недостаточно — необходимо накопить энергию, достаточную для того, чтобы их «ухватить¹». Другие миры существуют постоянно и независимо от нашего осознания, но их недоступность нашему восприятию является целиком и полностью следствием нашей энергетической обусловленности. Другими словами, исключительно благодаря этой обусловленности, мы вынуждены согласиться с тем, что мир нашей повседневности есть единственно возможный мир.

Дон Хуан считал, что наша энергетическая обусловленность вполне поправима. Он утверждал, что в древние времена маги разработали систему практических методов, призванных изменить энергетическую обусловленность способностей нашего восприятия. Этот набор практических методов получил название искусства сновидения.

Теперь, по прошествии времени оглядываясь назад, я понимаю, что точнее всего дон Хуан охарактеризовал искусство сновидения, назвав его «вратами в бесконечность». Тогда же я заявил, что эта метафора ни о чем мне не говорит.

— Хорошо, не будем пользоваться метафорами, — уступил он. — Скажем так, искусство сновидения есть практический путь, посредством которого маги используют обычные сны.

¹ Seize — схватить, хватать; понять, постигнуть (мысль), «ухватить».

– Как могут быть использованы обычные сны? – поинтересовался я.

– Слова, – сказал он. – Вечно они вводят нас в заблуждение. Когда мой учитель пытался объяснить мне, что такое искусство сновидения, он назвал его магическим способом желать миру спокойной ночи. Конечно, он просто старался подогнать свое описание под характер моей ментальности. То же самое делаю я в твоём случае.

По какому-то другому поводу дон Хуан сказал мне:

– Сновидение должно быть испытано, иначе просто невозможно понять – что же это такое. Простое наблюдение снов не есть сновидение. Полет мысли, представление желаемого и любое действие по созданию картин в воображении – тоже не то.

Сновидение раскрывает перед нами возможность восприятия других миров. Мы можем описывать эти миры, но не способны описать то, что позволяет нам их воспринимать. И в то же время мы можем ощутить, каким образом сновидение открывает эти другие сферы. Я бы сказал, что сновидение – это ощущение, процесс, протекающий в теле, осознание, возникающее в уме.

В ходе общего обучения дон Хуан подробнейшим образом объяснял мне принципы, теоретическое обоснование и практические приемы искусства сновидения. Инструкции его разделялись на две части. Первая из них касалась собственно методик практики сновидения, вторую составляли абстрактные объяснения этих методик. Метод обучения, которым пользовался дон Хуан, был своего рода игрой, построенной на взаимодействии моего чисто интеллектуального любопытства и моего желания удовлетворить это любопытство практически. Вначале дон Хуан заинтересовывал меня изложением абстрактных принципов сновидения, а потом вводил в курс практической стороны, давая мне тем самым возможность удовлетворить свой интерес самым непосредственным образом.

Я уже описывал все это – настолько подробно, насколько мог. Описывал я также и ту особую магическую среду, в которую дон Хуан вводил меня, чтобы обучать своему искусству. Мое

функционирование в этой среде представляло для меня особый интерес, поскольку оно полностью принадлежало к сфере второго внимания. Именно во втором внимании я взаимодействовал с десятью женщинами и пятью мужчинами – магами из группы дона Хуана, а также с его учениками, среди которых было четверо молодых людей и четыре молодые женщины.

Дон Хуан набрал учеников сразу же после того, как я вошел в его мир. Мне он со всей определенностью дал понять, что они образуют традиционную магическую группу, воспроизводящую структуру его собственной партии магов, и что мне предстоит их возглавить. Однако в ходе работы со мной он понял, что я не совсем таков, каким он меня представлял изначально. Отличие он объяснил в терминах энергетической конфигурации, которую могут видеть только маги. Моя энергетическая сфера имела не четыре сектора, как сфера самого дона Хуана, а только три. Он ошибался, полагая, что сможет исправить этот дефект. Из-за такой энергетической конфигурации я совершенно не годился на роль лидера восьми набранных доном Хуаном учеников. Причем не годился настолько, что, не видя иного выхода, дон Хуан вынужден был набрать новую группу людей, в большей степени соответствовавших моей энергетической структуре.

Обо всех происходивших тогда событиях я уже писал, и достаточно подробно. Но я ни разу не упомянул о второй группе учеников. Дон Хуан строжайше запрещал мне делать это. Он утверждал, что они находятся всецело в моем поле. А согласно договору, заключенному между нами еще в самом начале, мне разрешалось писать только о том, что относилось к полю дона Хуана.

Вторая группа учеников, вернее учениц, бывшая исключительно компактной, состояла всего из трех членов: сновидящей Флоринды Доннер-Грау, сталкера Тайши Абеляр и женщины-нагуаля Кэрол Тиггс.

Мы взаимодействовали друг с другом исключительно во втором внимании. В мире повседневной жизни мы не имели друг о друге даже смутного представления. Что же касается отношений каждого из нас с доном Хуаном, то здесь все было совершенно ясно: он

вкладывал одинаково огромные силы в обучение и тренировку каждого из нас. Тем не менее, ближе к концу, когда время дон Хуана было почти исчерпано, психологическое давление, вызванное его предстоящим уходом, начало разрушать бывшие до тех пор незыблемыми границы второго внимания. В результате наше взаимодействие стало выплескиваться в мир повседневности. И мы впервые, как нам казалось, – встретились.

В состоянии обычного осознания ни один из нас не знал о нашем глубоком и напряженном взаимодействии во втором внимании. Поскольку все мы были вовлечены в академические исследования, мы были более чем в шоке, выяснив, что уже встречались прежде. В интеллектуальном плане этот факт был и, конечно же, остается непостижимым для нас, хотя мы и знали, что это ни в коей мере не выходит за пределы нашего опыта. Таким образом, мы были оставлены здесь наедине с тревожным знанием о том, что наша психика суть вещь неизмеримо более сложная, чем говорит нам наш повседневный рассудок или результаты академических научных исследований.

Однажды, когда дон Хуан еще был с нами, мы все одновременно попросили его внести ясность и объяснить нам, что с нами происходит. Он сказал, что возможны два варианта объяснения. Первый позволяет несколько поддержать нашу пошатнувшуюся рассудочность. Согласно этому варианту второе внимание – это состояние осознания, так же однозначно относящееся к области иллюзий, как и парящие в небесах слоны. Поэтому все, что мы, как нам казалось, испытывали в этом состоянии, было не более чем результатом гипнотического внушения. Второй вариант – то, как это понимается магами-сновидящими, – строится на рассмотрении энергетической конфигурации осознания.

Однако в ходе выполнения данных мне заданий по практике искусства сновидения, барьер второго внимания оставался для меня неизменным. Каждый раз, входя в состояние сновидения, я вступал и в сферу второго внимания. Но когда я просыпался, – это вовсе не обязательно означало, что я из нее вышел. Поэтому в течение многих лет мне удавалось вспомнить лишь крупицы опыта, обретенного мною в процессе сновидения. Основная же часть того,

что я делал, была мне энергетически недоступна. На то, чтобы накопить количество энергии, достаточное для реорганизации содержимого моего ума и восстановление линейной последовательности событий, мне понадобилось пятнадцать лет – с 1973 по 1988 – непрерывной, напряженнейшей работы. В конце концов я вспомнил. Выстроенные в ряд события дополнили друг друга, и мне наконец удалось заполнить места в памяти, казавшиеся поначалу пробелами. Таким образом, я восстановил внутренний порядок и полную последовательность уроков дона Хуана, касавшихся искусства сновидения. Прежде такое восстановление всей полноты этой последовательности было для меня принципиально неосуществимо вследствие того, что дон Хуан постоянно заставлял меня качаться между осознанием повседневной жизни и осознанием второго внимания.

Данная книга является результатом выполненной мною реорганизации осознания.

Теперь я подошел к заключительной части моей вводной статьи, а именно – к причинам, побудившим меня написать эту книгу. Обладая практически полной информацией, содержащейся в учении дона Хуана об искусстве сновидения, мне бы хотелось в будущих своих работах коснуться нынешнего положения и интересов четырех его последних учеников – Флоринды Грау, Тайши Абеляр, Кэрол Тиггс и меня самого. Но прежде чем взяться за рассказ о результатах нашего обучения под руководством дона Хуана и о том влиянии, которое он на нас оказал, я считаю необходимым изложить в свете своих новых знаний те разделы учения дона Хуана об искусстве сновидения, доступа к которым я ранее не имел.

Решающий же аргумент в пользу написания данной работы был сформулирован женщиной-нагуаль Кэрол Тиггс. Она считает, что, рассказывая о мире, оставленном нам в наследство доном Хуаном, мы наилучшим образом выражаем ему свою благодарность и нашу приверженность его поиску.

Глава 1. Маги древности (введение)

Дон Хуан неоднократно повторял, что все, чему он меня учит, является увиденным и разработанным людьми, которых он называл магами древности, ясно давая понять, что между ними и магами современности существуют принципиальные различия. К категории магов древности дон Хуан относил людей, живших на территории Мексики за тысячи лет до Конкисты – испанского завоевания. На основании своих величайших достижений они создали магические структуры, отличавшиеся практичностью и конкретностью применения. Дон Хуан говорил, что эти люди были блестящими практиками, но вот мудрости им не хватало. В противоположность древним, маги современности, по словам дон Хуана, отличаются трезвостью ума и способностью упрощать и совершенствовать магическую практику в тех случаях, когда это, по их мнению, необходимо.

Как объяснил мне дон Хуан, магические предпосылки, из которых развилось искусство сновидения, были разработаны древними магами на основе того, что они увидели естественным образом. Ключевое значение этих предпосылок с точки зрения объяснения и понимания сновидения заставляет меня рассмотреть их еще раз. Поэтому, в силу необходимости, основная часть данной книги посвящена пересмотру и углублению понимания информации, уже излагавшейся мною в предыдущих моих работах.

В одном из наших разговоров дон Хуан заявил, что для оценки реального положения сновидящих и искусства сновидения, необходимо отдавать себе отчет в том, почему современные маги прилагают максимум усилий для перевода магии от конкретного к абстрактному.

– Что ты подразумеваешь под «конкретным», дон Хуан? – спросил я.

– Практическую часть магии, – ответил он. – Навязчивую фиксацию ума на практических методах и приемах, позволяющих влиять на других людей, что, впрочем, не всегда удается.

– А о чем ты говоришь, когда ведешь речь об «абстрактном»?

– О поиске свободы, свободы воспринимать без привязанностей и наваждений все, что доступно человеческому существу. Я говорю, что маги современности стремятся к абстрактному, потому что они стремятся к освобождению. Конкретные достижения их не интересуют. У них, в отличие от магов древности, нет никаких социальных функций. Ты никогда не встретишь современного мага в роли официального ясновидца или придворного чародея.

– То есть ты хочешь сказать, дон Хуан, что для современных магов прошлое не имеет никакого значения?

– Ну как же не имеет? Безусловно, имеет. У прошлого есть некий оттенок, который нам совсем не нравится. Лично для меня это – темнота и болезненная впечатлительность² разума. Мне нравится беспредельность мысли. Однако, независимо от того, что мне нравится, а что – нет, я должен отдать должное магам древности. Ибо они первыми обнаружили все то, что мы знаем и используем сегодня.

Дон Хуан объяснил, что важнейшим из достижений древних магов была обнаруженная ими способность воспринимать энергетическую сущность вещей. Это глубинное прозрение имело столь существенное значение, что превратилось в основную предпосылку всего магического искусства. В наше время, подчиняя всю жизнь дисциплине и постоянно тренируясь, маги целенаправленно обретают способность воспринимать сущность вещей. Способность эту они называют видением.

– Какое значение для меня могла бы иметь возможность воспринимать энергетическую сущность вещей? – как-то спросил я дона Хуана.

– Это значит, что ты смог бы непосредственно воспринимать энергию, – ответил он. – Отделив социальную часть восприятия, ты сможешь воспринимать внутреннюю сущность чего угодно. Все, что

² Morbidity - болезненность, болезненная впечатлительность, склонность к меланхолии, подозрительности

мы воспринимаем, есть энергия. Но, поскольку мы не способны воспринимать ее непосредственно, без интерпретаций, мы обрабатываем результаты восприятия, подгоняя их под определенный шаблон. Этот шаблон и есть социальная часть восприятия, которую надлежит отделить.

– Почему я должен ее отделить?

– Потому, что она целенаправленно уменьшает объем потенциально возможного восприятия, заставляя нас быть уверенными в том, что тот шаблон, под который мы погоняем свое восприятие, – это все, что существует. Я убежден, что для выживания человечества людям необходимо срочно изменить саму социальную основу своего восприятия.

– А какова социальная основа восприятия, дон Хуан?

– Физическая определенность, уверенность в том, что мир состоит из отдельных конкретных объектов. Я называю это социальной основой потому, что каждый человек прилагает серьезные усилия, яростно пытаюсь привести нас к восприятию мира так, как мы это делаем.

– А как же тогда следует воспринимать мир?

– Все есть энергия. Вся Вселенная – это энергия. Социальной основой нашего восприятия должна стать физическая уверенность в том, что не существует ничего кроме энергии. Должно быть сделано могучее усилие для того, чтобы мы пришли к восприятию энергии, как энергии. Тогда обе возможности выбора будут на кончиках наших пальцев.

– Но возможно ли воспитать людей таким образом? – спросил я.

Дон Хуан ответил, что это возможно. Именно этим он и занимается со мной и другими учениками. Он обучал нас новому способу восприятия, для чего, во-первых, заставлял нас осознать, что мы обрабатываем результаты нашего восприятия, подгоняя их под определенный шаблон, и, во-вторых, яростно направляя нас к непосредственному восприятию энергии. Он заверил меня, что этот

метод в значительной степени подобен тому, который используется для обучения нас восприятию мира повседневности.

Дон Хуан полагал, что наша захваченность подгонкой нашего восприятия под соответствие социальному шаблону теряет силу, когда мы начинаем осознавать, что приняли этот шаблон в наследство от наших предков, не утруждая себя его исследованием.

Не важно, положительным или отрицательным было значение восприятия Вселенной как мира конкретных твердых объектов, но нашим предкам этот режим восприятия был жизненно необходим, – сказал он. – В течение множества веков мы воспринимали мир именно таким, и теперь в результате вынуждены верить, что именно таковым он и является, – миром, состоящим из обособленных конкретных предметов.

– Я не могу представить себе мир другим, дон Хуан, – пожаловался я. – Для меня он, вне всякого сомнения, – мир конкретных твердых объектов. Тем более, что доказать это ничего не стоит – достаточно один раз врезаться лбом в какой-нибудь их них.

– Ну, разумеется, это мир объектов. Мы против этого и не возражаем.

– О чем же тогда ты говоришь?

– О том, что в первую очередь мир является миром энергии, и лишь потом – миром объектов. Однако если мы не начнем с предпосылки, гласящей, что мир – это энергия, мы никогда не обретем способности непосредственного восприятия энергии. Нас неизменно будет останавливать отмеченная только что тобою физическая очевидность «твердости» составляющих мир объектов.

Аргументы эти были для меня загадочными. В то время мой разум просто отказывался принимать к рассмотрению какие бы то ни было пути понимания мира, кроме традиционно привычного. Утверждения дона Хуана и установки, которые он пытался развить, выглядели в моих глазах неким подобием диких теорем, которые я не мог ни принять, ни отвергнуть.

– Наш способ восприятия – это способ, свойственный хищнику, – однажды сказал мне дон Хуан. – Очень эффективный метод оценки и классификации пищи и степени опасности. Но это – не единственный доступный нам способ воспринимать. Существует другой тип восприятия, с которым я и пытаюсь тебя познакомить – восприятие сущности всего: непосредственное восприятие энергии.

Восприятие сути всего заставит нас совершенно по-новому понять, классифицировать и описать мир. И это новое описание будет гораздо более захватывающим, чем привычное нам нынешнее, а его язык – несравнимо изощреннее и богаче.

Тот более изощренный и богатый язык, о котором шла речь, был языком, который соответствовал магическим истинам, унаследованным доном Хуаном от его предшественников. Термины и понятия, присущие этому языку, не имеют под собой никакого рационального обоснования и никак не соотносятся с привычными фактами мира нашей повседневности, но являются самодостаточными истинами, совершенно очевидными для магов, способных непосредственно воспринимать энергию и видеть внутреннюю суть всего.

Самым значительным магическим действием для этих магов является непосредственное восприятие сущности вселенной. Дон Хуан считал, что наилучшим образом ее описали те маги древности, которые первыми ее увидели. Они говорили, что сущность вселенной напоминает светящиеся нити, протянувшиеся во всех мыслимых и немыслимых направлениях из бесконечности в бесконечность – светящиеся волокна, обладающие собственным, непостижимым для человеческого ума, самосознанием.

После того, как древние видящие увидели сущность вселенной, они научились видеть энергетическую сущность человеческих существ. Дон Хуан говорил, что они описали человеческие существа как яркие образования, формой напоминавшие гигантские яйца. Эти образования называли светящимися яйцами.

– Когда маг видит человеческое существо, – продолжал дон Хуан, – он видит громадное светящееся образование, которое при

перемещении оставляет глубокую борозду в энергетическом поле Земли. Оно как бы плывет, волоча за собой наподобие хвоста вспахивающий землю стержневидный корень.

Дон Хуан полагал, что наша энергетическая форма изменяется с течением времени. Он говорил, что любой видящий, в том числе и он сам, гораздо чаще видит людей не в форме яиц, а в форме шаров, а иногда – даже в форме чего-то прямоугольного, подобного надгробной плите. Но иногда, по неизвестным для магов причинам, им попадаются люди, чью форму они видят как яйцо. Дон Хуан предполагал, что люди, обладающие в наше время яйцеобразной формой, больше похожи на людей древности.

В ходе изложения своего учения дон Хуан неоднократно повторял и разъяснял то, что он считал решающей находкой, сделанной магами древности. Он называл это критической характеристикой человеческого существа как светящегося шара и описывал в виде круглого пятна особо интенсивной светимости размером с теннисный мячик, постоянно располагающегося внутри светящегося шара вровень с его поверхностью на расстоянии двух футов позади правой лопаточной кости тела человека.

Поскольку поначалу у меня были проблемы с визуализацией всего этого, дон Хуан объяснил, что светящийся шар гораздо больше человеческого тела, и что пятно интенсивной светимости является частью этого энергетического шара. Располагается это пятно на уровне лопаток на расстоянии вытянутой руки от спины человека. Дон Хуан сообщил мне, что, увидев, как работает это пятно, древние маги называли его «точкой сборки».

– И как же работает точка сборки? – поинтересовался я.

– Она заставляет нас воспринимать, – ответил дон Хуан. – Древние маги увидели, что именно там, в этой точке, собирается восприятие человеческих существ. Увидев, что подобным пятном светимости повышенной интенсивности обладает любое живое существо, древние маги пришли к заключению, что любое восприятие, каким бы оно ни было, формируется как раз в этом месте.

– Что именно из того, что увидели маги древности, привело их к заключению, что восприятие имеет место в точке сборки? – спросил я.

Он ответил, что, во-первых, они увидели, что непосредственно через точку сборки проходят лишь очень немногие из миллионов светящихся нитей вселенной. Это и не удивительно, ведь размер точки сборки относительно мал по сравнению с целым.

Во-вторых, они увидели, что точка сборки всегда окружена дополнительным сиянием сферической формы, немного больше нее по величине. Этим сиянием значительно усиливается свечение нитей, непосредственно проходящих через него.

И, наконец, они увидели еще две вещи. Первое – точки сборки человеческих существ могут изменять свое положение. И второе – при нахождении точки сборки в привычном положении восприятие и осознание человека производили впечатление нормальных, судя по нормальному поведению субъектов, за которыми проводились наблюдения. При смещении же точки сборки и окружающего ее сияния с привычного места, поведение наблюдаемых субъектов становилось странно необычным, что казалось доказательством наличия изменений в их осознании, изменения их способа восприятия.

Вывод, который древние маги сделали на основании этих наблюдений, был следующим: чем больше сдвигается точка сборки из своего обычного положения, тем более странным становится поведение индивида, что, очевидно, следует из необычности осознания и восприятия.

– Обрати внимание, – предупредил меня дон Хуан, – когда я говорю о видении, то всегда пользуюсь фразами типа «похоже на то, что», «кажется». Дело в том, что результаты видения настолько уникальны и специфичны, что говорить о них можно, только сопоставляя их с чем-то уже нам известным.

Он сказал, что наиболее подходящим примером сложности описания увиденного может служить то, как маги говорят о точке сборки и окружающем ее сиянии. Их описывают как зоны

светимости повышенной яркости, хотя яркость тут ни при чем, ведь видение осуществляется не при помощи глаз. Однако чтобы как-то подчеркнуть отличие этих образований от всего остального, говорят, что точка сборки есть световое пятно, окруженное чем-то вроде гало, неким сиянием. Как подчеркнул дон Хуан, мы настолько визуальны, настолько управляемся нашим восприятием хищника, что все, видимое нами, должно быть представлено так, как это кажется нормальным глазу хищника.

Дон Хуан рассказал, что после того, как древние маги увидели точку сборки с окружающим ее сиянием и составили представление об их вероятной функции, они приступили к разработке объяснения. Они предположили, что, фокусируя сферическое сияние на энергетических нитях вселенной, непосредственно сквозь это сияние проходящих, точка сборки человеческих существ автоматически, без какого бы то ни было предварительно осознанного намерения, собирает эти волокна в устойчивое восприятие мира.

– Но каким образом волокна, о которых ты говоришь, могут быть собраны в устойчивое восприятие мира? – спросил я.

– Этого не может знать никто, – с ударением ответил дон Хуан. – Маги видят движение энергии. Но видеть ее движение недостаточно, чтобы сказать, как и почему она движется.

Дон Хуан утверждал, что после того, как они увидели миллионы сознательных энергетических волокон, проходящих через точку сборки, древние маги сформулировали постулат, гласивший: проходя сквозь точку сборки, волокна собираются в пучок под действием окружающего точку сборки сияния. Увидев, насколько сильно меркнет это сияние у людей, находящихся без сознания или при смерти, и как оно полностью исчезает у мертвецов, древние маги пришли к убеждению, что это сияние и является осознанием.

– Имеется ли точка сборки у трупа? – поинтересовался я.

Дон Хуан ответил, что у мертвого существа точка сборки бесследно исчезает, поскольку именно она вместе с окружающим ее сиянием является основным признаком жизни и наличия осознания. На основании своих наблюдений маги древности пришли

к неизбежному выводу: осознание и восприятие неразрывно связаны друг с другом, с точкой сборки и окружающим ее сиянием.

– Не может быть так, что древние маги ошиблись, когда пытались разобраться в том, что видели? – спросил я.

– Я не могу объяснить тебе, почему, но маг никоим образом не может ошибиться, интерпретируя то, что видит, – ответил дон Хуан тоном, не допускающим возражений. – Выводы, к которым древние маги пришли на основе видения, могут оказаться неправильными сейчас, потому что они были наивными и примитивными. В целях избежания подобного несчастья, маги должны любыми возможными способами оттачивать свой ум.

Затем дон Хуан несколько смягчился и отметил, что, безусловно, гораздо менее опасно для мага оставаться на уровне простого описания увиденного, но побуждение делать выводы и объяснять – пусть хотя бы самому себе – чересчур сильно, чтобы ему можно было противиться. Результатом сдвига точки сборки, становилась другая энергетическая конфигурация, которую маги древних времен принялись изучать с помощью видения. Дон Хуан объяснил, что при смещении точки сборки в новое положение в этом месте собирается новый конгломерат светящихся энергетических волокон. Увидев это, маги древности пришли к выводу, согласно которому восприятие автоматически собирается там, где находится точка сборки, поскольку она всегда окружена свечением осознания. Однако вследствие другого положения точки сборки, собранный мир не может не отличаться от привычного нам повседневного мира.

Дон Хуан объяснил, что древние маги различали два типа смещения точки сборки. Первый тип – смещение в любое положение по поверхности светящегося шара или внутрь него. Такое смещение получило название сдвига точки сборки. Второй тип – смещение точки сборки наружу, за пределы светящегося шара. Это было названо движением точки сборки. Маги древних времен обнаружили, что различием между сдвигом и движением определяется природа восприятия, формирующегося в результате смещения.

Поскольку сдвиг точки сборки является ее смещением в пределах светящегося шара, миры, воспринимаемые вследствие этого, какими бы странными и причудливыми они ни казались, принадлежат к человеческой сфере. Человеческая сфера составлена энергетическими волокнами, проходящими сквозь светящийся шар. В противоположность сдвигу, движение точки сборки является смещением ее в положение вне светящегося шара, в результате чего задействуются волокна, не относящиеся к сфере человеческого. Восприятие этих волокон вызывает к жизни немислимые, непостижимые миры, в которых нет никаких следов чего бы то ни было, свойственного человеку.

В то время проблема получения подтверждений имела для моего разума огромное значение. Поэтому как-то по случаю я заявил:

– Ты меня прости, дон Хуан, однако все, связанное с точкой сборки, кажется мне настолько «притянутым за уши», настолько неприемлемым, что я просто не знаю, что мне с этим делать и что об этом думать.

– Сделать ты можешь только одно – увидеть точку сборки! – парировал он мою тираду. – Видеть не так уж сложно. Основная сложность состоит в том, чтобы разрушить стену, которая сдерживает нас и не дает сдвинуться с места. Эта стена существует в уме каждого из нас. А чтобы ее разрушить, все, что нам необходимо – это энергия. Как только мы накапливаем достаточное количество энергии, видение приходит само по себе. Просто случается так, что мы начинаем видеть. Весь фокус в том, чтобы выбраться из крепости удовлетворенности собой и ложной безопасности.

– Дон Хуан, я вполне отдаю себе отчет в том, какой огромный объем знаний необходим для того, чтобы видеть. Это – не просто вопрос наличия энергии.

– Это есть лишь вопрос наличия энергии, поверь мне. Самое сложное – убедить себя в том, что это возможно. А для этого необходимо верить наугад. Магия тем и чудесна, что каждый маг должен доказать все самому себе на собственном опыте. И я

рассказал тебе о принципах магического искусства отнюдь не с надеждой на то, что ты все это запомнишь. Я рассчитываю на практическое применение тобой этих принципов.

Говоря о необходимости верить нагуалю, дон Хуан, несомненно, был прав. На начальных стадиях моего тринадцатилетнего ученичества у него мне труднее всего было принять его мир и его как личность. Ибо это предполагало безраздельную веру и безоговорочное принятие его как нагуаля.

Роль дона Хуана в магическом мире в полной мере описывалась его статусом среди таких же магов, как он. Они звали его нагуалем. Мне в свое время объяснили, что этим понятием обозначается человек – мужчина или женщина – обладающий энергетической конфигурацией особого типа, которую видящий воспринимает как двойной светящийся шар. Видящие считают, что когда такой человек вступает в магический мир, его избыточная энергия превращается в мерило силы и способности к лидерству. Нагуаль, таким образом, является естественным лидером, его призвание – возглавить группу магов.

Поначалу мысль о таком доверии к дону Хуану выводила меня из равновесия, будучи противоестественной. Когда я сообщил ему об этом, он уверил меня в том, что для него проблема доверия к учителю стояла не менее остро.

– Как-то я сказал своему учителю в точности то же самое, что ты мне, – сказал дон Хуан. – Он ответил, что без доверия нагуалю нет возможности испытать облегчение и поэтому нет возможности очистить от мусора нашу жизнь, чтобы быть свободным. Дон Хуан еще раз повторил, насколько прав был его учитель.

Я еще раз выразил свое принципиальное несогласие. Я рассказал ему, что меня воспитывали в гнетущей обстановке религиозного фанатизма, и что это очень плохо на мне отразилось. Его же утверждение, равно как и утверждения его учителя, напоминали мне о догматах смирения и покорности, которые я учил в детстве и к которым питал отвращение.

– Твои слова о нагуале звучат как религиозные верования, – сказал я ему.

– Ты можешь верить во что угодно, – ответил он невозмутимо. – Но факт остается фактом: нет игры без нагуаля. Я это знаю и говорю это так же, как и все нагуали до меня. Но, как и я, они говорили это вовсе не с позиции самозначительности. И когда говорится, что без нагуаля не может быть пути, подразумевается лишь одно: нагуаль – человек особый, потому что он лучше кого бы то ни было способен отражать абстрактное, дух. Только и всего. Все мы связаны с духом напрямую, и лишь по случаю с человеком, который приносит нам послание духа.

Я научился безоговорочно доверять дону Хуану как нагуалю. Как он говорил, это принесло мне чувство огромного облегчения и способность принять все то, чему он меня учил.

При изложении своего учения дон Хуан уделял особое внимание всему, связанному с точкой сборки. Однажды я спросил у него, имеет ли точка сборки какое-либо отношение к физическому телу.

– К тому, что мы обычно воспринимаем в качестве человеческого тела, точка сборки отношения не имеет, – ответил он. – Точка сборки является частью светящегося яйца – нашего энергетического «я».

– За счет чего она смещается? – спросил я.

– За счет воздействия потоков энергии, всплесков энергии возникающих внутри или вне нашей энергетической формы. Эти потоки непредсказуемы и возникают беспорядочно. Однако для магов они полностью предсказуемы и подчиняются их намерению.

– А ты сам ощущаешь эти потоки?

– Их ощущает каждый маг. Их чувствует и любое человеческое существо, но обычные люди слишком заняты своими личными проблемами, чтобы обращать внимание на подобные ощущения.

– На что похоже ощущение энергетического потока?

– Легкий дискомфорт, мимолетная печаль, которая немедленно сменяется эйфорией. Поскольку ни печаль, ни эйфория не имеют объяснимой причины, мы обычно не склонны относиться к ним как к достоверному признаку того, что на нас накатывается неизвестное. Мы списываем это на счет необъяснимых и, в общем-то, не очень здоровых колебаний настроения.

– Что происходит, когда точка сборки сдвигается за пределы энергетической формы? Она зависает снаружи? Или как-то прикрепляется к светящемуся шару?

– Она вытягивает контур светящегося шара вовне, не разрывая его энергетических границ.

Дон Хуан объяснил, что конечным результатом движения точки сборки является полное изменение энергетической формы человеческого существа. Вместо того, чтобы оставаться яйцом или шаром, она трансформируется в нечто, напоминающее по виду курительную трубку. Конец мундштука – это точка сборки, чашка – то, что осталось от светящегося шара. Если точка сборки продолжает движение, то в конце концов наступает момент, когда светящийся шар превращается в тонкую полосу энергии.

Далее дон Хуан объяснил, что трансформация энергетической формы – это достижение, на которое были способны только маги древности. Я поинтересовался, оставались ли эти люди по-прежнему людьми после того, как их энергетическая форма изменялась.

– Конечно же, они по-прежнему оставались людьми, – ответил дон Хуан. – Но я думаю, ты хотел бы знать, оставались ли они людьми здравого смысла, которым можно было бы доверять. На этот вопрос я бы ответил: нет, не совсем.

– Чем они отличались?

– Своими побуждениями. Нормальные человеческие цели, склонности и мотивы равным счетом ничего для них не значили. Кроме того, их внешность тоже определенным образом изменялась.

– Ты имеешь в виду, что они переставали быть похожими на людей?

– Об этих магах очень сложно сказать что-нибудь наверняка. Выглядели они, безусловно, как люди. На кого еще они могли быть похожи? Но в то же время они отличались от того обычного человеческого образа, который ты или я себе представляем. Но если бы ты попросил меня описать, чем именно они отличались, я не смог бы этого сделать, и ходил бы кругами как собака, которая пытается ухватить себя за хвост.

– Тебе самому приходилось с кем-нибудь из них встречаться, дон Хуан?

– Да, с одним приходилось.

– Как он выглядел?

– На первый взгляд – как обычный человек. Необычным было его поведение.

– Что именно в нем было необычным?

– Могу только сказать, что его поведение было совершенно невообразимым, но не просто в смысле манеры себя вести. Чтобы оценить это, нужно увидеть самому.

– И что, все те маги были похожи на того, которого ты встречал?

– Нет, конечно. Я не знаю, какими были другие. Разве что по магическим историям, передающимся из поколения в поколение. А в этих историях они предстают в очень причудливом виде.

– Чудовищном?

– Да нет. Говорят, что они были очень привлекательными, хотя и крайне пугающими. Они больше были похожи на неких неведомых существ. Все мы – светящиеся шары, и это делает человечество однородным. А те маги не были более шарами, но

стали полосами энергии. Они пытались сворачиваться в кольца, но это им не вполне удавалось.

– И что же с ними в конце концов случилось, дон Хуан? Они вымерли?

– В магических историях говорится, что поскольку им удалось растянуть свою энергетическую форму, продолжительность существования их сознания также растянулась. Так что они живы, и по сей день находятся в сознании. Даже ходят рассказы о том, как они периодически объявляются на земле среди людей.

– А сам ты что об этом думаешь, дон Хуан?

– Для меня это чересчур эксцентрично. Меня интересует свобода. Свобода раствориться в бесконечности, сохранив осознание. С моей точки зрения эти древние маги были существами экстравагантными, одержимыми и капризными. Они попались на удочку своих же собственных манипуляций.

Но ты не позволяй моим личным чувствам сбить тебя с толку. Ибо нет ничего, равного достижениям магов древних времен. По крайней мере, они доказали, что потенциальные возможности человека более чем достойны серьезного отношения.

Еще одной темой объяснений дон Хуана была необходимость энергетической однородности и сцепленности³ для того, чтобы воспринимать. Он утверждал, что человечество воспринимает известный нам мир в том виде, в котором мы его воспринимаем, только благодаря тому, что все мы обладаем одинаковыми характеристиками энергетической однородности и сцепленности. Мы автоматически обретаем соответствующие энергетические характеристики в процессе воспитания и относимся к ним как к чему-то само собой разумеющемуся. И мы не отдаем себе отчета в их жизненно важном значении до тех пор, пока не сталкиваемся с возможностью восприятия миров, отличных от того, который нам известен. Но когда это происходит, мы со всей очевидностью осознаем, что для адекватности и полноты восприятия новой

³ Cohesion – сцепление, зацепление, связь, спаянность, физ. сила сцепления.

реальности нам требуются новая подходящая энергетическая однородность и сцепленность.

Я спросил, что такое однородность и сцепленность. Он ответил, что под однородностью понимается однородность формы – все человеческие существа на земле обладают формой шара или яйца. А тот факт, что энергия человека удерживается вместе в форме шара или яйца, доказывает существование имеющейся у нее сцепленности. Примером формирования нового типа энергетической однородности и сцепленности может служить трансформация энергетической формы древних магов. Новые характеристики однородности обусловили их превращение в полосу: все они как один сделались полосами. А новая сцепленность позволяет им сохранять новую форму, оставаясь полосами. Сочетание же однородности и сцепленности на уровне полосы позволяет древним магам воспринимать новый непрерывный мир.

– Каким образом обретается однородность и сцепленность, дон Хуан? – спросил я.

– Ключом является положение точки сборки, вернее, ее фиксация, – ответил дон Хуан.

В тот раз он не захотел вдаваться в детали. Поэтому я спросил, могут ли древние маги восстановить себя в форме яйца. Дон Хуан ответил, что был момент, когда они могли это сделать, но не захотели. А затем линейная сцепленность закрепилась, и возвращение стало невозможным. Но дон Хуан полагал, что окончательная кристаллизация линейной сцепленности и невозможность возвращения были обусловлены их выбором, продиктованным жадностью. Дело в том, что объем восприятия и возможностей этих магов был в астрономическое число раз более обширным, чем объем восприятия и возможностей действия любого обычного мага, не говоря уже об обычном человеке.

Дон Хуан объяснил, что для существа шарообразной энергетической формы сферой человеческого является весь объем в пределах границы шара, сквозь который проходят энергетические волокна. В нормальном состоянии мы воспринимаем не всю сферу

человеческого, но, наверное, не более одной тысячной ее общего объема. С учетом этого факта очевидным становится невероятный масштаб достижения древних магов, умудрившихся растянуть себя в полосу, которая была в тысячи раз шире, чем шар, и при этом воспринимавших все энергетические волокна, проходящие сквозь нее.

По настоянию дона Хуана я изо всех сил старался понять новую для меня модель энергетической конфигурации. Он втолковывал мне ее снова и снова, и в итоге я кое-как справился с идеей энергетических волокон, существующих внутри и вне светящегося шара. Но как только я начинал представлять себе множество светящихся шаров, модель мгновенно разваливалась в моем уме. Я рассуждал так: те волокна, которые являются внешними для одного светящегося шара, частично окажутся внутренними для другого шара, смежного с первым. Получалось, что при достаточно большом количестве шаров внешних волокон вообще не может быть, ибо все они окажутся внутри соприкасающихся друг с другом шаров.

Понимания всего этого не является упражнением для разума, – сказал дон Хуан, внимательно выслушав мои доводы. – Вряд ли я смогу объяснить, что именно имеют в виду маги, говоря о волокнах внутри и вне человеческой формы. Когда видящий видит человеческую форму, он видит один единственный шар энергии. Если рядом с ним находится другой шар, то он снова видится как отдельный шар энергии. Твое представление относительно множества шаров проистекает из твоего знания о скоплениях людей. Но в энергетической вселенной есть только отдельные индивидуумы, одинокие, окруженные безграничностью. Ты должен увидеть все это сам.

Я возразил, что с его стороны ни к чему говорить мне о самостоятельном видении, поскольку он знает, что я на это не способен. В ответ он предложил мне взять у него займы немного энергии и воспользоваться ею для того, чтобы увидеть.

– Как я могу сделать это – взять у тебя займы энергию?

– Очень просто. Я могу заставить твою точку сборки сдвинуться в новое положение, более подходящее для непосредственного восприятия энергии.

Это был первый на моей памяти случай, когда он намеренно заговорил о том, что все время делал: вводил меня в некоторое непостижимое состояние осознания, которое он называл вторым вниманием, и которое бросало вызов всем моим представлениям о мире и о самом себе. Итак, чтобы заставить мою точку сборки сдвинуться в более подходящее для непосредственного восприятия энергии положение, дон Хуан хлопнул меня по спине между лопаток с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Мне показалось, что я либо провалился в обморок, либо заснул. Вдруг я обнаружил, что смотрю или что мне снится, будто я смотрю на что-то в буквальном смысле неопишемое. Яркие световые струны исходили отовсюду, распространяясь во всех направлениях. Струны света, которые не были похожи ни на что, когда-либо мной воображаемое.

Когда я вновь обрел дыхание, а может быть – проснулся, дон Хуан, выжидательно посмотрев на меня, спросил:

– Что ты видел?

Я совершенно искренне ответил:

– Твой удар заставил меня увидеть звезды.

Услышав это, дон Хуан согнулся пополам от хохота.

Потом он отметил, что я просто еще не готов справиться с каким бы то ни было необычным восприятием.

– Я заставил твою точку сборки сдвинуться, – продолжал дон Хуан, – и в течение мгновения ты сновидел волокна вселенной. Но тебе пока что не хватает то ли дисциплины, то ли энергии на реорганизацию однородности и сцепленности. Древние маги были непревзойденными мастерами такой реорганизации. Именно за счет этого им удавалось увидеть все, что только вообще способен увидеть человек.

– Что значит «реорганизовать однородность и сцепленность»?

– Это значит – войти в состояние второго внимания, удерживая точку сборки в новом положении и не давая ей сдвинуться в исходное.

Затем дон Хуан остановился на традиционном определении второго внимания. Он сказал, что вторым вниманием древние маги называли результат фиксации точки сборки в новом положении. Они рассматривали второе внимание как полноценную сферу деятельности, подобную обычному повседневному вниманию. Дон Хуан подчеркнул, что маги действительно обладают двумя полноценными сферами деятельности. Одна из них – небольшая – называется первым вниманием, осознанием мира повседневности или фиксацией точки сборки в привычном положении. Вторая сфера деятельности гораздо больше первой. Это – второе внимание, осознание иных миров или фиксация точки сборки в любом из огромного множества ее новых положений.

Применяя то, что он называл магическим маневром, дон Хуан помогал мне испытывать во втором внимании совершенно необычайные вещи. Маневр заключался в том, что он либо слегка похлопывал, либо сильно ударял меня по спине на уровне лопаток. Как он объяснял, удары смещали мою точку сборки. Для меня такие смещения означали переход осознания в беспокоящее состояние ни с чем не сравнимой ясности – состояние сверхсознания, продолжавшееся недолго, но позволявшее мне постигать все что угодно с минимальными усилиями и минимальной подготовкой. Это состояние было не совсем приятным. В большинстве случаев оно походило на странный сон, необыкновенно интенсивный по сравнению с нормальным состоянием осознания.

Дон Хуан оправдывал неизбежность такого маневра тем, что основные понятия и базовые процедуры маг может изложить своему ученику только, когда тот находится в нормальном состоянии сознания, но для того, чтобы ученик усвоил подробные абстрактные объяснения, маг вынужден переводить его в состояние второго внимания.

Обычно ученик совершенно не помнит объяснений, полученных им во втором внимании. Но они, тем не менее, накапливаются где-то в его памяти и хранятся там в неизменном виде. Маги научились использовать это, кажущееся странным, свойство памяти, превратив процесс восстановления в сознательной памяти того, что происходило с ними во втором внимании, в одну из самых сложных и трудновыполнимых традиционных задач магии.

Это, кажущееся странным, свойство памяти, а также сложность выполнения задачи вспоминания маги объясняют следующим образом. Каждый раз, когда человек входит во второе внимание, его точка сборки оказывается в новом положении, до этого ей не знакомом. Вспомнить – значит повторно сдвинуть точку сборки в то место, где она была во время пребывания человека во втором внимании. Дон Хуан заверил меня, что маги могут не только полностью восстановить все содержимое памяти, но также оживить любое переживание, когда-либо испытанное ими во втором внимании. Для этого они намеренно сдвигают точку сборки в нужные положения. И еще дон Хуан говорил, что на выполнение задачи восстановления содержимого памяти у магов уходит вся жизнь.

Когда я находился во втором внимании, дон Хуан давал мне подробнейшие объяснения относительно искусства магии. Он знал, что точность и корректность этих объяснений останутся со мной в нетронутом виде на всю жизнь.

По поводу точности их сохранения дон Хуан говорил:

– Восприятие человека, находящегося во втором внимании, подобно восприятию ребенка. Поэтому то, что мы узнаем, остается с нами на всю жизнь. «Привычка – вторая натура» – как мы говорим о чем-то, усвоенном в раннем возрасте.

С позиций своего нынешнего знания я понимаю, что дон Хуан заставлял меня входить в состояние второго внимания так часто, как только мог, для того, чтобы заставить меня продолжительное время поддерживать новые позиции моей точки сборки и адекватно

воспринимать в этих позициях. Другими словами, его целью было заставить меня реорганизовать свою однородность и сцепленность.

Бесчисленное количество раз я воспринимал все так же точно и ясно, как я воспринимаю мир повседневности в обычном состоянии осознания. Проблемой для меня было возведение моста между моими действиями во втором внимании и моим обычным осознанием. Чтобы понять, что же такое второе внимание, мне понадобилось потратить массу времени и сил. И не столько вследствие сложности и замысловатости второго внимания, которые сами по себе весьма усложняли ситуацию, сколько потому, что мне было до невозможности трудно вспомнить не только то, как я входил в состояние второго внимания, но даже то, что такое состояние вообще существует.

Еще одним прорывом, который, по утверждению древних магов, имел фундаментальное значение и о котором дон Хуан рассказывал мне самым подробным образом, было сделанное древними магами открытие того, что точка сборки очень легко смещается во время сна. Это открытие повлекло за собой еще одно: сны обусловлены смещением точки сборки. Маги древних времен увидели – чем значительнее сдвиг, тем более необычные сны видит человек, и наоборот, чем более необычные сны видит человек, тем значительнее сдвиг точки сборки. Дон Хуан рассказал, что эти наблюдения привели к разработке древними магами весьма экстравагантных приемов смещения точки сборки, таких как употребление внутрь растений, вызывающих изменение состояния осознания, а также использование с этой целью состояний голода, крайней усталости и стрессовых ситуаций. Особое же внимание они уделили разработке практики управления снами. Тем самым, вероятно, даже не подозревая об этом, они создали сновидение.

Однажды дон Хуан сформулировал наиболее адекватное с точки зрения магов определение сновидения. Это произошло во время нашей с ним прогулки по главной площади в городе Оахака.

– Маги рассматривают сновидение, как исключительно сложное искусство, – сказал дон Хуан, – искусство намеренного

смещения точки сборки из ее привычного положения с целью расширения диапазона восприятия и углубления его интенсивности.

И он рассказал, что в основу своего искусства сновидения древние маги положили пять увиденных ими особенностей энергетического потока человеческих существ.

Во-первых, древние маги увидели, что только те энергетические волокна, которые проходят непосредственно сквозь точку сборки, могут быть собраны в адекватное (связное) восприятие.

Во-вторых, они увидели, что если точка сборки смещается в новое положение, то, независимо от того, насколько мало ее смещение, сквозь нее начинают проходить различные незнакомые энергетические волокна, вовлекая осознание и вынуждая собирать эти незнакомые поля энергии в устойчивое связное восприятие.

В-третьих, они увидели, что, когда человек видит обычные сны, точка сборки легко смещается в новые положения вдоль поверхности светящегося яйца и внутрь него.

В-четвертых, они увидели, что можно заставить точку сборки смещаться в положения, находящиеся вне светящегося яйца — в энергетические волокна большой внешней вселенной.

И в-пятых, они увидели, что посредством соответствующей дисциплины во время обычного сна и созерцания обычных сновидений можно выработать и систематически практиковать целенаправленное смещение точки сборки.

Глава 2. Первые врата сновидения

В качестве вступления к своему первому уроку сновидения, дон Хуан высказался о втором внимании, как о чем-то прогрессивно развивающемся, начинающемся как идея, которая приходит к нам больше из любопытства, чем как представление о реальной возможности. Затем оно превращается в нечто, что мы можем лишь чувствовать, в некое ощущение. И в конце концов оно развивается в состояние бытия, в область практической деятельности. В выдающуюся силу, которая открывает для нас миры, находящиеся за границами наших самых необузданных фантазий.

Существует два способа объяснения магами того, что есть магия. Первый — с помощью метафоричных описаний мира магических измерений. Второй — с помощью абстрактной терминологии, свойственной магии. Я всегда предпочитал второй способ, хотя рациональный ум человека Запада никогда не сможет удовлетвориться никаким из этих двух способов.

Дон Хуан объяснил мне, что скрывалось за его метафорическим описанием прогрессивного развития второго внимания. Являясь результатом смещения точки сборки, второе внимание не может возникнуть само по себе, естественным образом, а должно быть вызвано намереванием, начиная с намеревания его в качестве идеи и кончая намереванием его в качестве устойчивого и контролируемого осознания сдвига точки сборки.

— Я собираюсь научить тебя первому шагу к силе, — сказал дон Хуан, приступая к изложению искусства сновидения. — Я намерен обучить тебя тому, как настроить сновидение.

— Что значит настроить сновидение?

Настроить сновидение — значит обрести практическую способность точно управлять общим ходом развития ситуации во сне. Например, тебе снится, что ты — в учебном классе. В данном случае настройка сновидения будет заключаться в том, что ты не дашь

ситуации, развивающейся во сне, переметнуться в другое место. Ты не перепрыгнешь из класса в горы. Другими словами, ты контролируешь вид класса и не позволяешь ему исчезнуть до тех пор, пока сам того не захочешь.

– Но разве такое возможно?

Вполне. Этот тип контроля ничем не отличается от контроля, которым мы обладаем в любой ситуации нашей повседневной жизни. Маги привыкают к этому и пользуются контролем сновидения, когда им это необходимо. Для того, чтобы выработать привычку контролировать сны, тебе необходимо начать с чего-нибудь очень простого. Сегодня ночью ты должен будешь смотреть во сне на свои руки.

Когда я находился в нормальном состоянии осознания, он сказал не намного больше этого. Однако, вспоминая то, что происходило со мной, когда я находился во втором внимании, я обнаружил, что мы возвращались к теме настройки сновидения и обсуждали ее гораздо подробнее. Я, например, высказал дону Хуану все, что думал по поводу абсурдности данного мне задания. В ответ на это дон Хуан предложил мне относиться к этому заданию, как к развлечению, а не как к чему-то серьезному и мрачному.

– Всю свою серьезность ты можешь вкладывать в наши беседы о сновидении, – продолжал дон Хуан. – Объяснения всегда требуют глубокого осмысления. Но, созерцая сны, будь легче перышка. Безусловно, практика сновидения требует целостности и серьезного отношения, но качество серьезности здесь несколько иное – это серьезность беззаботного смеха, каким смеется человек, которому не о чем беспокоиться в этом мире. Только при выполнении этих условий наши сны могут быть превращены в сновидение.

Дон Хуан уверял, что руки он выбрал произвольно. Объектом для фиксации взгляда во сне могли бы быть не руки, а что угодно другое, все равно прием бы работал. Смысл задачи заключается не в том, чтобы отыскать в увиденном сне определенный предмет, а в том, чтобы задействовать свое внимание сновидения.

Дон Хуан описал внимание сновидения как контроль, который человек обретает над сном, фиксируя точку сборки в любом новом положении, где она оказывается, вследствие ее смещения во сне. Более обобщенно он назвал внимание сновидения непостижимой гранью осознания, которая всегда существует сама по себе, ожидая момента, когда мы соблазним ее целью. Внимание сновидения – это скрытая потенциальная способность, которую каждый из нас хранит в резерве. Однако применить эту способность в повседневной жизни нам, как правило, так никогда и не удастся.

Первые мои попытки взглянуть во сне на свои руки окончились полным провалом. После нескольких месяцев безуспешных усилий я прекратил это занятие и в очередной раз пожаловался дону Хуану на абсурдность поставленной им передо мной задачи.

– Существует семь врат, – сказал мне в ответ дон Хуан. – Сновидящий должен открыть их – все семь, по очереди. Сейчас ты стоишь перед первыми вратами. И, если ты намерен заниматься сновидением, тебе предстоит их открыть.

– Почему ты раньше ничего мне об этом не говорил?

– Было бессмысленно рассказывать тебе о вратах сновидения прежде, чем ты уткнешься лбом в первые из них. Теперь ты знаешь – это препятствие, которое тебе необходимо преодолеть.

Дон Хуан объяснил, что в энергетическом потоке вселенной имеются входы и выходы, и что в конкретном случае сновидения входов – семь. Сновидящий воспринимает их как препятствия, которые и были названы магами семью вратами сновидения.

– Первые врата – это особый порог. Преодолевается он посредством осознания особого ощущения, возникающего перед тем, как человек проваливается в глубокий сон, – сказал дон Хуан. – Это ощущение сродни чувству приятной тяжести, которая не дает нам открыть глаза. Мы достигаем врат в то самое мгновение, когда осознаем, что засыпаем, паря (будучи взвешенными) во тьме и ощущении тяжести.

– Но как я могу осознать, что засыпаю? Существуют ли какие-либо специальные приемы?

– Нет. Никаких специальных приемов. Просто намерение осознать, что засыпаешь.

– Но как мне намереваться осознания этого?

– Намерение или намеревание есть нечто такое, о чем очень сложно сказать что-нибудь вразумительное. Если я или кто бы то ни было попытается объяснить это, то это будет звучать по-идиотски. Помни об этом, когда будешь слушать то, что я сейчас скажу:

– Маги намереваются того, на что они настраиваются намереваться, просто намереваясь этого.

– Но это же ничего не значащая бессмыслица, дон Хуан.

– А ты отнесись к ней повнимательнее. Ведь когда-нибудь тебе самому придется все это объяснять. Мое утверждение кажется тебе бессмысленным потому, что ты не рассматриваешь его в соответствующем контексте. Как любой рационально мыслящий человек, ты относишь понимание исключительно к сфере нашего рассудка, нашего ума.

Но в моем утверждении речь идет о намерении и намеревании. Поэтому с точки зрения мага понимание этой формулировки относится к сфере энергии. Маги считают, что если человек намеревает эту формулировку энергетическому телу, то его энергетическое тело понимает ее совсем иначе, чем это мог бы сделать его ум. Весь фокус в том, чтобы добраться до энергетического тела. А для этого нужна энергия.

– В каких терминах понимает такую формулировку энергетическое тело, дон Хуан?

– Как ощущение, чувство в теле, которое очень тяжело описать. Чтобы узнать, о чем я говорю, тебе необходимо самому это почувствовать.

Я хотел, чтобы он объяснил точнее, но дон Хуан хлопнул меня по спине, переводя тем самым во второе внимание. В то время эта его манипуляция еще оставалась для меня тайной. Я мог бы поклясться, что своим прикосновением он меня загипнотизировал. Я думал, что он мгновенно усыпил меня, и это во сне я вижу себя рядом с ним — мы идем по какой-то широкой, обсаженной деревьями, улице совершенно незнакомого города. Сон был настолько ярким, а мое осознание происходящего — настолько четким, что я немедленно попытался сориентироваться, читая вывески и рассматривая людей. Говорили вокруг определенно не по-английски и не по-испански, но город был западным. Люди на улицах были похожи на жителей Северной Европы. Я подумал, что, вероятно, это — литовцы, и принялся изучать надписи на домах и дорожные знаки.

Дон Хуан слегка подтолкнул меня и сказал:

— Брось, ты не определишь, где мы, поскольку это невозможно. Просто я одолжил тебе немного своей энергии, чтобы ты смог добрать до своего энергетического тела, и это позволило тебе перейти в другой мир. Однако ненадолго, так что постарайся мудро использовать это время.

— Постарайся все рассмотреть, но не слишком открыто — так, чтобы никто тебя не заметил.

В молчании мы прошли один квартал. Это оказало на меня потрясающее воздействие. По мере того, как мы шли, внутри моего тела нарастало ощущение тревоги. Умом я испытывал любопытство, но тело мое было обеспокоено. С пронзительной ясностью я осознал, что нахожусь не в своем мире. Когда мы дошли до перекрестка и остановились, прежде чем перейти улицу, я обратил внимание на аккуратно подстриженные деревья с жесткими скрученными листьями. Вокруг ствола каждого дерева был широкий немощенный квадрат для полива. И ни на одном из этих квадратов я не увидел мусора или травы, столь обычных для городских клумб. Только угольно-черная рыхлая почва.

В тот миг, когда я, прежде чем ступить на мостовую и перейти улицу, взглянул на бордюр тротуара, я вдруг заметил, что на улицах нет машин. Тогда я сделал отчаянную попытку разглядеть людей, во множестве мельтешивших вокруг нас, рассчитывая увидеть что-нибудь, что хоть как-то объяснит мне природу охватившей меня тревоги. Как только я начинал смотреть на кого-либо, тот смотрел на меня в ответ. Мгновенно вокруг нас образовалось кольцо жестких голубых и карих глаз.

Словно молния, меня пронзила уверенность: это вовсе не сон, это – реальность, не имеющая отношения к тому, что я привык считать реальным. Я повернулся к дону Хуану. Я почти понял, что странного было в этих людях, но тут необычный сухой ветер ударил мне в лицо, проникая внутрь и задувая в глаза, уши, рот, нос, затуманив мое зрение и заставив меня забыть то, что я собирался сказать дону Хуану. Мгновение спустя я был там, откуда начиналось это путешествие – в доме дона Хуана. Я лежал на соломенной циновке, свернувшись калачиком.

– Я одолжил тебе немного своей энергии, и ты достиг своего энергетического тела, – сообщил мне дон Хуан таким тоном, словно речь шла о чем-то само собой разумеющимся.

Я слышал его слова, но сам я был нем. Необычный зуд в солнечном сплетении делал дыхание поверхностным и болезненным. Я знал, что был где-то на грани некоторого трансцендентального открытия о сновидении и людях, которых видел, но сосредоточиться на том, что я знал, мне не удавалось.

– Где мы были, дон Хуан? Это был сон? Или гипнотическое состояние?

– Это был не сон, – ответил он. – Это было сновидение. Я помог тебе достичь второго внимания, чтобы ты понял намеревание как объект, относящийся не к сфере рассудка, а к сфере энергетического тела.

На нынешнем этапе ты не можешь постичь всей важности того, о чем идет речь. Не только потому, что не обладаешь достаточным количеством энергии, но и ввиду того, что не намереваешься ничего.

Если бы ты делал это, твое энергетическое тело мгновенно постигло бы, что единственный способ намереваться заключается в том, чтобы сфокусировать свое намерение на том, чего ты хочешь намереваться. В этот раз я сфокусировал его для тебя на достижении твоего энергетического тела.

– Цель сновидения – намереваться энергетического тела? – вдруг спросил я, побуждаемый каким-то странным импульсом.

– Да, конечно, можно сказать и так, – согласился дон Хуан. – В данной конкретной ситуации, поскольку мы ведем речь о первых вратах сновидения, целью сновидения является намереваться того, чтобы твое энергетическое тело стало осознавать, что ты засыпаешь. Не пытайся заставить себя осознать, что ты засыпаешь. Позволь своему энергетическому телу сделать это. Намереваться – значит, желать, не желая, делать, не делая.

– Прими вызов намеревания, – продолжал дон Хуан. – Без единой мысли преврати свою молчаливую решимость в убежденность в том, что ты достиг своего энергетического тела, что ты – сновидящий. Сделав это, ты автоматически поместишь себя в положение осознания того, что ты засыпаешь.

– Но как я могу убедить себя в том, что я – сновидящий, если мне известно, что я таковым не являюсь?

– Когда ты слышишь о том, что должен себя в чем-то убедить, ты автоматически становишься более рациональным. Как можешь ты убедить себя в том, что ты – сновидящий, если тебе известно, что ты таковым не являешься? Все дело в намерении. Ты убеждаешь себя в том, что ты – сновидящий, хотя никогда ранее сновидение не практиковал, и ты становишься в этом убежденным – и то, и другое суть одно и то же намерение.

– То есть мне следует сказать самому себе, что я – сновидящий, а затем приложить максимум усилий к тому, чтобы в это поверить? Ты это имеешь в виду?

– Нет. Намерение – это гораздо проще, и в то время – бесконечно сложнее. Для его формирования требуются воображение,

дисциплина и устремленность. В данном случае намереваться означает обрести непреложное телесное знание того, что ты – сновидящий. Каждой клеткой своего тела ты должен чувствовать, что ты – сновидящий.

Затем дон Хуан шутливым тоном добавил, что не обладает достаточным количеством энергии для еще одного одолжения, поэтому мне придется добираться до моего энергетического тела самостоятельно. Он уверил меня, что намеревание первых врат сновидения является одним из средств достижения второго внимания и энергетического тела. Такое открытие в свое время сделали маги древности.

Сообщив мне об этом, дон Хуан буквально вытолкнул меня из своего дома, велел не показываться до тех пор, пока я не смогу намереваться первых врат сновидения.

Я вернулся домой и в течение нескольких месяцев каждый вечер, укладываясь спать, изо всех сил намеревался осознать момент засыпания и во сне увидеть собственные руки. Что же касается второй части задачи – убедить себя в том, что я – сновидящий, достигший своего энергетического тела – то ее выполнение представлялось мне абсолютно невозможным.

Но как-то, когда я прилег отдохнуть днем, я увидел сон, в котором смотрел на свои руки. Это так потрясло меня, что я сразу проснулся. Этот случай оказался уникальным, сон больше не повторялся. Неделя проходила за неделей, но мне по-прежнему не удавалось ни осознать момент засыпания, ни найти во сне свои руки. Однако я начал замечать, что в моих снах присутствует некое смутное чувство. Словно я должен был что-то сделать, но никак не мог вспомнить, что именно. Это чувство стало таким сильным, что заставляло меня многократно просыпаться в течение ночи.

Когда я рассказал дону Хуану о своих тщетных попытках пересечь первые врата сновидения, он дал мне некоторые указания:

– Когда сновидящему предлагают найти во сне определенный объект, это – уловка. Истинная же цель состоит в осознании момента засыпания. А это, как ни странно, достигается не посредством

установки на осознание момента засыпания, а посредством удержания образа того, на что человек смотрит во сне.

Дон Хуан рассказал, что сновидящий бросает короткие целенаправленные взгляды на все, что присутствует в сновидении. А тот объект, на котором устойчиво сфокусировано его внимание, является лишь своего рода точкой отсчета. С нее сновидящий переводит взгляд, чтобы посмотреть на другие объекты, присутствующие в содержимом сна, как можно чаще возвращаясь обратно – к точке отсчета.

Ценой невероятных усилий мне действительно удалось найти во сне руки. Но руки эти не были моими. Они только казались моими, на самом же деле эти руки мне не принадлежали, они все время изменялись, временами приобретая поистине кошмарные формы. Тем временем все остальное содержимое моих снов было на диво устойчивым. Мне почти удавалось сохранять образ любого объекта, на котором я сосредоточивал внимание.

Так продолжалось несколько месяцев. Потом вдруг однажды качество моего сновидения как бы само собой резко изменилось. Я ничего специально для этого не делал, кроме своей искренней решимости осознать момент засыпания и отыскать во сне свои руки.

В тот раз мне снилось, что я приехал в свой родной город. Не то чтобы город, который мне снился, был в точности похож на мой родной, но каким-то образом у меня возникло убеждение, что это и есть то самое место, где я родился. Началось все как обычный, хотя и очень яркий, сон. Потом освещенность во сне изменилась. Образы сделались более четкими. Улица, по которой я шел, стала выглядеть заметно реальнее, чем за миг до этого. Заболели ноги. Я почувствовал, что предметы до абсурда по-настоящему тверды. Когда я, скажем, ударился о дверь, я не только ощутил боль в ушибленном колене, но и пришел в ярость от собственной неуклюжести.

Я совершенно реально бродил по городу до полного изнеможения. Я видел все так же четко, как видел бы, если бы по-настоящему приехал в этот город и как турист бродил по улицам. Не

было никакой разницы между этой прогулкой по городу во сне и любой из моих реальных прогулок в тех городах, где я бывал впервые.

– Мне думается, ты зашел чересчур далеко, – сказал дон Хуан, выслушав мой отчет. – Ведь от тебя требовалось лишь осознать момент засыпания. Ты обрушил стену вместо того, чтобы только прихлопнуть сидевшего на ней комара.

– Ты имеешь в виду, что все это было неправильно?

– Нет. Но ты явно пытаешься сделать нечто, что уже когда-то тебе удавалось. Когда я заставил твою точку сборки сдвинуться, и мы с тобой оказались в том странном городе, ты не спал. Ты сновидел, но ты не спал. Это было сновидение. Я имею в виду, что твоя точка сборки сдвинулась в новое положение не за счет нормального сна. Я заставил ее сдвинуться.

И теперь ты определенно можешь достичь того же самого ее положения посредством сновидения, но сейчас я бы не советовал тебе это делать.

– Это опасно?

– И еще как! Сновидение требует исключительной трезвости. Нельзя допускать ни одного неверного движения. Сновидение есть процесс пробуждения, обретения контроля. Внимание сновидения нуждается в систематической тренировке, ибо оно есть дверь в сферу второго внимания.

– Какая разница между вниманием сновидения и вторым вниманием?

– Второе внимание подобно океану, а внимание сновидения – впадающей в него реке. Второе внимание – это состояние осознания полноценных миров, таких же полноценных, как наш. А внимание сновидения – это состояние осознания отдельных объектов в наших снах.

Дон Хуан особо подчеркнул, что внимание сновидения – ключ к любому движению в мире магов. Среди множества вещей, присутствующих в наших снах, имеются объекты, которые являются результатами энергетического вмешательства. Они внедрены в наши сны извне посторонними силами. Умение находить их и следовать за ними и есть магия.

Дон Хуан настолько явно выделил эти несколько фраз, что я попросил его объяснить еще раз. Некоторое время он колебался, потом ответил.

– Сны – это если не дверь, то, определенно, лазейка в другие миры, – начал он. – Будучи таковыми, сны подобны улице с двусторонним движением. Через эту лазейку наше осознание пробирается в иные сферы бытия. А оттуда в наши сны пробираются лазутчики⁴.

– Что такое лазутчики?

– Заряды энергии, которые вливаются в наши нормальные сны, смешиваясь с имеющимися там объектами. Всплески посторонней энергии – они поступают в наши сны, а мы интерпретируем их то ли как что-то известное нам, то ли – как неизвестное.

– Ты уж меня прости, дон Хуан, но как-то не доходит до меня твое объяснение.

– Не доходит, потому что ты настойчиво продолжаешь думать о снах так, как привык – как о том, что происходит с нами, когда мы спим. Я же настойчиво предлагаю тебе иную версию: сны – лазейка в иные сферы восприятия. Через нее просачиваются потоки незнакомой энергии. И тогда мозг, или ум, или что-то еще берет эти потоки и трансформирует их, превращая в части содержимого наших снов.

Дон Хуан немного помолчал, очевидно, чтобы дать моему уму время справиться с тем, что рассказал.

⁴ Scout – здесь: разведчик, лазутчик.

– Маги осознают эти потоки посторонней энергии, – продолжил он. – Заметив их, маги стараются изолировать их от нормальных составляющих наших снов.

– Почему маги изолируют их, дон Хуан?

– Потому что эти потоки приходят из иных реальностей. И если мы проследуем за ними до самого их истока, они послужат нам проводниками в пространства, наполненные такими тайнами, что даже магов бьет дрожь при одном упоминании об этой возможности.

– Каким образом маги изолируют их от нормального содержимого своих снов?

– При помощи применения и контроля внимания сновидения. В какой-то момент внимание сновидения обнаруживает их среди прочих составляющих сна и фокусируется на них. Тогда весь сон тает, остается только чужеродная энергия.

Дальше обсуждать эту тему дон Хуан отказался. Он вернулся к тому, что так или иначе, но ему приходится рассматривать мой сон как первую настоящую попытку сновидения. А это означает, что мне удалось добраться до первых врат сновидения.

Как-то однажды дон Хуан вдруг неожиданно вернулся к прерванному разговору. Он сказал:

– Сейчас я еще раз расскажу тебе, что следует делать во сне, чтобы пройти сквозь первые врата сновидения. Сфокусируй взгляд на чем-нибудь, что ты выберешь в качестве точки отсчета. Затем переводи взгляд на другие объекты, бросая на них короткие взгляды. Фокусируй свой взгляд на стольких объектах, на скольких сможешь. Помни: если ты бросаешь лишь короткие взгляды, образы не сдвигаются. Затем возвращайся к точке отсчета.

– Что это значит – пройти сквозь первые врата сновидения?

– Мы достигаем первых врат, либо когда осознаем мгновение засыпания, либо когда видим фантастически реальный сон. После того, как мы их достигли, нам необходимо пройти сквозь них, обретя

способность сохранять образ любого объекта, присутствующего в содержимом наших снов.

– Мне почти удастся устойчиво созерцать объекты в моих снах, но они слишком быстро рассеиваются, – сказал я.

– Именно об этом я и говорю. Прием использования точки отсчета был разработан магами с целью компенсации такого качества сновидений, как мимолетность. Каждый раз, когда ты выделяешь точку отсчета и бросаешь на нее взгляд, ты испытываешь прилив энергии. Поэтому для начала не пытайся взглянуть на большое количество объектов. Четырех будет достаточно. Потом постепенно ты будешь расширять диапазон, пока не научишься разглядывать все, что захочешь. Но всегда, как только образы начинают сдвигаться, и ты чувствуешь, что утрачиваешь контроль, немедленно возвращайся к точке отсчета и начинай сначала.

– Ты действительно веришь в то, что я, в самом деле, достиг первых врат сновидения, дон Хуан?

– Да. И это очень много значит. По мере того, как ты будешь продвигаться дальше, ты увидишь, насколько легко тебе теперь будет даваться практика сновидения.

Я думал, что дон Хуан либо преувеличивает, либо хочет меня приободрить. Но он сказал, что говорит совершенно серьезно.

– Самое поразительное из всего, что происходит со сновидящими, – это то, что по достижении первых врат сновидения, они достигают также и энергетического тела.

– Что такое энергетическое тело?

– Двойник физического тела. Призрачная форма, составленная чистой энергией.

– Но разве физическое тело не состоит из энергии?

– Состоит. Различие в том, что энергетическое тело – это только форма, не имеющая массы. Являясь чистой энергией, оно способно совершать действия, выходящие за пределы возможностей физического тела.

– Например, дон Хуан?

– Например, в мгновение ока перемещаться в любой конец вселенной. Сновидение – это искусство закалки энергетического тела, искусство придания ему гибкости и целостности⁵ посредством постепенной тренировки.

Практикуя сновидение, мы уплотняем энергетическое тело, пока оно не становится воспринимающей единицей. Восприятие, которым обладает энергетическое тело, – независимо, хотя и подвержено влиянию со стороны нашего обычного повседневного восприятия. Оно действует в своей собственной сфере.

– Что это за сфера, дон Хуан?

– Энергия. Энергетическое тело воспринимает энергию как собственно энергию. В процессе сновидения оно может обращаться с энергией тремя различными способами: воспринимать энергию в том виде, в котором она течет, использовать энергию в качестве толкателя, чтобы, подобно ракете, перелетать в какие-нибудь совершенно неожиданные пространства, или воспринимать так, как мы обычно воспринимаем мир.

– Что значит воспринимать энергию так, как она течет?

– Это значит видеть. Энергетическое тело видит энергию, непосредственно воспринимая ее то ли как свет, то ли как своего рода вибрирующий поток, то ли как неоднородность пространства. Или же оно прямо чувствует ее как встряску или некое ощущение, которое может быть даже болью.

– А тот другой способ, о котором ты говорил, дон Хуан? Использование энергии в качестве толкателя?

⁵ Coherent - сцепленный, связанный; связный, логически последовательный; гармоничный, согласованный.

– Поскольку энергия является сферой энергетического тела, то для него не составляет труда пользоваться существующими во вселенной энергетическими потоками для перемещения. Все, что для этого требуется – выделить эти потоки и идти с ними.

Дон Хуан замолчал в нерешительности, словно собирался что-то добавить, но не был уверен в том, что это стоит делать. Он улыбнулся и продолжил объяснение в тот самый момент, когда я начал было задавать следующий вопрос.

– Я уже говорил, что в своих сновидениях маги выделяют лазутчиков из иных областей, – сказал он. – Этим занимается энергетическое тело – оно и узнает чужеродную энергию, и идет за ней. Однако для сновидящих нежелательно индульгировать в поиске лазутчиков. Я не хотел рассказывать тебе об этом вследствие той легкости, с которой человек может сделаться одержимым этим поиском.

Затем дон Хуан быстро сменил тему разговора и детально описал мне целый блок практических приемов. Я обнаружил, что на каком-то уровне они были для меня непостижимы, однако на другом казались вполне логичными и понятными. Он еще раз повторил, что намеренно контролируемое достижение первых врат сновидения есть путь к энергетическому телу. Но сохранение этого достижения зависит только от количества энергии. Маги получают необходимую для этого энергию, разумно перераспределяя ту имеющуюся у них энергию, которая используется ими для восприятия нашего мира повседневности.

Когда я потребовал, чтобы дон Хуан выразился яснее, он добавил, что каждый человек обладает определенным количеством изначальной энергии. Это количество – вся энергия, которая у нас есть. И мы используем ее всю для того, чтобы воспринимать столь поглощающий нас обычный мир и справляться с возникающими в нем проблемами.

Несколько раз он с нажимом повторил, что больше нам взять энергию неоткуда, поскольку вся имеющаяся у нас энергия уже

задействована, ни капли ее не остается на экстраординарное восприятие, каковым, в частности, является сновидение.

– И что же нам остается? – спросил я.

– Нам остается лишь одно – стать скрягами в отношении энергии, добывая ее любыми доступными способами везде, где только возможно.

Затем дон Хуан рассказал о том, что у магов есть особый метод добычи энергии. Они разумно перераспределяют свою энергию, сокращая ее расход за счет устранения из своей жизни всего, что считают лишним. Этот метод получил название «пути мага». Как сформулировал дон Хуан, путь мага, в сущности, является последовательным выбором возможностей поведения при взаимодействии с окружающим миром. Выбор магов значительно более разумен, чем тот, которому обучили нас наши предшественники. Задача подобного выбора заключается в том, чтобы привести наши жизни в порядок путем изменения наших основных реакций в отношении процесса жизни⁶.

– Что это за основные реакции, дон Хуан? – спросил я.

– Существуют два способа встречи нашего процесса жизни, – ответил он. – Первый – покориться ему, либо соглашаясь с его требованиями, либо сражаясь с ним. Вторым является формирование нашей частной жизненной ситуации в соответствии с нашими собственными замыслами.

– И мы действительно можем формировать свою жизненную ситуацию, дон Хуан?

– Человек способен формировать свою жизненную ситуацию в соответствии со своими установками, – настаивал дон Хуан. – Сновидящие делают это. Это звучит дико? Вовсе нет, особенно если учесть, как мало мы о себе знаем.

Он сказал, что, будучи учителем, заинтересован в том, чтобы я как следует уяснил себе, что такое жизнь и что значит жить, то есть

⁶ Being alive

каково различие между феноменом жизни как следствием действия биологических сил, и процессом жизни как деятельностью, направленной на познание.

– Говоря о формировании жизненной ситуации, – продолжал дон Хуан, – маги имеют в виду формирование осознания процесса жизни. За счет формирования этого осознания мы можем обрести энергию, достаточную для достижения и поддержания нашего энергетического тела. А с его помощью мы определенно можем сформировать общее направление и последствия наших жизней.

Заканчивая наш разговор о сновидении, дон Хуан посоветовал мне не просто подумать о том, что он мне рассказал, но постараться посредством многократного повторения воплотить его концепции в жизнь, выработав новый, более продуктивный образ жизни. Он утверждал, что все новое в нашей жизни, в частности, концепции магов, которым он меня обучал, должно повторяться до полного нашего изнеможения, и только тогда мы этому открываемся. Он также отметил, что именно за счет повторения наши предшественники в целях функционирования в повседневном мире сделали нас общественными существами.

По мере того, как я продолжал практиковать начальные шаги искусства сновидения, мне удалось добиться полноценного осознания момента засыпания. Кроме того, я научился останавливаться в сновидении, чтобы целенаправленно изучить любой объект, присутствующий в сюжете сна. То, что я испытывал, казалось мне, по меньшей мере, чудом.

Дон Хуан утверждал, что по мере того, как сны делаются все более подконтрольными нам, совершенствуется и наше умение контролировать внимание сновидения. Он был прав, говоря, что внимание сновидения вступает в действие, когда его призывают, когда перед ним ставят задачу. Оно начинает работать не вследствие какого-то процесса в том виде, в каком мы обычно понимаем процесс: как некую непрерывную систему или последовательность действий, приводящих к конечному результату. Это, скорее, пробуждение. Нечто, до тех пор дремавшее, внезапно начинает действовать.

Глава 3. Вторые врата сновидения

В ходе практики сновидения я обнаружил, что в целях выделения определенного момента, учителю необходимо создать дидактический синтез. Чего добивался дон Хуан, давая мне первое задание? По сути, он хотел заставить меня упражнять внимание сновидения посредством фокусировки на объектах, присутствующих в сновидении. В целях достижения этого результата он вывел на передний план идею осознания момента засыпания. Его уловкой было заявить, что единственным способом осознания момента засыпания является изучение элементов снов.

Едва взявшись за практическую отработку искусства сновидения, я понял, что тренировка внимания сновидения является неотъемлемым моментом сновидения. Однако с точки зрения ума тренировка осознания на уровне сновидения кажется чем-то невозможным. Дон Хуан говорил, что активным элементом такой тренировки является настойчивость. И что разум, со всеми его защитами, не может совладать с настойчивостью. Рано или поздно, — говорил он, — под воздействием этой настойчивости защитные барьеры ума разрушаются, и внимание сновидения расцветает.

По мере практики сосредоточения и удержания внимания сновидения на объектах сна, я начал чувствовать какую-то очень необычную уверенность в себе. Она была настолько странной, что я обратился к дону Хуану за разъяснением.

— Ощущение уверенности в себе дает тебе именно вхождение в сферу второго внимания, — пояснил он. — Теперь от тебя требуется еще более трезвый подход. Будь очень осмотрителен, продвигайся медленно, но не останавливайся и ни в коем случае не разговаривай об этом. Просто действуй!

Я сообщил ему, что в своей практике я подтвердил все то, о чем он мне говорил. Действительно, когда я бросал на объекты сна короткие взгляды, их образы не рассеивались. Я сказал, что сложнее всего преодолеть изначальный барьер, не позволяющий вывести сновидение в сферу нашего сознательного внимания. Я спросил его

мнения, потому что сам искренне полагал, что барьер этот – чисто психологического свойства, – результат нашей социальной обусловленности, вследствие которой мы не склонны придавать снам особого значения.

– Этот барьер – нечто большее, чем наша социализация, – ответил он. – Это – первые врата сновидения. Теперь, когда ты их преодолел, тебе кажется глупым, что мы не можем по своей воле останавливаться, обращая внимание на какой-либо объект сновидения. Эта фальшивая уверенность. Первые врата сновидения имеют отношение к потоку энергии во вселенной. Это естественное препятствие.

Затем дон Хуан настоял на том, что мы станем говорить о сновидении только в тех случаях, когда я буду находиться во втором внимании или когда он сам сочтет нужным. Он просил меня, во что бы то ни стало, продолжать практику, обещая со своей стороны ни во что не вмешиваться.

Постепенно осваиваясь с настройкой сновидения, я начал снова и снова испытывать ощущения, которые почему-то считал очень важными. Это было ощущение, словно я скатываюсь в канаву. Оно приходило точно в момент засыпания. Дон Хуан не вмешивался; он ни разу не сказал, что эти ощущения бессмысленны и позволил мне записывать все, что я считал нужным. Сегодня я отдаю себе отчет, насколько нелепо выглядел тогда в глазах дона Хуана. Если бы сегодня мне довелось обучать кого-нибудь практике сновидения, я, безусловно, немедленно пресек бы подобное поведение ученика. Дон Хуан же просто потешался надо мной и дразнил, называя скрытым эгоманьяком, который заявляет о том, что борется с самозначительностью, а сам продолжает дотошно вести сверхличный дневник с надписью «Мои Сны» на обложке.

При каждом удобном случае дон Хуан подчеркивал, что энергия, необходимая для освобождения внимания сновидения из его социальной тюрьмы появляется вследствие перераспределения той энергии, которая уже есть в нашем распоряжении. Он был абсолютно прав. Высвобождение внимания сновидения является прямым следствием корректировки образа жизни. Поскольку нет

никакого внешнего источника энергии, к которому мы могли бы подключиться, то для получения толчка нам остается лишь доступными способами перераспределять ту энергию, которой мы реально располагаем.

Дон Хуан настаивал, что именно путь мага является наилучшей «смазкой» для приведения в действие механизма перераспределения энергии и что из всех составляющих пути мага наиболее результативной (эффективной) является «потеря самозначительности». Дон Хуан был убежден, что она (потеря самозначительности) абсолютно необходима во всем, что делают маги, и по этой причине придавал огромное значение ведению всех своих учеников к выполнению этого требования, утверждая, что самозначительность является не только главным врагом мага, но и Немезидой⁷ всего человечества.

Дон Хуан аргументировал это, говоря, что на поддержание нашей значительности (значимости) уходит подавляющая часть нашей энергии. С особой очевидностью это проявляется в нашей постоянной обеспокоенности тем, как нас воспримут, как нам себя подать, какое впечатление мы производим. Нас всегда чрезвычайно сильно волнует, понравимся ли мы окружающим, признают ли нас и будут ли нами восхищаться. Если бы нам удалось хотя бы частично избавиться от этой значительности, с нами произошли бы два необычайных события. Первое – высвободилась бы энергия, затрачиваемая на наши попытки поддержания собственного величия. Второе – мы обрели бы энергию, достаточную для вхождения во второе внимание, что позволило бы нам хотя бы мельком взглянуть на истинное величие вселенной.

Чтобы научиться устойчиво фокусировать внимание сновидения на интересовавших меня объектах, мне понадобилось два года. Зато я настолько освоился, что чувствовал себя так, словно всю жизнь только этим и занимался. Самым невероятным было то, что я не мог даже представить себе, что когда-то этого не умел.

Однако я помнил, насколько сложно мне было когда-то думать об этом даже как о потенциальной возможности. Однажды мне

⁷ Немезида – греч. Богиня возмездия.

пришло в голову, что способность исследовать содержимое наших снов является нашей врожденной способностью, как, скажем, способность ходить. Человек от природы – двуногое существо, но какие усилия нам приходится прилагать, чтобы научиться ходить!

Новая способность рассматривать объекты снов короткими взглядами сопровождалась постоянными напоминаниями самому себе о том, чтобы это делать. Я, в общем, знал о своей склонности к принуждению, но во сне эта склонность усиливалась до такой степени, что в конце концов я начал злиться на самого себя и даже задался вопросом: не является ли это чьим-то посторонним влиянием? Временами я даже подумывал, что схожу с ума.

– Я без конца болтаю сам с собой во сне, напоминая себе о том, что нужно рассматривать объекты, – пожаловался я дону Хуану.

В целом я старался придерживаться нашего соглашения обсуждать искусство сновидения только по его инициативе. Однако данный случай показался мне слишком серьезным.

– А это, случайно, не звучит так, будто говоришь не ты, а кто-то другой? – спросил дон Хуан.

– Если подумать об этом, то да. Это действительно звучит так, словно говорю не я.

– Тогда это – не ты. Но время для объяснения этого явления еще не пришло. Скажем так, что в этом мире мы не одни, что сновидящему доступны другие целостные миры. Из этих целостных миров к нам являются энергетические сущности. В следующий раз, когда ты опять услышишь, как ворчишь на себя во сне, по-настоящему разозлишься и в приказном тоне рявкни: «Прекратить!»

Я столкнулся с новым для себя вызовом: необходимостью вовремя вспомнить о том, что следует выкрикнуть эту команду. И, наверное, потому, что уж слишком меня все это раздражало, я смог-таки вспомнить и рявкнул во сне: «Прекратить!» Ворчание тут же прекратилось и больше никогда не повторялось.

– Это происходит с каждым сновидящим? – спросил я у дон Хуана, когда мы встретились в очередной раз.

– С некоторыми, – безразличным тоном ответил он.

Я начал было пространно рассказывать о том, как все это было странно, но дон Хуан оборвал мою тираду, сказав:

– Теперь ты готов приблизиться ко вторым вратам сновидения.

Я тут же ухватился за возможность получить ответы на вопросы, теснившиеся в моем уме, поскольку задать их раньше не предоставлялось случая. Особенно меня интересовало то, что я пережил, когда он впервые заставил себя войти в состояние сновидения. Я сказал дону Хуану, что хотя в своих сновидениях и наблюдал объекты так долго, как мне хотелось, но мне не приходилось испытывать ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего то наше сновидение по яркости и насыщенности деталями.

– Чем больше я об этом думаю, – сказал я, – тем больше это меня интригует. Когда я разглядывал людей, бывших в том сновидении, меня охватил незабываемый страх. Что это было за чувство, дон Хуан?

– По-моему, твое энергетическое тело попало на удочку чужеродной энергии того места. Поэтому, поскольку ты впервые столкнулся с чужеродной энергией, то возникшее у тебя чувство испуга и протеста было вполне естественным.

– Ты склонен вести себя подобно магам древних времен, – продолжал он. – Как только тебе предоставляется случай, ты отпускаешь свою точку сборки. В тот раз она сдвинулась на довольно значительное расстояние. В результате ты, как в свое время древние маги, отправился куда-то за пределы известного нам мира. Путешествие столь же реальное, как и опасное.

Я пропустил его замечание мимо ушей, не вникая в его значение, поскольку меня интересовало другое. Я спросил:

– Тот город, вероятно, находился на другой планете?

– Ты пытаешься объяснить сновидение, опираясь на то, что знаешь, или полагаешь, что знаешь, – ответил он. – Единственное, что я могу тебе сказать, – это то, что город, в котором ты побывал, не находится в нашем мире.

– А где же он тогда находится?

– Вне этого мира, разумеется. Ты ведь не настолько глуп. Это было первым из того, на что ты обратил внимание. Ты ходишь кругами из-за того, что не можешь себе представить, чтобы что-то не принадлежало к этому миру.

– Хорошо, а вне этого мира – это где, дон Хуан?

– Можешь мне поверить, что «вне этого мира» является самой замысловатой вещью в магии. Ты, например, полагаешь, что я видел тогда то же самое, что и ты. Ведь ты ни разу не спросил меня, что я видел. Но на самом деле ты, и только ты видел и тот город, и людей в нем. Я же ничего подобного не видел. Я видел энергию. Так что в данном конкретном случае только для тебя одного «вне этого мира» означало «в том городе».

– Но тогда, дон Хуан, тот город не был реальностью. Он существовал только для меня и только в моем уме.

– Нет. Не в этом дело. Теперь ты пытаешься свести нечто поистине трансцендентное к вещам самым обыкновенным. Но это невозможно. Путешествие было реальностью. Ты видел город. Я видел энергию. Ни ты, ни я не были правы. И ни ты, ни я не ошибались.

– Твои слова относительно реальности подобных вещей приводят меня в полную растерянность. Раньше ты говорил, что мы с тобой побывали в реальном месте. Но, если это так, то как у нас с тобой могли возникнуть две различных его версии?

– Очень просто. Наши версии различны, потому что на тот момент мы с тобой обладали различными характеристиками однородности и внутренней связи. А я уже говорил тебе о том, что эти характеристики и есть ключи к восприятию.

– Как ты думаешь, мне удастся еще раз побывать в том самом конкретном городе?

– Меня привел туда ты. Так что я не знаю. Вернее, знаю, но объяснить не могу. Вернее, могу, но не хочу. Тебе просто следует выждать и самостоятельно выяснить, в чем тут дело.

Дон Хуан прервал разговор на эту тему.

– Давай-ка вернемся к основной теме, – предложил он. – Вторые врата сновидения достигаются тогда, когда ты «просыпаешься» из одного сна в другом сне. Ты можешь иметь столько снов, сколько захочешь. Или столько, сколько сможешь. Главное – чтобы ты прикладывал соответствующий контроль и не просыпался в известном мире.

Меня охватила паника.

– Ты хочешь сказать, что я никогда не должен просыпаться в этом мире? – спросил я.

– Нет, этого я не имел в виду. Но раз уж ты затронул эту тему, я вынужден сказать тебе, что такое тоже возможно. Маги древности имели обыкновение так поступать. Они никогда не просыпались в этом мире известного. Так поступили и некоторые из магов моей линии. Конечно, это можно сделать, но я бы не советовал. Я хочу, чтобы по окончании практики сновидения ты проснулся самым обычным и естественным образом. Но вот во время сновидения тебе должно присниться, что ты проснулся в другом сне.

Невольно у меня вырвался тот же вопрос, который я задавал ему, когда он впервые рассказывал о настройке сновидения. Я услышал собственный голос, вопрошающий:

– Но разве такое возможно?

Дон Хуан, явно заметив мою глупость, со смехом ответил так же, как и в тот раз:

– Разумеется, это возможно. Все дело в самоконтроле, и он ничем принципиально не отличается от самоконтроля, которым мы пользуемся в повседневной жизни.

Я быстро справился со своим замешательством и приготовился задать следующий вопрос, но дон Хуан опередил меня, заговорив о границах вторых врат сновидения. Его объяснения ввергли меня в еще более глубокое замешательство.

– Существует одна проблема, связанная со вторыми вратами сновидения, – сказал он. – И она может быть очень и очень серьезной. Все зависит от особенностей характера. И если нам присуща тенденция идти на поводу у нашей склонности цепляться за вещи и привязываться к ситуациям, – у нас могут возникнуть серьезные затруднения.

– Каким образом, дон Хуан?

– А ты подумай. Ведь тебе уже приходилось, исследуя содержимое снов, испытывать неземное удовольствие. Теперь представь себе: ты переходишь от одного сна к другому, все разглядываешь, исследуешь каждую деталь. Нетрудно понять, что таким образом можно погрузиться в смертельные глубины. Особенно если человеку свойственно индольгирование.

– Неужели тело или мозг естественным образом не среагируют и не пресекут это?

– Пресекут, если это естественный, то есть нормальный сон. Но в нашем случае о нормальном сне речь не идет. Мы говорим о сновидении. А сновидящий, преодолевший первые врата сновидения, достиг осознания энергетического тела. И именно энергетическое тело проходит сквозь вторые врата сновидения, перескакивая из одного сна в другой.

– Что же из всего этого следует, дон Хуан?

– То, что после преодоления вторых врат сновидения тебе следует сформировать намерение обрести еще более жесткий и

трезвый контроль над вниманием сновидения, потому что оно — единственный предохранительный клапан для сновидящего.

— Что ты имеешь в виду под «предохранительным клапаном»?

— Тебе еще предстоит обнаружить, что истинной целью сновидения является совершенствование энергетического тела. А совершенное энергетическое тело обладает, кроме всего прочего, настолько четким контролем над вниманием сновидения, что может заставить его остановиться тогда, когда это необходимо. Это и есть тот предохранительный клапан, который имеется в распоряжении сновидящих. И не важно, насколько они в данный момент индугируют, их внимание сновидения должно вытолкнуть их на поверхность.

Итак, я вновь взялся теперь уже за другую задачу сновидения. На этот раз цель просматривалась гораздо менее ясно, чем прежде, а трудности еще более возросли. Точно так же, как и в случае с первым заданием, я никак не мог решить, что же мне делать. В сознание мое закралось довольно обескураживающее подозрение относительно того, что на этот раз вся моя практика вряд ли сможет чем-нибудь мне помочь. После бесчисленных неудач я сдался и возвратился к исходной точке, просто продолжив практику фиксации внимания сновидения на каждом из объектов, присутствовавших в моих снах. Я согласился с тем, что чего-то мне не хватает, и это, похоже, дало мне некий толчок. С возросшим мастерством я мог теперь удерживать образ любого объекта сновидения.

Год прошел без каких бы то ни было перемен. Потом вдруг, в один день что-то изменилось. Я видел сон. В нем я разглядывал окно, пытаюсь выяснить, удастся ли мне рассмотреть расстилавшийся за стенами комнаты пейзаж. Вдруг какая-то, похожая на ветер, сила, которую я ощутил как звон в ушах, вытянула меня сквозь окно наружу. Причем за мгновение до этого мое внимание сновидения было привлечено какой-то странной конструкцией, находившейся в отдалении. Она была похожа на трактор. В следующее мгновение я осознал, что стою рядом с ним и внимательно его изучаю.

Я совершенно четко осознавал, что это — сновидение. Я осмотрелся, чтобы выяснить, не вывалился ли я из окна, на которое смотрел. Судя по окружавшему меня пейзажу, я находился где-то на ферме в сельской местности. В пределах видимости не было никаких зданий. Я хотел было как следует это осмыслить, однако все мое внимание было привлечено огромным количеством сельскохозяйственной техники, находившейся вокруг. Похоже было, что вся техника брошена. Я разглядывал сенокосилки, тракторы, зерноуборочные комбайны, дисковые плуги, молотилки. Их было так много, что я забыл о сне, с которого все началось. Потом я решил сориентироваться, осмотрев тот пейзаж, который окружает меня в данный момент. На некотором расстоянии виднелось нечто, похожее на огромный рекламный щит, подобный тем, что во множестве расставлены вдоль всех дорог Америки. Вокруг него виднелись телеграфные столбы.

Стоило мне сосредоточить внимание на рекламном щите, как я в то же мгновение обнаружил, что нахожусь рядом с ним. Стальная конструкция внушала страх. В ней была угроза. На самом щите было изображено здание. Я прочел текст — это была реклама мотеля. Со странной определенностью я был уверен, что нахожусь либо в Орегоне, либо в северной Калифорнии.

Я продолжал рассматривать пейзаж этого сна. Где-то очень далеко виднелись горы, а несколько ближе — зеленые округлые холмы. По холмам были разбросаны группы деревьев. Я решил, что это — калифорнийские дубы. Я захотел, чтобы зеленые холмы притянули меня к себе, но вместо этого был притянут далекими горами. Я был убежден, что это — Сьерра.

Там, в горах, меня покинула вся энергия, которой я обладал в сновидении. Но прежде чем это произошло, меня последовательно притягивали к себе все детали картины, на которые я обращал внимание. Сон перестал быть сном. Я воистину находился в горах Сьерры, по крайней мере, об этом говорило мне мое восприятие.

Я «наезжал», подобно наезду камеры на объект в кино, и вглядывался в расщелины, валуны, деревья, пещеры. По отвесным склонам я поднимался к вершинам гор, и все это продолжалось до

тех пор, пока я полностью не обессилел, утратив способность фокусировать внимание сновидения на чем бы то ни было. Я почувствовал, что теряю контроль. В конце концов я обнаружил, что больше нет никакого пейзажа, но только лишь непроглядная тьма.

– Ну что же, ты добрался до вторых врат сновидения, – сообщил мне дон Хуан, когда я рассказал ему об этом сновидении. – Теперь тебе предстоит сквозь них пройти. Преодоление вторых врат сновидения – это очень серьезно. Для этого необходимо исключительно дисциплинированное усилие.

Я не был уверен в том, что справился с поставленной задачей, поскольку в другом сне по-настоящему не просыпался. Я задал дону Хуану вопрос по поводу этой неувязки.

– Это моя ошибка, – ответил он. – Я говорил тебе, что необходимо проснуться в другом сне, но имелось в виду несколько иное: нужно последовательно и точно менять сны. Именно это ты и совершил.

– Подбираясь к первым вратам, ты потратил массу времени впустую, разглядывая исключительно собственные руки. На этот раз ты направился прямо к цели, не особо утруждая себя выполнением данной тебе инструкции проснуться в другом сне.

Затем дон Хуан сказал, что существует два корректных способа преодоления вторых врат сновидения. Первый – проснуться в другом сне, то есть увидеть во сне, что видишь сон, а затем увидеть во сне, что проснулся от этого сна. Второй – использовать элементы сна для вызова другого сна, как сделал это я.

Как обычно, дон Хуан в очередной раз предоставил мне возможность практиковаться без какого бы то ни было вмешательства с его стороны, и я убедился в существовании обеих, описанных им возможностей. Либо мне снилось, что у меня был сон, в котором мне снилось, что я проснулся, либо я «наезжал», перемещался от чего-нибудь, непосредственно доступного моему вниманию сновидения, к чему-либо не столь доступному. Иногда я применял второй способ в слегка измененном варианте: я вглядывался в какой-нибудь из объектов сна до тех пор, пока он не

начинал изменять форму, втягивая меня тем самым сквозь звенящий вихрь в другой сон. Однако мне никогда не удавалось предугадать заранее, каким из трех способов я воспользуюсь в данном конкретном сновидении. Заканчивались же мои практики сновидения либо тем, что я либо «выскакивал» из внимания сновидения и просыпался, либо проваливался в темный, глубокий беспробудный сон.

Все шло гладко. Единственное, что меня беспокоило, — это все чаще повторявшееся ощущение некоторой помехи, что-то вроде приступов страха или дискомфорта. Я полагал, что это обусловлено либо моим отвратительным питанием, либо тем, что как раз в то время дон Хуан часто давал мне галлюциногенные растения, что тоже входило в программу моих занятий. Однако в конце концов приступы сделались настолько явными, что я вынужден был обратиться к дону Хуану за советом.

— Ты прикоснулся к самой опасной грани магического знания, настоящему кошмару, истинному страху, — начал он. — Я бы пошутил с тобой, сказав, что не упоминал об этой возможности, заботясь о твоей взлелеянной рациональности, но я не могу. С этим должен встретиться каждый маг. Я боюсь, что именно здесь ты можешь заключить, что действительно тонешь.

Дон Хуан очень серьезно объяснил мне, что жизнь и сознание, будучи чем-то, относящимся исключительно к энергии, не являются собственностью лишь организмов. Маги увидели, что существует два типа сознающих существ, скитающихся по этой земле — органические существа и существа неорганические. Сравнивая их друг с другом, маги увидели, что и те, и другие являются светящимися массами, которые под всеми вообразимыми углами пересекаются миллионами энергетических волокон вселенной. Отличаются они друг от друга формой и яркостью. Неорганические существа имеют вытянутые формы, похожие на свечи, и светятся тусклым светом. Органические же существа более округлы и обладают гораздо более ярким свечением. Еще одно существенное различие между ними, которое увидели маги, состоит в том, что жизнь и сознание органических существ быстротечны, поскольку

существа эти созданы, чтобы торопиться⁸. Неорганические существа живут неизмеримо дольше, а их сознание бесконечно более спокойно и глубоко.

– Маги не увидели никакой проблемы в том, чтобы взаимодействовать с неорганическими существами, – продолжал дон Хуан. – Неорганические существа обладают осознанием – главной характеристикой, необходимой для взаимодействия.

– Но они действительно существуют? – спросил я. – Так же реально, как ты и я?

– Конечно, существуют, – ответил он. – Можешь мне поверить, маги – создания исключительно разумные. Ни при каких условиях они не стали бы заигрывать с предрассудками, принимая их впоследствии за реальность.

– Почему ты говоришь, что эти существа – живые?

– С точки зрения мага обладать жизнью значит – обладать сознанием. То есть иметь точку сборки с окружающим ее свечением осознания. Именно это указывает магу на то, что существо, с которым он имеет дело, не важно – органическое оно или неорганическое, вполне способно воспринимать. Маги рассматривают наличие восприятия как необходимое условие жизни.

– Тогда неорганические существа также должны умирать. Это верно, дон Хуан?

– Естественно. Они утрачивают свое осознание точно так же, как и мы. Просто продолжительность существования их сознания поистине умопомрачительная.

– Неорганические существа сами являются магам?

– В их случае очень трудно сказать, что есть что. Скажем так: мы приманиваем их или, вернее, вынуждаем их с нами взаимодействовать.

⁸ Made to hurry

Мгновение дон Хуан буквально сверлил меня взглядом.

– До тебя это совершенно не доходит, – уверенно заключил он.

– Я почти не в состоянии думать об этом с точки зрения здравого смысла, – сказал я.

– А я тебя предупреждал, что твоему рассудку предстоит серьезное испытание. В этом случае целесообразно оставить все, как есть, и предоставить событиям возможность идти своим чередом. Я имею в виду – позволить неорганическим существам прийти к тебе.

– Ты это серьезно, дон Хуан?

– Абсолютно серьезно. Сложность взаимодействия с неорганическими существами, заключается в том, что их сознание действует чрезвычайно медленно по сравнению с нашим. И на то, чтобы они признали мага, уходят годы. Потому рекомендуется запастись терпением и ждать. Рано или поздно они покажутся. Но не так, как показались бы ты или я. Они дают о себе знать весьма специфическим способом.

– Как маги их приманивают? Существует какой-то ритуал?

– Ну, уж во всяком случае, маги не выходят на середину дороги и не вызывают к ним оттуда дрожащим голосом, когда бьет полночь, если под ритуалом ты понимаешь что-то в этом роде.

– А что же они делают?

– Они приманивают их в сновидении. Я же сказал, что это нечто большее, чем просто приманивание. Посредством акта сновидения маги принуждают их к взаимодействию.

– Каким образом с помощью акта сновидения маги их принуждают?

– Сновидение означает удерживание точки сборки там, куда она сдвинулась во сне. Это действие создает особый энергетический заряд, который привлекает внимание неорганических существ. Как

наживка привлекает рыб. И они идут на эту наживку. Достигая и преодолевая первые и вторые врата сновидения, маги забрасывают наживку для неорганических существ и тем самым вынуждают их явиться.

Преодолев первые и вторые врата сновидения, ты довел до их сведения свое приглашение. Теперь жди, пока они подадут тебе знак.

– Каким может быть этот знак, дон Хуан?

– Вполне возможно, что кто-то из них явится тебе, хотя для этого еще слишком рано. По-моему, знаком будет просто некоторое вмешательство в твоё сновидение. Я полагаю, что приступы страха, которые ты испытываешь в настоящее время, обусловлены не нарушением пищеварения, но импульсами энергии, которые посылают тебе неорганические существа.

– И что мне теперь делать?

– Ты должен соразмерить собственные ожидания.

Я не мог понять, что он имеет в виду. Дон Хуан подробно объяснил. Чего мы ожидаем, вступая во взаимодействие с людьми или другими органическими существами? Немедленной реакции на свой запрос. Однако неорганические существа отделены от нас самым труднопреодолимым барьером – другими скоростями движения энергии. Поэтому маг должен соразмерить свои ожидания, продолжая действовать в режиме запроса столько времени, сколько потребуется на то, чтобы его запрос был принят.

– Ты хочешь сказать, дон Хуан, что запрос и практика сновидения в данном случае одно и то же?

– Да. Но для того, чтобы получить совершенный результат, тебе следует добавить к своей практике намерение добраться до неорганических существ. Послать им чувство силы и уверенности, чувство могущества и отрешенности. И любой ценой избежать того, чтобы их достигло твоё чувство страха или подавленности. Они

достаточно мрачны сами по себе. Добавлять к их мрачности свою тебе, по меньшей мере, не обязательно.

– Мне не совсем ясно, дон Хуан, каким образом они являются сновидящим. Что это за особый способ, которым они дают о себе знать?

– Случается, что они материализуются в этом мире – прямо перед нами. Хотя большую часть времени они невидимы, а присутствие их проявляется в виде особого ощущения в теле человека, своего рода встряски или дрожи, которая пробирает человека до мозга костей.

– А в сновидении, дон Хуан?

– В сновидении все наоборот. Временами мы ощущаем их так, как ощущал ты – как приступы страха. В большинстве случаев они материализуются, возникая прямо перед нами. Поскольку поначалу у нас нет опыта обращения с ними, они могут внушить нам безмерный страх. И это по-настоящему опасно для нас. По каналу страха они способны проследовать за человеком в мир повседневности. Результаты этого могут быть поистине катастрофическими.

– В каком смысле, дон Хуан?

– В его жизни может прочно укорениться страх. Совладать с этим страхом мы можем, лишь будучи полностью отстраненными от всего. Неорганические существа могут быть истинными паразитами – хуже чумы. Нагоняя на человека страх, они вполне способны свести его с ума.

– А как взаимодействуют с неорганическими существами маги?

– Сходятся с ними. Превращают их в своих союзников. Образуют сообщества. Иногда их контакты выливаются в необычайную дружбу. Я называю такие отношения сотрудничеством без границ. Главнейшую роль в них играет восприятие. Ведь мы – существа общественные и неизбежно ищем компании других сознаний.

Секрет успешного налаживания контактов с неорганическими существами заключается в том, что их не нужно бояться. Причем так должно быть с самого начала. Намерение, посылаемое им, должно быть намерением силы и отрешенности. В нем должно быть закодировано: «Я вас не боюсь. Приходите повидаться. Если явитесь – буду рад вас видеть. Если не захотите прийти – мне будет вас не хватать». Когда неорганические существа получают такое послание, их охватывает настолько неудержимое любопытство, что они непременно приходят.

– Но для чего им приходиться ко мне, или с какой стати я должен стремиться к встрече с ними?

– Сновидящие ищут в своих сновидениях контактов с другими существами. Нравится нам это или нет – не имеет значения. Может быть, это тебя шокирует, но сновидящие автоматически стремятся отыскать группы существ, с которыми у них может установиться связь, своего рода узы. Сновидящие поистине жаждут их отыскать.

– Мне это кажется странным, дон Хуан. Зачем сновидящие это делают?

– Неорганические существа – нечто новое для нас. А для них новинкой становятся те из нас, кто переходит через границу их сферы. Благодаря своему великолепному сознанию, неорганические существа обладают для сновидящего огромной притягательной силой и могут переносить его в неописуемые миры. Запомни это хорошенько и никогда об этом не забывай.

– Маги древности использовали их. Именно им обязан своим происхождением термин «союзники». Союзники этих магов научили их смещать точку сборки за пределы светящегося яйца – в нечеловеческую вселенную. Поэтому, когда маг использует их в качестве транспортного средства, они переносят его в миры, находящиеся за пределами сферы человеческого.

Я слушал его, и меня одолевали необычные страхи и дурные предчувствия. Дон Хуан мгновенно понял, в чем дело.

– Ты религиозен до предела, – рассмеялся он. – И в настоящий момент почувствовал на своем затылке дыхание дьявола. Думай о сновидении с той точки зрения, что оно является восприятием большего, чем то, что, как мы верим, возможно воспринимать.

Во время бодрствования меня беспокоила возможность реального существования неорганических существ. Но когда я спал, мое сознательное беспокойство особой силы не имело. Приступы физического страха продолжались, но за ними неизменно стояло странное спокойствие. Оно овладевало мной и позволяло мне продолжать, словно никакого страха и не было.

Тогда мне казалось, что каждый прорыв в моем сновидении случался внезапно, без предупреждения. Появление в моих снах неорганических существ не явилось исключением. Это случилось, когда мне снился цирк из моего детства. Окружающая обстановка напоминала пейзаж маленького городка в горах Аризоны. Я принялся рассматривать людей, испытывая никогда не покидавшую меня смутную надежду снова увидеть тех людей, которых я видел, когда дон Хуан впервые заставил меня войти в сферу второго внимания.

Наблюдая за ним, я ощутил всплеск нервозности – толчок под ложечкой, похожий на удар. Встряска отвлекла меня, и я потерял из виду людей, цирк и городок в горах Аризоны. Вместо всего этого передо мной стояли две странного вида фигуры. Они были тонкие – менее фута в ширину – и длинные – футов около семи. Они нависали надо мной, как два гигантских земляных червя.

Я знал, что это сон, но также знал и то, что вижу. О видении мы с доном Хуаном беседовали, когда я был как в нормальном состоянии, так и в состоянии второго внимания. И, хотя я не мог тогда испытать это не собственном опыте, мне казалось, что я понял идею непосредственного восприятия энергии. И в том сне, глядя на эти странные призраки, я понял, что вижу энергетическую сущность чего-то невероятного.

Я был очень спокоен и не двигался. Самым замечательным для меня было то, что они не рассеялись и не трансформировались

во что-нибудь другое, оставаясь зримыми существами, по форме напоминавшими свечи. В них было нечто, заставлявшее что-то во мне удерживать восприятие их формы. Я знал это, поскольку что-то говорило мне, что, если я не буду двигаться, они тоже останутся на месте.

В определенный момент все закончилось. Я проснулся от испуга и немедленно попал в осаду множества страхов. Это не было психологическим беспокойством, но скорее телесным ощущением страдания, печалью, не имеющей под собой основания.

С тех пор те две странные фигуры являлись мне каждый раз, когда я практиковал сновидение. Со временем получилось так, словно вся моя практика сновидения нужна была только затем, чтобы я с ним встретился. Они никогда не пытались ни приблизиться ко мне, ни вступить в какое бы то ни было взаимодействие. Они просто неподвижно стояли передо мной все то время, пока длился сон. Я не только ни разу не сделал усилия изменить свои сны, более того, – даже забыл, ради чего, собственно, практикую сновидение.

К тому времени, когда я, наконец, рассказал дону Хуану о том, что со мной происходит, я уже несколько месяцев созерцал только эти две фигуры.

– Ты застрял на опасном перекрестке, – сказал дон Хуан. – Будет неправильно, если ты их прогонишь. Однако позволить им остаться – тоже ошибка. В настоящее время их присутствие – помеха в твоей практике сновидения.

– Что же мне делать, дон Хуан?

– Встретиться с ними прямо сейчас, в нашем мире, и сказать им, чтобы они приходили позже, когда в твоём сновидении будет больше силы.

– Но как с ними встретиться?

– Это непросто, но возможно. Нужно только, чтобы кишка у тебя была не слишком тонка. Но она у тебя не тонка, будь спокоен.

И, не ожидая, пока я начну уверять его, что как раз кишка-то у меня и тонка, да к тому же весьма, он потащил меня куда-то в холмы. Жил он тогда на севере Мексики и предварительно позаботился в том, чтобы у меня сложилось впечатление о нем как об одиноком маге, всеми позабытом и выпавшем из потока человеческой жизни старце. Я, тем не менее, подозревал, что он разумен сверх всякой меры, и поэтому был склонен мириться с тем, что, как я наполовину верил, было лишь его причудами. Хитрость магов, культивируемая веками, была его отличительным знаком⁹. Он добивался того, чтобы в нормальном своем состоянии я понял все, что только был способен понять. В то же время, вводя меня в состояние второго внимания, он добивался того, что я либо понимал, либо, по крайней мере, внимательно слушал все, чему он меня учил. Таким образом, он разделил меня на две части. Пребывая в обычном состоянии, я не мог понять, почему или каким образом получается так, что я склонен принимать его эксцентричные выходки всерьез. Когда же я находился в состоянии второго внимания, все это имело для меня вполне определенный смысл.

Дон Хуан утверждал, что второе внимание доступно всем нам, но мы сами, держась за нашу, стоящую на предохранительном взводе, рациональность, — одни более яростно, чем другие — удерживаем второе внимание на расстоянии вытянутой руки. Идея дона Хуана состояла в том, что сновидение разрушает барьеры, которые окружают и изолируют второе внимание.

В тот день, когда он повел меня в холмы Сонорской пустыни на встречу с неорганическими существами, я находился в обычном состоянии осознания. Однако откуда-то мне все же было известно, что предстоит совершить нечто, и это нечто явно будет чем-то невероятным.

В пустыне прошел небольшой дождик. Рыжая почва еще не просохла и прилипала к резиновым подошвам моих ботинок. Чтобы избавиться от тяжелых комков, мне то и дело приходилось счищать их о камни. Мы шли на восток, поднимаясь к холмам. Когда мы добрались до узкой лощины между двумя холмами. Дон Хуан остановился.

⁹ Trade mark – торговая марка.

– Ну вот, это, без сомнения, идеальное место для того, чтобы вызвать твоих друзей, – сказал он.

– Моих друзей? Почему ты их так называешь?

– Они сами тебе показались. Когда они так поступают, это означает, что они ищут контакта. Я же говорил тебе, что между ними и магами образуются узы дружбы. Похоже, именно с такой ситуацией мы столкнулись в твоём случае. И от тебя даже не требуется призывать их.

– А в чем, собственно, заключается такого рода дружба, дон Хуан?

– Во взаимном обмене энергией. Неорганические существа предоставляют свой высокий уровень осознания, а маги – свое повышенное осознание и свою высокую энергию. Позитивным результатом является равноценный обмен; негативным – обоюдная зависимость.

Древние маги, как правило, любили своих союзников. Фактически, они любили своих союзников больше, чем своих ближних. И я усматриваю в этом огромную опасность.

– Что ты советуешь мне предпринять, дон Хуан?

– Вызови их. Потом составишь о них мнение и сам решишь, что делать дальше.

– Что делать, чтобы их вызвать?

– Воспроизведи в уме тот их облик, в котором они являлись тебе в сновидении, и зафиксируй его. Причина, по которой они старались, чтобы ты насытился их присутствием в сновидениях – в том, что они хотели оставить в твоём уме память об их формах. А сейчас пришло время этой памятью воспользоваться.

Дон Хуан жестко приказал мне закрыть глаза и не открывать их. Затем подвел к каким-то камням и усадил на них. Они были

твердыми, холодными и лежали под углом, так что трудно было удерживать равновесие.

– Сиди здесь и визуализируй их формы до тех пор, пока они не сделаются в точности такими, какими были в твоих снах, – сказал дон Хуан мне на ухо. – Дашь мне знать, когда они будут в фокусе.

Очень быстро и почти без усилий мне удалось воспроизвести в уме образ их формы, такой же, как тот, что я видел во снах. То, что мне удалось это сделать, ничуть меня не удивило. Поразило меня совсем другое. Несмотря на то, что я отчаянно пытался подать дону Хуану знак, что уже представил их себе, мне не удавалось ни открыть глаза, ни выдать из себя хотя бы слово. Я определенно не спал. И все слышал.

Я слышал, как дон Хуан произнес:

– Теперь можешь открыть глаза.

Я открыл их без труда. Я сидел, скрестив ноги, на каких-то камнях. Это были не те камни, на которые дон Хуан усадил меня вначале. Сам он находился где-то позади и чуть справа от меня. Я попытался обернуться, чтобы на него взглянуть, но он не позволил, задержав мою голову в прямом положении. А потом я увидел две темные фигуры, похожие на два тонких древесных ствола. Они были прямо передо мной.

Раскрыв от удивления рот, я уставился на них. Они были совсем не такими высокими, как во сне. Они сжались до половины своих исходных размеров. Вместо двух форм тусклой светимости передо мной были две плотные, темные, почти черные, угрожающие палки.

– Встань и схвати одного из них, – велел мне дон Хуан, – и не отпускай, как бы тебя ни трясло.

Мне явно не хотелось проделывать что-либо в этом роде, но некое неведомое побуждение заставило меня встать против моей воли. В тот же миг я ясно осознал: закончится тем, что я выполню

все, хотя сознательного намерения подчиняться приказу дона Хуана я не испытывал.

Я механически приблизился к двум фигурам. Сердце едва не выскакивало из грудной клетки. Я схватил того, который был справа. То, что я почувствовал, напоминало электрический разряд, который едва не заставил меня отпустить темную фигуру.

Тут до меня донесся глосс дона Хуана, словно он кричал откуда-то издалека:

– Если ли бросишь его, тебе конец!

Я продолжал держать фигуру. Она изгибалась и тряслась, но не так, как массивное животное, а как нечто пушистое, легкое, хотя и странно наэлектризованное. Мы возились на песчаном дне лощины и катались по нему довольно долго. Один за другим меня пронизывали тошнотворные импульсы электрического тока. Я подумал, что это воспринимается столь мерзким из-за того, что отличается от той энергии, с которой мне приходилось иметь дело в мире повседневности. Когда оно било меня током, я дергался, орал и рычал, как зверь. Не от боли, а от какой-то странной злости.

Наконец, оно замерло подо мной – неподвижное, почти твердое, инертное. Я спросил у дона Хуана, не умерло ли оно, но голоса своего не услышал.

– Ни в коем случае, – со смехом сказал кто-то; этот кто-то не был доном Хуаном. – Просто ты исчерпал заряд его энергии. Но не вставай еще. Полежи немного.

Я вопросительно взглянул на дона Хуана. Он изучал меня с огромным любопытством. Потом помог мне подняться. Темная фигура осталась лежать на земле. Я хотел спросить дона Хуана, все ли с этой фигурой в порядке. И снова не сумел выговорить ни слова. И тут я совершил нечто необычайное. Я согласился с тем, что все это – реально. До этого момента в уме оставалось что-то, оберегавшее мой рационализм, считая происходящее сном, навеянным манипуляциями дона Хуана.

Я подошел к распростертой на земле фигуре и попытался ее поднять. Это мне не удалось – ее невозможно было обхватить, поскольку она не имела массы. Я был сбит с толку. Тот же голос, не принадлежавший дону Хуану, велел мне лечь сверху на неорганическое существо. Я так и поступил, а когда поднялся на ноги, оно поднялось вместе со мной, словно прилипшая к моему телу тень. Потом оно мягко отделилось от меня и исчезло, оставив мне какое-то исключительно приятное ощущение полноты.

На то, чтобы полностью восстановить контроль над своими функциями, мне потребовалось больше суток. Большую часть времени я проспал. Время от времени дон Хуан проверял мое состояние, задавая один и тот же вопрос:

– Энергия неорганического существа была похожа на огонь или на воду?

Глотка моя была словно обожжена. Поэтому я не мог ответить ему, что импульсы энергии, которые я ощущал, напоминали струи наэлектризованной воды. Я не имею понятия о том, что такое струи наэлектризованной воды, поскольку никогда в жизни ничего подобного не ощущал. Я вообще не был уверен, что такое явление можно воспроизвести или почувствовать. Но именно такой образ всплывал в моем уме каждый раз, когда дон Хуан задавал мне свой ключевой вопрос.

Когда я, наконец, понял, что полностью пришел в себя, дон Хуан спал. Зная, что вопрос его имеет очень большое значение, я разбудил его и все ему рассказал.

– Среди неорганических существ у тебя не будет друзей, которые бы тебе помогали. С ними у тебя может возникнуть только раздражающая связь по типу обременительной взаимозависимости, – заключил он. – Будь чрезвычайно осторожен. Водяные неорганические существа наиболее склонны к излишествам. Древние маги считали, что они сильнее любят, лучше притворяются и даже, возможно, имеют чувства. В противоположность неорганическим существам огненного свойства, которых древние

маги считали серьезными, более сдержанными, но также и более напыщенными.

– И что все это для меня значит, дон Хуан?

– Это значит слишком много, чтобы говорить об этом сейчас. Советую тебе преодолеть все страхи, которые присутствуют в твоих снах и в твоей жизни. Тогда ты сможешь сохранить собственную целостность. Неорганическое существо, которое ты лишил энергии, а потом снова зарядил, было вне себя от этого приключения. И явится, чтобы его повторить.

– Но почему ты меня не остановил, дон Хуан?

– Ты не дал мне времени это сделать. Кроме того, ты вообще даже не слышал, как я кричал, чтобы ты оставил его на земле.

– Нужно было подробно проинструктировать меня заранее, как ты обычно это делаешь, относительно всех возможных вариантов развития событий.

– Я не мог предвидеть всех возможных вариантов. Я вообще почти новичок в том, что касается неорганических существ. В свое время я отказался от этой части знания магов на том основании, что она слишком обременительна и зыбка. Я не хочу зависеть ни от каких сущностей, будь они органическими или неорганическими.

На этом наш разговор закончился. Очевидно, мне следовало бы беспокоиться, поскольку его реакция на происшедшее определенно была отрицательной. Но я не беспокоился. Я почему-то был уверен, что все сделал правильно.

В дельнейшем неорганические существа в мою практику сновидения никогда не вмешивались.

Глава 4. Фиксация точки сборки

С тех пор, как мы с доном Хуаном условились о том, чтобы обсуждать мою практику сновидения только тогда, когда он сочтет это необходимым, я редко начинал говорить о ней сам и никогда не задавал лишних вопросов. Поэтому я всегда с особой готовностью слушал его, когда он затрагивал эту тему. Его объяснения и рекомендации относительно сновидения неизменно касались и других аспектов его учения и всегда возникали в наших разговорах внезапно.

Однажды, когда я был у него дома, и мы разговаривали о каком-то отвлеченном предмете, дон Хуан без всякого предисловия сказал, что посредством установления контактов с неорганическими существами в сновидении древние маги стали бесконечно сведущими в манипуляциях с точкой сборки – предметом весьма непростым и опасным.

Я сразу же воспользовался возможностью попросить дон Хуана приблизительно сказать, когда жили древние маги. И раньше при разных обстоятельствах я задавал тот же вопрос, но никогда не получал на него удовлетворительного ответа. Но поскольку в этот раз он сам затронул эту тему, я был уверен, что он удовлетворит мое любопытство.

– Крайне трудный вопрос, – сказал он.

Он произнес эти слова таким тоном, что у меня возникла уверенность в его нежелании рассматривать этот вопрос. Я был очень удивлен, когда он продолжил.

– Он будет таким же испытанием для твоего здравого смысла, как и все, связанное с неорганическими существами. Кстати, что ты сейчас о них думаешь?

– Я отложил в сторону свои мнения о них, – сказал я. – Теперь я не могу придерживаться ни одной конкретной точки зрения.

Мой ответ обрадовал его. Он засмеялся и заговорил о своем страхе и отвращении к неорганическим существам.

– Я никогда не испытывал к ним пристрастия, – сказал он. – Конечно, главной причиной этого был мой страх перед ними. В свое время я не смог от него освободиться, а затем он стал постоянным.

– Ты и сейчас их боишься, дон Хуан?

– Сейчас я ощущаю, скорее, отвращение, чем страх. Я не хочу иметь с ними ничего общего.

– Существует ли какая-нибудь определенная причина для этого отвращения?

– Лучшая причина в мире – мы с ними воплощаем полные противоположности. Они любят рабство, а я люблю свободу. Они стремятся купить, я же не продаю.

Я почувствовал необъяснимое волнение и резко заявил ему, что мне эта тема кажется настолько далекой от моих проблем, что я не воспринимаю ее всерьез.

Некоторое время он пристально смотрел на меня, улыбаясь, а затем сказал:

– Лучшее, что можно делать с неорганическими существами, – это как раз то, что делаешь ты: отрицать их существование, но регулярно посещать их, придерживаясь мысли, что ты находишься во сне, где, по твоему мнению, возможно все. Таким образом, ты ничем не связываешь себя.

Я ощутил непонятное чувство вины, причину которой не мог объяснить.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан? – спросил я, чувствуя, что должен это сделать.

– Твои встречи с неорганическими существами, – сухо ответил он.

– Ты надо мной смеешься? Какие встречи?

– Я не хотел поднимать этот вопрос, но мне кажется, что пришло время сказать тебе кое-что о том ворчливом голосе, который ты слышишь в сновидении и который напоминает тебе о необходимости фиксировать внимание сновидения на деталях твоих снов. Так вот, – это голос неорганического существа.

Я подумал, что дон Хуан совершенно непоследователен. Это вызвало у меня настолько сильное раздражение, что я даже начал на него кричать. В ответ он рассмеялся и попросил меня рассказать о своих необычных сеансах сновидения. Эта просьба меня удивила. Я никогда никому не упоминал о том, что время от времени я выходил из сна, будучи притянутым каким-нибудь определенным предметом. Но вместо того, чтобы поменять сны, как мне следовало поступить в этом случае, весь настрой сна изменялся, и я обнаруживал себя в совершенно незнакомом измерении. Я парил в нем под руководством какого-то невидимого гида, который все время кружил меня. Я всегда выходил из таких сновидений, продолжая кружиться, и долго поднимался и опускался, пока не просыпался полностью.

– Это были твои встречи лицом к лицу с друзьями из неорганического мира, – сказал дон Хуан.

Я не мог с ним спорить, но не хотел и соглашаться. Я продолжал молчать. Я забыл свой вопрос о магах прошлого, но дон Хуан снова поднял эту тему.

– Я думаю, что древние маги существовали около десяти тысяч лет назад, – сказал он, улыбаясь и наблюдая за моей реакцией.

Я уверенно заявил, что эти данные неправильны, основывая свой ответ на последних результатах археологических исследований о миграции азиатских кочевых племен на американский континент. Все это происходило не десять тысяч лет назад, а намного позже.

– У тебя свои представления, у меня – свои, – сказал он. – Я знаю, что древние маги жили в течение четырех тысячелетий, с пятого по первое тысячелетие до нашей эры. Три тысячи лет тому

назад они исчезли. С тех пор маги перегруппировывают и реструктурируют их наследие.

– Как ты можешь быть столь уверенным в этих сроках? – спросил я.

– А как ты можешь быть столь уверенным в своих? – возразил он.

Я сказал ему, что у археологов есть проверенные методы для датирования событий прошлого. Он вновь возразил, что маги пользуются своими проверенными методами.

– Я не хочу противоречить тебе и не пытаюсь тебя переспорить, – продолжал он, – но может так случится, что очень скоро ты сам сможешь спросить об этом у того, кто знает наверняка.

– Никто не может знать этого наверняка, дон Хуан.

– Это еще одна из тех вещей, в которые невозможно поверить, но на самом деле существует тот, кто может все это подтвердить. Когда-нибудь ты встретишься с этим человеком.

– Ты, должно быть, шутишь дон Хуан. Кто может подтвердить, что произошло семь тысяч лет назад?

– Очень просто. Это один из тех древних магов, о которых мы только что говорили. Тот, с которым я встречался. Он и поведал мне все о древних магах. Я надеюсь, что ты запомнишь все, что я собираюсь рассказать тебе об этом особенном человеке. Он – ключ ко многому из того, что мы стараемся осуществить, и именно с ним тебе предстоит встретиться.

Я сказал дону Хуану, что я внимаю каждому произнесенному им слову, хотя и не могу понять, того, о чем он говорит. Он обвинил меня в том, что я делаю ему одолжение и не верю ни одному его слову о древних магах. Я согласился, что в обычном состоянии сознания я не поверил бы в эти его непостижимые истории. Но я не мог поверить этому и во втором внимании, хотя в нем я должен был бы отнестись к ним совсем по-другому.

– Эта история становится непостижимой только в том случае, если ты начинаешь над этим размышлять, – отметил он. – Если же ты не вовлекаешь в это свой здравый смысл, то это остается чисто энергетическим вопросом.

– Почему ты говоришь, дон Хуан, что я встречу с одним из древних магов?

– Потому что так будет. Очень важно, чтобы вы однажды встретились. А сейчас позволь мне рассказать тебе еще одну необычную историю об одном из нагуалей моей линии – нагуале Себастьяне.

Дон Хуан рассказал мне, что нагуаль Себастьян был пономарем при церкви в южной Мексике примерно в начале восемнадцатого века. В своем рассказе дон Хуан обратил внимание на то, что современные маги и маги прошлого ищут и находят пристанище в таких общественных организациях, как Христианская Церковь. По его мнению, благодаря своей высочайшей дисциплине маги являются заслуживающими доверия служащими, которых жадно ищут крайне в них нуждающиеся учреждения. Дон Хуан утверждал, что до тех пор, пока никто не знает об их сопричастности магии, отсутствие у магов идеологических симпатий помогает им зарекомендовать себя идеальными работниками.

Дон Хуан продолжал свой рассказ. Он сказал, что однажды, когда Себастьян выполнял свои обязанности, в церковь вошел странный человек – старый индеец, выглядевший совсем больным. Ослабевшим голосом он сказал Себастьяну, что ему нужна помощь. Нагуаль решил, что индеец хочет увидаться с приходским священником, но мужчина обратился к нагуалю, и казалось, что ему с трудом дается каждое слово. Резко и прямо он сказал ему, что он знает, что Себастьян – не просто маг, но и нагуаль.

Себастьян, крайне встревоженный таким поворотом событий, отвел индейца в сторону и потребовал извинений. Тот ответил, что он здесь не для того, чтобы извиняться, но пришел к нему за особого рода помощью. По словам индейца, ему было необходимо получить от нагуаля энергию для поддержания своей жизни, которая, как он

заверил Себастьяна, длилась тысячи лет, но именно в то время чуть было не угасла.

Себастьян был очень разумным человеком, и, не желая верить в такую бессмыслицу, настоятельно посоветовал индейцу перестать валять дурака. Старик рассердился и пригрозил Себастьяну выдать его вместе с учениками церковным властям, если тот не согласится выполнить его просьбу.

Дон Хуан напомнил мне, что в те времена церковные власти жестоко и систематически расправлялись с языческими практиками, сохранившимися среди индейцев Нового Света. Такую угрозу нельзя было не принять всерьез; и нагуаль, и его последователи действительно оказались в смертельной опасности. Себастьян спросил индейца, как тот может получить от него энергию. Тот человек объяснил, что вследствие своей магической практики нагуали приобретают особую энергию, которую накапливают в своем теле, и что он может безболезненно для Себастьяна взять часть ее из энергетического центра, находящегося в области пупка. В свою очередь, Себастьян, оставшись невредимым, не только получит за это возможность продолжать свою деятельность, но также приобретет дар силы.

Представление о том, что им будет манипулировать старый индеец совсем не нравилось нагуалю, но пришелец был непреклонен и не оставил ему другого выбора, кроме как выполнить его просьбу.

Дон Хуан заверил меня, что старый индеец несколько не преувеличивал своих притязаний. Оказалось, что он является одним из магов древности, одним из тех, кто известен как бросивший вызов смерти. По всей видимости, он прожил вплоть до того времени, используя только ему известные методы воздействия на свою точку сборки.

Дон Хуан сказал, что происшедшее тогда послужило основой для заключения соглашения, к которому присоединились все шесть нагуалей после Себастьяна. Бросивший вызов смерти сдержал свое слово; в обмен на энергию, взятую от всех этих людей, он

вознаградил каждого даром силы. Себастьян вынужден был принять такой дар и сделал это вопреки своей воле; он был поставлен в такое положение, где у него не было выбора. Однако все последующие нагуали после Себастьяна с готовностью и гордостью принимали этот дар.

Дон Хуан завершил свою историю, сказав, что позже бросивший вызов смерти стал известен как арендатор. И на протяжении более чем двух столетий нагуали линии дона Хуана соблюдали условия этого соглашения, создав символические отношения, которые изменили направление и конечную цель их линии.

Дон Хуан не потрудился объяснить, что же было дальше в этой истории, но у меня осталось странное ощущение ее подлинности, которое взволновало меня больше, чем я мог вообразить.

– Как ему удалось прожить так долго? – спросил я.

– Этого никто не знает, – ответил дон Хуан. – Все, что мы знаем о нем с тех пор, – это то, что он сам нам рассказывал. Именно бросившего вызов смерти я и расспросил о древних магах, и он сказал мне, что наиболее плодотворный период их деятельности был три тысячи лет назад.

– Откуда ты знаешь, что он говорил правду? – спросил я.

Дон Хуан покачал головой как-то удивленно, если не с отвращением.

– После того, как столкнешься лицом к лицу с непостижимым неизвестным где-то там, – сказал он, показывая вокруг себя, – перестаешь носиться с мелочной ложью. Мелочная ложь – это удел тех, кто никогда не видел того, что находится там, ожидая их.

– Что ждет нас там, дон Хуан?

Кажущийся безобидным, его ответ привел меня в такой ужас, которого не вызвало бы во мне даже описание самой страшной вещи.

– Нечто абсолютно безличное, – сказал он.

Он, должно быть, заметил, что страх разрывает меня на части, и изменил мой уровень осознания так, чтобы мой испуг прошел.

Несколько месяцев спустя в моих сновидениях произошла странная перемена. В своих снах я начал получать ответы на вопросы, которые я собирался задать дону Хуану. Но наиболее странным было то, что это стало происходить со мной и в часы бодрствования. Однажды, когда я сидел за письменным столом, я получил ответ на мысленный вопрос о реальности неорганических существ. Я видел неорганические существа в сновидении так много раз, что уже начал думать о них как о реальности. Я вспомнил, что даже прикасался к одному из них, находясь в полунормальном состоянии сознания в пустыне Соноран. Периодически в своих снах я проскальзывал в миры, которые едва ли могли быть порождением моего воображения. Я хотел наилучшим образом кратко сформулировать этот вопрос для донна Хуана. Для себя я сформулировал его так: если согласиться с тем, что неорганические существа так же реальны, как и люди, то где они существуют в материальной структуре вселенной?

Сформулировав для себя этот вопрос, я услышал странный смех. Такой же смех я слышал в тот день, когда столкнулся с неорганическим существом. Вполне человеческий голос сказал мне:

– Их мир существует в некотором особенном положении точки сборки, – сказал он. – Так же, как твой мир существует в обычном положении точки сборки.

Меньше всего на свете мне хотелось начинать разговор с бестелесным голосом, поэтому я вскочил на ноги и выбежал из дома. Мне пришла в голову мысль, что я схожу сума. К моей коллекции волнений добавилось еще одно.

Голос был столь ясным и внушительным, что не только озадачил, но и испугал меня. Я с трепетом ожидал дальнейших появлений этого голоса, но этого не происходило. При первой же представившейся возможности я обратился с вопросом к дону Хуану.

На него это не произвело никакого впечатления.

– Ты должен понять раз и навсегда, что такие вещи обычны в жизни мага, – сказал он. – Ты не сходишь с ума; ты просто слышишь голос эмиссара сновидения. Пройдя через первые и вторые врата сновидения, сновидящий достигает такого энергетического порога, когда у него начинаются видения или он слышит голоса. Фактически, это не много голосов, а только один. Маги называют его голосом эмиссара сновидения.

– Что такое «эмиссар сновидения»?

– Чужая энергия, обладающая сознанием и имеющая целью помогать сновидящим своими рассказами. Для эмиссара сновидения характерно, что он может сказать лишь то, что маги уже знают или должны знать, если считают себя магами.

– Утверждение, что это чужая энергия, обладающая сознанием, совершенно ничего мне не говорит, дон Хуан. Какого рода эта энергия – дружелюбная, враждебная, положительная, отрицательная, – какая?

– Она в точности такая, как я сказал, – чужая. Безличностная сила, которую мы превращаем в личностную, поскольку она обладает голосом. Некоторые маги безгранично верят ей. Они даже могут видеть ее. Или, подобно тебе, они попросту слышат ее как мужской или женский голос. Этот голос может объяснять им суть происходящего, и они чаще всего воспринимают сказанное им как священный совет.

– Почему некоторые из нас воспринимают его как голос?

– Мы видим или слышим его, потому что удерживаем наши точки сборки в некотором новом положении; чем устойчивее это положение, тем стабильнее наше ощущение эмиссара. Остерегайся! Ты можешь увидеть и почувствовать его даже как обнаженную женщину.

Дон Хуан рассмеялся над своим собственным замечанием, но я был слишком испуган, чтобы веселиться.

– Способна ли эта сила материализоваться? – спросил я.

– Конечно, – ответил он. – Все зависит от того, где находится точка сборки. Но в любом случае, если ты можешь оставаться достаточно отрешенным в его отношении, ничего плохого произойти не может. Эмиссар останется тем же, чем он является, – безличной силой, которая воздействует на нас вследствие того, что точка сборки фиксирована в определенном месте.

– Его советы безопасны и благоразумны?

– Его слова нельзя считать советами. Он лишь говорит нам, что есть что, а мы сами уже делаем из этого выводы.

Затем я рассказал дону Хуану о том, что голос поведал мне.

– Это в точности соответствует тому, что я тебе только что говорил, – заметил дон Хуан. – Эмиссар не сказал тебе ничего нового. Его утверждения были правильными, но тебе только казалось, что он открывает для тебя что-то новое. Эмиссар просто повторял тебе то, что ты уже знаешь.

– Боюсь, что я не знаю всего того, что он говорил, дон Хуан.

– Да нет же, знаешь. Ты уже сейчас знаешь бесконечно больше о тайне вселенной, чем предполагает твой здравый смысл. Это наша человеческая слабость – знать о тайне вселенной больше, чем мы подозреваем.

Я был в восторге от того, что сам, без всякой помощи со стороны дона Хуана, испытал настолько невероятный феномен. Мне хотелось узнать об эмиссаре побольше. Я начал расспрашивать дона Хуана, слышал ли он когда-нибудь голос эмиссара.

Он перебил меня и, широко улыбнувшись, сказал:

– Да, конечно. Эмиссар говорит и со мной. В юности я обычно видел его в облики монаха в черной сутане. Этот болтливый монах каждый раз пугал меня до смерти. Позже, когда мой страх стал более управляемым, он превратился в бестелесный голос, который говорит мне обо всем и по сей день.

– О чем он говорит, дон Хуан?

– Обо всем, на чем я фокусирую свое намерение, о вещах, за которыми я не хочу следить сам. Например, о подробностях, касающихся поведения моих учеников. Что они делают, когда меня нет поблизости. В частности, он говорит мне и о тебе. Эмиссар рассказывает мне обо всем, что ты делаешь.

После этого мне сразу же стало неинтересно разговаривать об этом дальше. Я отчаянно пытался придумать какой-нибудь вопрос на другую тему, в то время как дон Хуан хохотал во все горло.

– Является ли эмиссар сновидения неорганическим существом?
– спросил я.

– Лучше будет сказать, что эмиссар сновидения – это сила, которая приходит к нам из мира неорганических существ. По этой причине сновидящие всегда сталкиваются с нею.

– Ты имеешь в виду, дон Хуан, что каждый сновидящий слышит или видит эмиссара?

– Слышит эмиссара каждый, но лишь немногие видят или ощущают его.

– Ты можешь это как-нибудь объяснить?

– Нет. Кроме того, меня на самом деле не волнует эмиссар. Однажды мне пришлось сделать выбор, уделять ли внимание неорганическим существам и тем самым идти по стопам старых магов или отказаться от этого. Мой учитель, нагуаль Хулиан, помог мне решиться на этот отказ. И я ни разу не пожалел о своем решении.

– Как ты считаешь, мне тоже следует отказаться от неорганических существ, дон Хуан?

Он не ответил мне; вместо этого он объяснил, что мир неорганических существ всегда продолжает обучать нас. Вероятно, это так потому, что неорганические существа обладают более

глубоким сознанием, чем наше, и испытывают потребность опекать нас.

– Я не вижу никакого смысла в том, чтобы становиться их учеником, – добавил он. – За это приходится слишком дорого платить.

– Как именно?

– Нашими жизнями, энергией, преданностью им. Другими словами, нашей свободой.

– А чему они учат?

– Всему, что характерно для их мира. Точно так же мы бы учили их – если бы могли это делать – тому, что имеет отношение к нашему миру. Их метод, однако, заключается в том, чтобы рассматривать наше эго в качестве показателя того, в чем мы нуждаемся, и в соответствии с этим обучать нас. Крайне опасное занятие!

– Я не понимаю, почему это должно быть опасным.

– Если кто-то выяснит запросы твоего эго со всеми его страхами, жадностью, завистью и прочим, и станет обучать тебя тому, как удовлетворить это ужасное состояние бытия, – как ты думаешь, каков будет результат?

У меня больше не было возражений. Мне показалось, что я отлично понял причины его неприятия неорганических существ.

– Проблемой древних магов стало то, что они научились чудесным вещам, но, руководствуясь при этом низменными эгоистическими побуждениями, – продолжал дон Хуан. – Неорганические существа стали их союзниками, и с помощью рассчитанных примеров они обучили древних магов множеству чудес. Ничего не меняя в своей основной природе, древние маги шаг за шагом обучались копированию действий, исполняемых их союзниками.

– Существуют ли такие взаимоотношения с неорганическими существами в наше время?

– Я не могу дать тебе точный ответ. Скажу лишь, что не могу представить себя в подобных взаимоотношениях с ними. Такие пристрастия ограничивают наш поиск свободы, потому что поглощают нашу энергию. Для того, чтобы по-настоящему следовать примеру своих союзников, древние маги были вынуждены жить в мире неорганических существ. Для того, чтобы совершить столь продолжительное путешествие в их мир, требуется колоссальный объем энергии.

– Ты хочешь сказать, дон Хуан, что маги древности могли существовать в тех мирах так, как мы существуем здесь?

– Не совсем так, но, несомненно, они как-то жили там: они сохраняли при этом свое самосознание, свою индивидуальность. Эмиссар сновидения становился самым необходимым существом для этих магов. Если маг желает жить в мире неорганических существ, то лучшим гидом для него является эмиссар, он обо всем рассказывает, склонен обучать и направлять.

– Ты бывал когда-нибудь в мире неорганических существ, дон Хуан?

– Бесчисленное количество раз. Так же, как и ты. Но сейчас нет смысла говорить об этом. Ты еще не счистил весь мусор со своего внимания сновидения. Мы поговорим об этом мире как-нибудь в другой раз.

– Мне кажется, дон Хуан, что ты либо не одобряешь, либо не любишь эмиссара?

– Я и не одобряю, и не люблю его. Он принадлежит к другому настроению, настроению магов древности. Кроме того, его поучения и рекомендации в нашем мире бессмысленны. И за эту бессмыслицу эмиссар требует от нас огромнейших затрат энергии. Когда-нибудь и ты согласишься со мной. Вот увидишь.

Дон Хуан произнес эти слова таким тоном, что я уловил в них скрытую убежденность в моем несогласии с ним в отношении эмиссара. Я уже был готов спросить его о своей догадке, как вдруг в своих ушах услышал голос эмиссара.

– Он прав, – сказал голос. – Я нравлюсь тебе, потому что ты не находишь ничего плохого в том, чтобы исследовать все возможности. Ты хочешь знаний; знания – это сила. Ты ведь не хочешь осмотнительно прятаться за традиции и убеждения твоего обычного мира?

Эмиссар сказал обо всем этом по-английски с ясно различимым калифорнийским выговором. Затем он перешел на испанский. Я уловил незначительный аргентинский акцент. Я никогда раньше не слышал, чтобы эмиссар говорил таким образом. Это восхитило меня. Эмиссар рассказал о совершенствовании в познании; о том, сколь многого я уже достиг с тех пор, как появился на свет; о моей любви к приключениям и пристрастию ко всему новому, к открывающимся горизонтам. Голос обратился ко мне даже по-португальски, произнося слова с интонацией, характерной для пампасов Южной Америки.

Когда я услышал весь этот поток лести, изливающейся на меня, я не только испугался, но меня к тому же затошнило. Я сразу же сказал дону Хуану, что вынужден прекратить свою практику сновидения. Он взглянул на меня с нескрываемым удивлением. Но когда я повторил ему все, что слышал, он одобрил мое решение, хотя я и почувствовал, что он делает это только для того, чтобы успокоить меня.

Спустя несколько недель, я пришел к выводу, что принял это решение сгоряча и необдуманно. Я вновь вернулся к практике сновидения. Я был уверен, что дон Хуан знает о том, что я возобновил занятия.

Во время одного из моих визитов к нему он довольно неожиданно заговорил о снах.

– Одно лишь то, что нас не научили рассматривать сны в качестве подлинной сферы исследований, вовсе не означает, что они

таковой не являются, — начал он. — Сны анализируются нами в поисках смысла или рассматриваются в качестве предзнаменований, но они никогда не воспринимаются в качестве области реальных событий. Насколько мне известно, древние маги относились к ним именно так, — продолжал дон Хуан. — Но в конце концов они допустили промах. Они стали жадными и, прибыв на критический перекресток, выбрали неверный путь. Все свои усилия они свели к одному: к фиксации точки сборки в тысячах разнообразных позиций, которые она может принять.

Дон Хуан выразил удивление в связи с тем, что из всех тех чудесных вещей, которым научились старые маги, исследуя эти тысячи позиций, сохранились только искусство сновидения и искусство сталкинга.

Он повторил снова, что искусство сновидения имеет отношение к смещению точки сборки. Затем он определил сталкинг как искусство, имеющее дело с фиксацией точки сборки в любом из тех мест, в которые она была смещена.

— Фиксировать точку сборки на новом месте означает достигать сцепленности, — сказал он. — В своей практике сновидения ты занимался лишь этим.

— А я думал, что совершенствую энергетическое тело, — сказал я, несколько удивившись его словам.

— Ты делаешь это и еще многое другое — ты учишься обретению сцепленности. Сновидение делает это, заставляя сновидящих фиксировать точку сборки. Внимание сновидения, энергетическое тело, второе внимание, отношения с неорганическими существами, эмиссар сновидения — все это лишь побочные продукты обретения сцепленности; иначе говоря, все это побочные продукты фиксации точки сборки в различных позициях сновидения.

— Что такое позиция сновидения, дон Хуан?

— Любая новая позиция, в которую точка сборки сместилась во сне.

– Как мы фиксируем точку сборки в позиции сновидения?

– Удерживая вид любого объекта в наших снах или меняя сны по своему желанию. Практикуя сновидение, ты в действительности тренируешь свою способность быть сцепленным, иначе говоря, ты тренируешь свое способность поддерживать новую энергетическую форму путем удержания точки сборки фиксированной в позиции любого сна, в котором ты находишься.

– Я действительно поддерживаю новую энергетическую форму?

– Не совсем. И не потому, что не можешь, а потому, что сдвигаешь точку сборки, а не двигаешь ее. Сдвиги точки сборки производят незначительные изменения, являющиеся практически незаметными. Вызовом в сдвигах является их незначительность и очень большое их количество. Вследствие этого поддержание сцепленности при каждом из них – настоящий триумф.

– Как определить, поддерживаем ли мы сцепленность?

– По ясности восприятия. Чем отчетливее то, что мы наблюдаем в сновидении, тем прочнее наша сцепленность.

Он сказал мне, что пришло время практически использовать то, чему я научился в сновидении. Не давая мне времени задать очередной вопрос, он приказал мне сконцентрировать внимание на листе растущего недалеко мескитового дерева. И к тому же сделать это так, будто бы я находился в сновидении

– Ты хочешь, чтобы я просто смотрел на это дерево?

– Я не хочу, чтобы ты просто смотрел; я хочу, чтобы ты сделал нечто особенное с его листвой, – сказал он. – Помнишь, что в своих снах, как только ты становишься способным удерживать образ любого объекта, ты в действительности удерживаешь позицию сновидения своей точки сборки. А сейчас пристально смотри на эти листья, будто ты в сновидении, но с одним хотя и небольшим, но очень существенным отличием: удерживай свое внимание сновидения на листьях мескитового дерева в осознании нашего повседневного мира.

Моя нервозность не давала мне возможности следовать ходу его мысли. Он терпеливо объяснил, что, пристально глядя на листву, я осуществляю незначительное перемещение точки сборки. Затем, собрав воедино свое внимание сновидения путем пристального созерцания отдельных листьев, я в действительности зафиксирую точку сборки в этом едва смещенном положении. И моя сцепленность заставит меня воспринимать на языке второго внимания. Посмеиваясь, он добавил, что это на редкость просто.

Дон Хуан был прав. Мне потребовалось лишь остановить взгляд на отдельных листках дерева, удержать его там, и я мгновенно был втянут в вихреподобное ощущение, очень похожее на вихри¹⁰ в моем сновидении. Листва мескитового дерева стала целой вселенной чувственных данных. Было похоже на то, что она поглотила меня, но я ощущал ее не только с помощью зрения; я прикасался к листкам и ясно осязал их. Я мог чувствовать их запах. Мое внимание сновидения было не просто визуальным, как в обычном сновидении, но объединяло все органы чувств.

То, что началось с пристального созерцания листвы мескитового дерева, теперь переросло в сновидение. Я был убежден, что воспринимаю дерево во сне, как это случалось со мной множество раз. Естественно, я поступил с этим деревом во сне точно так же, как всегда поступал в сновидении; я переходил от детали к детали, увлекаемый силой завихрения, которая уносила меня к той части дерева, куда я направлял свое внимание сновидения, охватывающее все органы чувств. Вихри-водовороты формировались не только путем всматривания, но и путем касания любой частью моего тела.

В ходе этого видения или сновидения я столкнулся с сомнениями, порожденными моей обычной рациональностью. Я начал спрашивать себя, не взобрался ли я и в самом деле, в ошеломлении, на дерево и не трогаю ли в действительности листья, не осознавая того, что в действительности делаю. Или может быть, я уснул, убаюканный шелестом листьев на ветру, и вижу сон? Но, так же как и в сновидении, мне не хватило энергии для того, чтобы долго об этом размышлять. Мои мысли были мимолетны. Они

¹⁰ Vortex – водоворот, вихрь, воронка.

длились мгновение, а затем сила непосредственного восприятия всецело заглушила их.

От какого-то движения вокруг меня все вздрогнуло, и я буквально вынырнул из облака листьев, будто дерево перестало оказывать на меня свое притягивающее воздействие. Я видел со своей высоты великолепную панораму вплоть до самого горизонта. Темные горы и зеленая растительность окружали меня. Еще один энергетический всплеск встряхнул меня до самых костей. После этого я оказался уже в другом месте. Исполинские деревья возвышались вокруг. Они были выше, чем сосны в штатах Орегон или Вашингтон. Я никогда не видел такого леса. Эта панорама так резко контрастировала с безводной соноранской пустыней, что у меня не осталось сомнений, что я в сновидении.

Я удерживал этот необычный пейзаж, боясь отпустить его, зная, что это в действительности сон, который исчезнет, как только я выйду из внимания сновидения. Но образы оставались даже тогда, когда мне показалось, что я вышел из внимания сновидения. Ужасная мысль пронеслась у меня в уме: а что, если это и не сон, и не обычный мир?

Испугавшись так, как может быть испугано только животное, я устремился опять в заросли листьев, из которых вынырнул. Под воздействием своего порыва я прошел сквозь листву дерева, огибая толстые ветки. Инерция этого порыва потянула меня прочь от дерева, и в один миг я очутился рядом с доном Хуаном у двери его дома в пустыне Соноран.

Я сразу понял, что снова нахожусь в состоянии, в котором могу нормально мыслить, но не могу разговаривать. Дон Хуан сказал, чтобы я не волновался. Он сказал, что наш дар речи подвержен очень сильным влияниям, и что периоды немоты — довольно распространенное явление среди магов, которые отваживаются заглядывать за пределы обычного восприятия.

В глубине души я чувствовал, что дон Хуан проникся жалостью ко мне и решил меня приободрить. Но голос эmissара, который я ясно слышал в этот момент, произнес, что через несколько часов

отдыха ко мне вернется не только дар речи, но и хорошее самочувствие.

Выспавшись, я по просьбе дона Хуана дал ему подробное описание всего увиденного и пережитого мной. Он предупредил меня, что понимание моего опыта на основе рациональных представлений невозможно. И дело вовсе не в том, что мой интеллект в каком-то смысле неполноценен, а в том, что это было происшествие, которое разум не может постичь просто по своей природе.

Я, естественно, возразил, что нет ничего непостижимого для разума. Положение вещей может быть неясным, но рано или поздно мыслящий разум прольет свет на все. И я действительно верил в это.

Дон Хуан с большим терпением объяснил, что разум — всего лишь побочный продукт привычного положения точки сборки; поэтому знание о том, что происходит в мире, здравомыслие, уверенность в себе — все эти предметы нашей гордости, то, что, как полагается, является естественным следствием нашей ценности — являются лишь следствием расположения точки сборки в ее обычном месте. Чем более жестко она там фиксирована, тем более мы самоуверенны, тем сильнее мы чувствуем, что знаем мир и способны предвидеть будущее.

Он добавил, что сновидение дает нам гибкость, необходимую для того, чтобы войти в другие миры, разрушая наше ощущение знания этого мира. Он назвал сновидение путешествием в невообразимые измерения; путешествием, которое, заставив нас воспринять все, что мы можем воспринять как люди, заставляет точку сборки выскочить из области человеческого и воспринять непостижимое.

— Мы снова вернулись к самому важному аспекту мира магов, — продолжают он, — положению точки сборки. Оно является одновременно проклятием старых магов и источником постоянных проблем всего человечества.

— Почему ты так говоришь, дон Хуан?

– Потому что все человечество и маги древности пали жертвой положения точки сборки. Человечество не знает, что точка сборки существует, и поэтому принимает последствия ее обычного расположения как нечто окончательное и неоспоримое. Что же касается старых магов, то они пострадали потому, что хотя и знали о точке сборки все, стали жертвой возможности ею манипулировать.

Ты должен избежать этих двух ловушек, – продолжал он. – Было бы очень плохо, если бы ты уподобился человечеству в своем неведении относительно точки сборки. Но будет еще хуже, если ты станешь так же цинично, как старые маги, манипулировать точкой сборки для достижения личных целей.

– Я все еще не понимаю, о чем ты говоришь. Какое это имеет отношение к тому, что я пережил вчера?

– Вчера ты посетил другой мир. Но если ты спросишь меня, где он находится, и я скажу тебе, что он – в положении точки сборки, ты снова ничего не поймешь.

По словам дона Хуана, мне грозила одна из двух роковых возможностей. Первая состояла в том, что я последую по пути человечества и столкнусь с дилеммой, когда мой опыт будет говорить мне, что иные миры существуют, а мой разум будет утверждать, что они не существуют и не могут существовать. Вторая – в том, что я приму разумные объяснения старых магов, в результате чего автоматически соглашусь с существованием других миров, а моя жадность заставит мою точку сборки удерживаться в позиции, создающей эти миры. В результате возникнет проблема, связанная с физическим уходом в эти призрачные сферы в погоне за могуществом и выгодой.

Мне нечего было сказать в ответ на его слова, но через некоторое время я понял, что я не должен непременно стать жертвой этих роковых возможностей, потому что полностью согласен с точкой зрения самого дона Хуана, несмотря на тот факт, что я не полностью представлял себе, с чем соглашаюсь. Согласие с ним было, скорее, чувством, пришедшим издалека, древней уверенностью, которую я

потерял и которая теперь медленно отыскивала свой путь обратно ко мне.

Возврат к моей практике сновидения устранил эти беспокойства, но создал новые. Например, в связи с тем, что я каждый день слышал голос эмиссара, он перестал звучать для меня раздражающе или странно. Он стал обычным явлением. Я допустил так много ошибок под влиянием его слов, что почти понял, почему дон Хуан отказывался относиться к ним серьезно. Психианалитику потребовался бы не один день, чтобы проинтерпретировать высказывания эмиссара в соответствии с моими всевозможными перипетиями моей внутриличностной динамики.

Дон Хуан придерживался по этому поводу непреклонного мнения: эмиссар – это безличная, устойчивая сила из мира неорганических существ. Каждый сновидящий сталкивается с ней при более или менее схожих обстоятельствах, но если он решает воспользоваться ее словами как советами, то является безнадежным дураком.

Я со всей определенностью и был таковым. Я никоим образом не мог оставаться равнодушным, сталкиваясь с таким необычным явлением: голосом, ясно и последовательно излагающим мне на трех языках скрытые сведения обо всем, на чем я фокусировал свое внимание. Единственным, но не существенным его недостатком для меня было то, что мы с ним не были синхронизированы. Эмиссар обычно рассказывал мне о людях и событиях, когда я уже полностью забывал о том, что они меня раньше интересовали.

Я спросил у дона Хуана об этом, и в ответ он сказал, что это связано с жесткостью моей точки сборки. Он объяснил, что меня воспитывали пожилые люди, и что они наполнили меня взглядами стариков. Вследствие этого я был опасно праведным. Его стремление давать мне растения силы было лишь попыткой встряхнуть мою точку сборки и дать ей возможность иметь минимальный запас текучести.

– Если ты не разовьешь этого запаса, – продолжал он, – ты либо станешь еще более праведным, либо превратишься в истеричного

мага. Я рассказываю тебе о магах древности не для того, чтобы очернить их, а для того, чтобы противопоставить их тебе. Рано или поздно твоя точка сборки станет более текучей, однако недостаточно текучей для того, чтобы компенсировать твою способность быть похожим на них, то есть быть либо праведным, либо истеричным.

– Как мне избежать всего этого, дон Хуан?

– Существует только один путь. Маги называют его чистым пониманием. Я называю его романом со знанием. Это побуждение, которое маги используют для того, чтобы знать, открывать, приходить в недоумение.

Дон Хуан сменил тему разговора и продолжил объяснение фиксации точки сборки. Он сказал, что при видении точки сборки у детей, которая постоянно трепещет как бы под воздействием небольших встряхиваний, легко переходя из одного положения в другое, старые маги пришли к выводу, что обычное место точки сборки не присуще ей от природы, а вырабатывается как привычка. Видя также, что точка сборки фиксирована на одном месте только у взрослых, они заключили, что особое положение точки сборки способствует особому способу восприятия. Вследствие длительного использования этот особый способ восприятия становится системой интерпретации чувственных данных.

Дон Хуан указал, что поскольку мы вовлечены в эту систему, будучи рожденными в ней, то с самого момента нашего рождения мы неизбежно боремся за подгонку нашего восприятия в соответствие требованиям этой системы, системы, которая управляет нами всю нашу жизнь. Следовательно, древние маги были совершенно правы, когда верили в то, что действие по отмене приказаний системы и восприятие энергии напрямую и есть то, что превращает человека в мага.

Дон Хуан выразил свое изумление по поводу того, что он назвал величайшим достижением человеческого воспитания, которое заключалось в том, чтобы зафиксировать нашу точку сборки в ее привычном положении. Ведь после того, как она обездвижена там, наше восприятие может быть тренировано и приведено к

интерпретированию того, что мы воспринимаем. Другими словами, затем нас можно привести к тому, чтобы воспринимать в большей мере с точки зрения системы, чем с точки зрения наших чувств. Он заверил меня, что восприятие людей однотипно по всему миру, потому что точки сборки у всех представителей человечества фиксированы на одном и том же месте.

Он продолжил рассказывать, отметив, что маги убеждаются в этом, видя, что в тот момент, когда точка сборки смещается за определенный порог и нами начинают восприниматься новые энергетические волокна вселенной, нет никакого смысла в том, что мы воспринимаем. Непосредственной причиной этого является то, что новые чувственные данные делают нашу систему неработающей – она более не может использоваться для интерпретации того, что мы воспринимаем.

– Восприятие без нашей системы, конечно же, хаотично, – продолжал дон Хуан. – Но удивительно, что когда мы считаем, что полностью утратили ориентиры, наша старая система оживает вновь и превращает наше новое непостижимое восприятие в совершенно постижимый новый мир. Это случилось с тобой, когда ты смотрел на листья мескитового дерева.

– Что на самом деле тогда случилось со мной, дон Хуан?

– В течение некоторого времени твое восприятие было хаотичным. Все пришло к тебе сразу, и твоя система интерпретации мира не работала. Затем хаос упорядочился, и ты предстал перед новым миром.

– Мы снова, дон Хуан, вернулись туда, где были раньше. Существует ли тот мир, или он просто-напросто создан моим умом?

– Мы опять вернулись туда же, и ответ остался тем же. Он существует в том определенном положении твоей точки сборки. Для того, чтобы воспринимать его, тебе нужна была сцепленность, то есть тебе нужно было удерживать точку сборки фиксированной в том положении, что ты и делал. В результате ты в течение некоторого времени полностью воспринимал новый мир.

– Но могли бы другие воспринимать тот же самый мир?

– Если бы они обладали однородностью и сцепленностью, то могли. Однородность означает одновременное удержание одной и той же позиции точки сборки. Древние маги называли действие по обретению однородности и сцепленности за пределами нормального мира сталкингом восприятия¹¹.

– Искусство сталкинга, – продолжал он, – как мы уже говорили, имеет дело с фиксацией точки сборки. Древние маги посредством своей практики открыли, что как бы ни было важно уметь перемещать точку сборки, еще важнее было уметь фиксировать ее в новом положении, каково бы оно ни было.

Он объяснил, что если точку сборки не удастся зафиксировать, нет никакой возможности воспринимать связно. В таком случае мы будем воспринимать калейдоскопическую картину не связанных друг с другом образов. Вот почему древние маги прошлого уделяли сталкингу столько же внимания, сколько и сновидению. Одно искусство не может существовать без другого, особенно в отношении тех действий, которые совершали маги древности.

– Что это были за действия, дон Хуан?

– Древние маги называли их тонкостями второго внимания или великим приключением в неизвестном.

Дон Хуан сказал, что эти действия основываются на смещении точки сборки. Древние маги не просто умели смещать точку сборки в тысячи различных положений на поверхности или внутри своих энергетических масс, но они еще и научились фиксировать свои точки сборки в этих положениях, и, таким образом, поддерживать сцепленность неограниченно долгое время.

– Какая от всего этого была польза, дон Хуан?

– Мы не можем говорить о пользе; мы можем говорить лишь о конечных результатах.

¹¹ Выслеживанием восприятия

Он объяснил, что сцепленность древних магов была таковой, что позволяла им становиться — как с точки зрения восприятия, так и физически — всем, что диктовалось специфическими позициями их точек сборки. Они могли превратиться во что угодно из всего того, для чего они имели специфическую инвентаризацию. Инвентаризация, — сказал он, — является всеми деталями восприятия, вовлеченными в становление, к примеру, ягуаром, птицей, насекомым и т.д.

— Мне очень трудно поверить, что такие превращения возможны, — сказал я.

— Они возможны, — заверил он меня. Не столько для тебя или меня, сколько для них. Для них это было ничто. Древние маги обладали исключительной текучестью. Все, что им было нужно, это незначительный намек о восприятии из их сновидения, и они немедленно выслеживали свое восприятие, реорганизуя свою сцепленность и превращаясь в животное, птицу, другого человека или во что угодно.

— А разве душевнобольные не делают то же самое? Разве они не создают собственную реальность? — спросил я.

— Нет, это не одно и то же. Сумасшедшие воображают себе реальность вообще без всякой заранее поставленной цели. Они рождают хаос из хаоса. Маги, в отличие от них, упорядочивают хаос. Их заранее поставленной целью является освобождение восприятия. Маги не выдумывают воспринимаемый ими мир. Они воспринимают энергию напрямую, а затем обнаруживают, что воспринимаемое ими является новым неизвестным миром, способным полностью поглотить их. Ведь он настолько же реален, насколько реально все, что ты знаем как реальное.

Затем дон Хуан дал мне новое объяснение происшедшего со мной, когда я смотрел на мескитовое дерево. Он сказал, что я начал с восприятия энергии дерева. Однако на субъективном уровне я верил, что сновиджу, потому что использовал для восприятия энергии технику сновидения. Он отметил, что использование этой техники в мире обыденной жизни было одним из наиболее эффективных

средств, использовавшихся старыми магами. Это давало возможность воспринимать энергию напрямую, так же, как и во сне, а не всецело хаотично. Затем наступал момент, когда что-то реорганизовывало восприятие, и маг обнаруживал, что находится лицом к лицу с новым миром – в точности как это случилось со мной.

Я сказал ему об одной мысли, о которой едва осмеливался думать: панорама, увиденная мной, была и не сном, и не обычным миром.

– Да, она не была ни тем, ни другим, – сказал он. – Я повторяю тебе это снова и снова, а ты думаешь, что я просто говорю одно и то же. Я знаю, как трудно уму допустить реальность существования безумных возможностей. Но новые миры существуют! Они обернуты вокруг друг друга, как слои луковицы. Тот мир, в котором мы живем, – это лишь один слой луковицы.

– Ты хочешь сказать, дон Хуан, что цель твоего учения в том, чтобы подготовить меня к посещению этих миров?

– Нет. Я хочу сказать совсем другое. Мы отправляемся в другие миры только в качестве упражнения. Эти путешествия – прошлое современных магов. Мы занимаемся сновидением, как и маги древности, но в некоторый момент мы вышли на новый путь. Старые маги предпочитали сдвиг точки сборки, поэтому они всегда чувствовали себя в более или менее известном, предсказуемом положении. Мы же отдаем предпочтение движению точки сборки. Древние маги искали человеческое неизвестное. Мы ищем нечеловеческое неизвестное.

– Я еще не добрался до него, не правда ли?

– Нет. Ты только начинаешь. Вначале каждый должен пройти по стопам старых магов. Ведь в конце концов это они изобрели сновидение.

– Когда я, в таком случае, начну изучать сновидение новых магов?

– Тебе еще предстоит многое сделать. Возможно, на это уйдут годы. Кроме всего прочего, я должен быть с тобой очень осторожным. По характеру ты определенно похож на магов прошлого. Я предупреждал тебя об этом, но ты всегда умудряешься пренебрегать моими советами. Иногда мне даже казалось, что какая-то чужая энергия выступает в качестве твоего советника, но сейчас я отбросил эту идею. Ты – искренний человек.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

– Ты нечаянно совершил два поступка, которые меня чертовски взволновали. В первом же сновидении ты путешествовал в энергетическом теле за пределами этого мира. И прогуливался там! А затем ты посетил в энергетическом теле еще одно место за пределами этого мира, но отправившись туда из осознания повседневного мира.

– Почему это беспокоит тебя, дон Хуан?

– Сновидение слишком легко для тебя. И в этом твое проклятие, если мы не уделим этому вопросу надлежащего внимания. Это ведет к человеческому неизвестному. Как я говорил тебе, современные маги стремятся прийти к нечеловеческому неизвестному.

– Чем может быть это нечеловеческое неизвестное?

– Свободой от того, чтобы быть человеком. Непостижимыми мирами, находящимися вне человеческой полосы, но которые мы все же можем воспринимать. Именно здесь современные маги выбрали другую дорогу. Их предрасположением является то, что лежит вне человеческой сферы. А вне ее находятся полностью завершенные миры. А не просто сферы птиц, животных или человека, даже если это неизвестный человек. Я говорю о мирах, подобных тому, в котором живем мы, завершенных мирах с безграничными областями.

– Где находятся все эти миры, дон Хуан? В различных положениях точки сборки?

– Правильно. В различных положениях точки сборки, но эти положения доступны для магов вследствие движения точки сборки, а не ее сдвига. Вхождение в эти миры и является тем видом сновидения, которым занимаются сегодняшние маги. Маги древности держались от него подальше, так как оно требует огромной отрешенности и полного отсутствия самозначительности. Старые маги не могли позволить себе такой цены. Для магов, практикующих сновидение в наши дни, сновидение является свободой воспринимать миры за пределами воображаемого.

– Но какой смысл их воспринимать?

– Ты уже спрашивал меня сегодня об этом. Ты рассуждаешь, как настоящий купец. «Это опасно? – спрашиваешь ты. – На сколько процентов увеличиться сумма моего вклада? Будет ли так лучше для меня?» На эти вопросы невозможно ответить. Ум купца настроен на подсчет прибылей. Но свобода не может быть вложением. Свобода – это приключение, которому нет конца, в котором мы рискуем жизнью и многим, многим больше, во имя нескольких мгновений чего-то превыше слов, мыслей и чувств.

– Я спрашивал, имея в виду другое, дон Хуан. Я хотел узнать, что может вынудить такого никудышного бездельника как я, достичь всего этого?

– Поиск свободы – это единственная побуждающая сила, которую я знаю. Это свобода внезапно улететь в бесконечность, которая где-то там. Это свобода раствориться, оторваться от всего. Это свобода быть подобным пламени свечи, которая вместо того, чтобы подняться против света миллиардов звезд, остается неугасимой потому, что никогда не претендует на то, чтобы быть чем-то большим, чем она есть на самом деле, – всего лишь свечой.

Глава 5. Мир неорганических существ

Верный своему согласию ждать, пока дон Хуан сам решит продолжить свои объяснения сновидения, я обращался к нему за советом только в случае крайней необходимости. Однако он, как правило, производил впечатление человека, который не просто не желает обсуждать сновидение, но еще и недоволен моим отношением к этому предмету. По моему мнению, подтверждением его недовольства мной было то, что всегда, когда мы начинали обсуждать мою практику сновидения, он преднамеренно преуменьшал важность достигнутого мной.

В то время самой важной чертой моей практики стали постоянные свидетельства в пользу существования живых неорганических существ. После того, как я встретился с ними в своих сновидениях, и особенно после столкновения с ними в пустынных окрестностях дома дона Хуана, у меня были веские основания считать их существование подлинным фактом. Но все эти случаи возымели на меня обратное действие. Я упрямо и яростно отрицал возможность их существования.

Затем мое настроение изменилось, и я решил провести объективное исследование вопроса, связанного с ними. Метод исследования предполагал, что я, прежде всего, буду вести регулярные записи того, что случается в моих занятиях сновидением, а затем на основании этих записей сделаю вывод, подтвердились ли на практике мои предположения по поводу неорганических существ. Фактически, я исписал сотни страниц скрупулезными, но бессмысленными описаниями, в то время как достаточные свидетельства в пользу их существования были получены мной почти в самом начале моих изысканий.

Нескольких занятий оказалось достаточно, чтобы выяснить, что, воспринятая мной как случайная, рекомендация дона — воздержаться от решения и предоставить неорганическим существам возможность приблизиться ко мне — была в действительности тем самым способом, который использовали маги прошлого для того, чтобы привлекать их. Предоставив мне

возможность убедиться в этом на собственном опыте, дон Хуан просто-напросто следовал своему методу обучения магии. Он снова и снова повторял, что очень трудно заставить наше эго покинуть оборонительные рубежи. Этого возможно достичь только с помощью практики. Одной из сильнейших оборонительных линий эго является не что иное, как наша рациональность. И она не только является самой стойкой оборонительной линией, когда дело касается магических действий и объяснений, но и самой угрожающей. Дон Хуан считал, что существование неорганических существ является главным противником нашей рациональности.

В своей практике сновидения я придерживался установленного распорядка, от которого не отклонялся ни на один день. Вначале моей целью было наблюдение всех доступных объектов в моих снах, а затем – изменение снов. Я наблюдал день ото дня целые вселенные различных деталей снов. Само собой разумеется, что в определенный момент мое внимание сновидения начинало убывать, и мои занятия заканчивались либо тем, что я засыпал и видел обычные сны, в которых у меня полностью отсутствовало внимание сновидения, либо тем, что я просыпался и не мог больше заснуть вообще.

Однако время от времени в моих сновидениях появлялся поток чужеродной энергии, как определял его дон Хуан, называя его также лазутчиком. Его предостережение относительно лазутчиков помогло мне быть бдительным и правильно использовать свое внимание сновидения. Первый раз я столкнулся с чужеродной энергией, когда мне снилось, как я делал покупки в универмаге. Я переходил от прилавка к прилавку, разыскивая антикварные предметы. В конце концов я нашел один. Несоответствие между универмагом и поиском произведений древнего искусства было столь очевидным, что я тихонько посмеивался, но как только я нашел одно такое произведение, я сразу же забыл об этой нелепости. Этот предмет представлял собой рукоятку трости. Продавец сказал мне, что она была изготовлена из иридия, который он назвал одним из самых твердых веществ в мире. Рукоятка была украшена резьбой с изображением головы и плеч обезьяны. Но мне показалось, что она сделана из нефрита. Продавец был очень возмущен, когда я намекнул, что это, скорее всего, нефрит, и, чтобы

продемонстрировать свою правоту, он изо всей силы бросил предмет на цементный пол. Он не разбился, но стал подскакивать, как мяч, а затем уплыл прочь, вращаясь, как фризби¹². Я последовал за ним. Он скрылся за деревьями. Я побежал, чтобы найти его и обнаружил увязшим в земле. Он превратился в необычайно красивую надлежащей длины трость темно-зеленого цвета с переходом в черный.

Я захотел взять ее себе. Я ухватился за нее и попытался вытащить ее из земли, пока кто-нибудь не появился поблизости. Но как я ни стараюсь, я не мог сдвинуть ее с места. Я боялся, что сломаю ее, если буду пытаться вырвать из земли, расшатывая из стороны в сторону. Поэтому я начал раскапывать землю вокруг нее голыми руками. По мере того, как я продолжал копать, она таяла на глазах, пока на ее месте не осталась только лужица зеленой воды. Я уставился взглядом в воду, и внезапно мне показалось, что она взорвалась. Она превратилась в белый пузырь, который затем исчез. Мой сон продолжался дальше с новыми образами и деталями, которые ничем не выделялись, хотя и были совершенно отчетливы.

Когда я рассказал дону Хуану об этом сновидении, он сказал:

– Ты выделил лазутчика. Лазутчики более многочисленны в наших обычных снах. Странно, но сны сновидящих характеризуются отсутствием лазутчиков. Когда они появляются, их легко обнаружить по сопутствующей им необычности и несоразмерности.

– О какой несоразмерности ты говоришь, дон Хуан?

– Их присутствие окружено нелепостями.

– Во сне многое нелепо.

– Только в обычных снах вещи бессмысленны. Я бы сказал, что это происходит именно так вследствие большого количества лазутчиков, присутствующих в них. Их много потому, что обычные люди склонны сильнее ограждать себя от неизвестного.

¹² sbee – фризби, "летающая тарелка", пластиковый диск для спортивной игры.

– Ты знаешь, почему это так, дон Хуан?

– По-моему, все определяется балансом сил. Среднестатистический человек обладает необычайно прочными барьерами, чтобы защитить себя от этих атак. Например, такие барьеры, как беспокойство о себе. Но чем крепче препятствие, тем мощнее нападение.

В отличие от них, сновидящие воздвигают меньше барьеров и поэтому привлекают меньше лазутчиков в свои сны. В снах сновидящих бессмысленные вещи отсутствуют, возможно, для того, чтобы сновидящие легко обнаруживали присутствие лазутчиков.

Дон Хуан посоветовал мне быть очень внимательным и вспомнить все детали того сна. Он даже заставил меня повторить весь свой рассказ.

– Ты сбиваешь меня с толку, – сказал я. – Ты то не хочешь ничего слышать о моем сновидении, то хочешь. Есть ли какая-то систематичность в твоих отказах и согласиях?

– Конечно же, за всем этим стоит некая система, – сказал он. – Быть может, ты когда-нибудь будешь поступать так же с другим сновидящим. Одни вещи имеют ключевое значение, потому что связаны с духом. Другие – совершенно не имеют значения, так как связаны с нашей индольгирующей личностью.

Первый лазутчик, которого ты обнаружил, теперь будет присутствовать всегда в любой форме, даже в виде иридия. Кстати, что такое иридий?

– Точно не знаю, – искренне сказал я.

– Вот тебе и на! А что ты скажешь, если окажется, что это одно из самых прочных веществ в мире?

Глаза дона Хуана сияли от восторга, пока я нервно смеялся от абсурдности его последней реплики, которая, как я узнал впоследствии, в действительности была истинной.

Начиная с этого времени, я стал обращать внимание на присутствие несуразных предметов в своих сновидениях. Стоило мне принять классификацию дона Хуана, определяющую эту энергию как чужеродную, как я полностью согласился с ним в том, что нелепые вещи в моих снах являются чужеродными вторжениями. После того, как я изолировал их, мое внимание сновидения всегда фокусировалось на них с такой интенсивностью, которая не имела место в других обстоятельствах.

Еще я заметил, что каждый раз, когда чужеродная энергия проникала в мои сны, мое внимание сновидения в них вынуждено было усиленно работать, чтобы превратить ее в какой-нибудь знакомый объект. Проблема, с которой сталкивалось мое внимание сновидения в этом случае, состояла в его неспособности полностью совершить такое превращение: в итоге я получал какой-то диковинный объект, почти мне незнакомый. Впоследствии чужеродная энергия довольно быстро исчезала; нестандартный предмет пропадал, превращаясь в пузырь света, который вскоре поглощался другими деталями моего сна.

Когда я попросил дона Хуана прокомментировать то, что происходит в моем сновидении, он сказал:

– В настоящее время лазутчики в твоих снах являются шпионами, присылаемыми неорганическим миром. Они очень быстры, недолговечны, что означает, что они не остаются надолго.

– Почему ты говоришь, что они – шпионы, дон Хуан?

– Они приходят в поисках потенциального сознания. Они обладают сознанием и целью, хотя это сознание и цель являются непостижимыми для нашего разума и сравнимы, пожалуй, с сознанием и целью присущими деревьям. Внутренняя скорость деревьев и неорганических существ непостижима для нас вследствие того, что она бесконечно медленнее нашей.

– Почему ты так считаешь, дон Хуан?

– И деревья, и неорганические существа живут дольше, чем мы. Они созданы, чтобы оставаться на месте. Они неподвижны, но в то же время они заставляют все двигаться вокруг себя.

– Ты хочешь сказать, дон Хуан, что неорганические существа являются такими же неподвижными сущностями, как и деревья?

– Именно так. То, что ты видишь в сновидении в виде светлых и темных палок¹³, является их проекциями. То, что ты слышишь во сне как голос эмиссара, – тоже их проекция. Равно как и их лазутчики.

По какой-то непостижимой глубинной причине я был подавлен этими словами. Внезапно меня охватило беспокойство. Я спросил дона Хуана, имеют ли и деревья подобные проекции.

– Имеют, – сказал он. – Однако их проекции еще менее дружелюбны к нам, чем их аналоги из неорганического мира. Сновидящий никогда не ищет их, если только он не находится в состоянии глубокой близости с деревьями, состоянии очень трудно достижимом. У нас нет друзей на этой Земле, ты ведь знаешь. – Он усмехнулся и добавил. – Ни для кого не секрет, почему это так.

– Возможно, это не секрет для тебя, дон Хуан, но, со всей определенностью, это тайна для меня.

– Наши действия разрушительны. Мы настроили против себя все живые существа на этой Земле. Вот почему у нас нет друзей.

Я почувствовал себя так неловко, что хотел вовсе прекратить беседу. Но внутреннее побуждение вынудило меня вернуться к обсуждению неорганических существ.

– Что, по твоему мнению, мне следует делать, чтобы последовать за лазутчиками? – спросил я.

– А зачем, собственно, тебе нужно следовать за ними?

¹³ Stick – палка, прут, трость, стек, ветка, веточка.

– Я провожу объективное исследование по вопросу неорганических существ.

– Ты подшучиваешь надо мной, не так ли? Я думал, что ты непоколебим в своем отрицании их существования.

Его издевательский голос и раскаты смеха ясно показали мне его отношение к моему объективному исследованию.

– Я теперь придерживаюсь другого мнения, дон Хуан. Теперь я хочу изучить все возможности.

– Помни, что мир неорганических существ был сферой деятельности магов прошлого. Чтобы пробраться туда, они прочно фиксировали свое внимание сновидения на наблюдаемых объектах, таким образом, они оказывались способны обнаруживать лазутчиков. И когда лазутчики оказывались в фокусе, они выкрикивали вслух намерение следовать за ними. Как только маги древности заявляли об этом своем намерении, они уходили, увлекаемые чужеродной энергией.

– Так ли это просто, дон Хуан?

Он не ответил. Он только засмеялся, глядя на меня, как бы приглашая меня сделать то, о чем он рассказал.

Дома я пытался отыскать истинный смысл слов дон Хуана. Я был совершенно не склонен рассматривать описанное им в качестве действительной процедуры. После того, как закончились все мои идеи и терпение, я перестал обороняться. После этого в своем сне я увидел рыбу, озадачившую меня тем, что она внезапно выскочила из озера, возле которого я прогуливался. Она забилась у моих ног, затем взлетела, как птица, и села на ветку, по-прежнему оставаясь рыбой. Картина была такой непривычной, что мое внимание сновидения оживилось. Я сразу же понял, что это лазутчик. Секундой позже, когда рыба-птица превратилась в точку света, я крикнул о своем намерении последовать за ней и отправился в иной мир точно так, как говорил об этом дон Хуан.

Я, как легкое насекомое, пролетел сквозь нечто, казавшееся темным тоннелем. Ощущение тоннеля внезапно прекратилось. Было так, как будто я был выдут из трубы и по инерции шлепнулся на огромную глыбу какого-то вещества; я почти касался ее. Я не видел ей конца во всех направлениях, доступных моему взору. Все это так сильно напоминало мне научно-фантастические фильмы, что я был полностью уверен, что сам сконструировал этот образ, как мы конструируем сны. А почему бы и нет? Я рассуждал, что ведь в конце концов я сплю, сновиджу.

Я решил рассмотреть все детали этого сна. То, что я мог видеть, представляло собой подобие исполинской губки. Оно было пористым и покрытым углублениями. Я не мог прикоснуться к нему, но оно выглядело твердым и волокнистым. Оно было темно-коричневого цвета. Затем у меня мелькнуло сомнение в том, что эта безмолвная масса всего лишь сон. То, что я видел, не изменяло своих очертаний. Оно не двигалось. При пристальном всматривании у меня создалось впечатление чего-то реального, но полностью неподвижного; оно было посажено где-то и обладало настолько мощной притягательной силой, что я не мог оторвать от него свое внимание сновидения для изучения других объектов, включая себя. Какая-то странная сила, с которой я никогда раньше не сталкивался в сновидении, приковала меня.

Затем я явственно ощутил, что масса высвободила мое внимание сновидения. После этого все мое осознание сосредоточилось на лазутчике, который привел меня сюда. Он выглядел как светлячок в темноте, зависнув надо мной сбоку. В этом мире лазутчик был пузырем чистой энергии. Я мог видеть кипение его энергии. Казалось, он знает обо мне. Внезапно он приблизился ко мне, а затем дернул или ткнул меня. Я не чувствовал его прикосновения, но знал, что он касается меня. Это ощущение было для меня изумительным и новым; будто какая-то часть меня, не присутствующая там, была наэлектризована этим прикосновением; волны энергии проходили по ней одна за другой.

Начиная с этого момента все в моем сне стало намного более реальным. Мне с трудом удавалось помнить, что я нахожусь в сновидении. К этому затруднению примешивалось чувство

уверенности в том, что, коснувшись меня, лазутчик создал со мной энергетическую связь. В тот момент, когда казалось, что он притягивает или отталкивает меня, я сразу знал, чего он от меня хочет.

Сначала он втолкнул меня в большое углубление в глыбе вещества, перед которой я находился. Как только я оказался там, я заметил, что внутренняя поверхность была так же равномерно пористой, как и внешняя, но выглядела не так грубо, будто ее неровности были отшлифованы. То, что я рассматривал снаружи, имело структуру, напоминающую что-то похожее на увеличенное изображение пчелиного улья. Во всех направлениях расходились бесчисленные тоннели геометрических очертаний. Некоторые из них вели вверх, другие – вниз; были также идущие налево и направо; они образовывали всевозможные углы друг с другом, направляясь один выше, другой ниже.

Свет был очень тусклым, но все было отчетливо видно. Тоннели выглядели живыми и сознающими; они «кипели». Я пристально взглянул на них и с удивлением понял, что вижу их. Это были тоннели энергии. Как только я это осознал, голос эмиссара из сновидения зазвучал в моих ушах так громко, что я не мог разобрать ничего им сказанного.

– Говори тише, – завопил я с необычным нетерпением, замечая, что во время произнесения мною слов тоннели исчезают из виду, а я погружаюсь в вакуум, где могу только слышать.

Эмиссар понизил голос и сказал:

– Ты находишься внутри неорганического существа. Выбери себе любой из тоннелей, и ты сможешь даже жить в нем. – Голос смолк на мгновение, а затем прибавил: – Разумеется, если ты хочешь этого.

Я не мог заставить себя вымолвить хоть несколько слов. Я боялся, что любое мое утверждение может быть понято в смысле, противоположном тому, который я в него вкладываю.

– В этом для тебя есть бесчисленные преимущества, – продолжал голос эмиссара. – Ты можешь жить в любых тоннелях, в каких пожелаешь. И каждый из них будет учить тебя чему-то особенному. Маги прошлого жили там и научились многим удивительным вещам.

Не пользуясь никакими из своих органов чувств, я ощутил, что лазутчик подталкивает меня сзади. Казалось, он хочет, чтобы я двигался вперед. Я направился в тоннель, находящийся справа от меня. Очутившись в нем, я осознал, что не иду по нему; я парил в нем, летел. Я был пузырем энергии, подобно самому лазутчику.

Голос эмиссара снова зазвучал в моих ушах:

– Да, ты – всего лишь пузырь энергии, – произнес он.

Его многословие принесло мне громадное облегчение.

– Ты паришь внутри одного из неорганических существ, – продолжал он. – Лазутчик хочет, чтобы ты двигался в этом мире именно таким образом. Когда он прикоснулся к тебе, он изменил тебя навсегда. Теперь ты, практически, один из нас. Если желаешь остаться здесь, просто вырази свое намерение.

Эмиссар прекратил говорить, и вид тоннеля снова предстал предо мной. Но когда он заговорил снова, что-то настроилось; я перестал терять из виду тот мир и все же мог одновременно слышать голос эмиссара.

– Древние маги научились всему, что они знали о сновидении, пребывая здесь среди нас, – сказал он.

Я собирался спросить, научились ли они этому всему, просто живя внутри этих тоннелей, но прежде чем я произнес свой вопрос, эмиссар ответил мне.

– Да, они научились всему, просто живя внутри неорганических существ, – сказал он. – Чтобы жить внутри них, магам прошлого требовалось всего лишь сказать о том, что они желают этого. Точно так же, как для того, чтобы попасть сюда, тебе

требовалось только громко и отчетливо выразить вслух свое намерение.

Лазутчик толкнул меня вновь, давая понять, что я могу продолжить движение. Я засомневался, и тогда он сделал что-то эквивалентное такому силовому воздействию, от которого я полетел по бесконечным тоннелям, как пуля. В конце концов я остановился, потому что остановился лазутчик. На какое-то мгновение мы зависли, а затем провалились в вертикальный тоннель. Но я не почувствовал, что направление движения существенно изменилось. Что касается моих ощущений, то я по-прежнему чувствовал, что двигаюсь вдоль поверхности.

Мы меняли направление движения множество раз, но в каждом случае мои ощущения были похожими. Я начал было уже формулировать мысль о своей неспособности чувствовать, куда я двигаюсь, вверх или вниз, когда вдруг зазвучал голос эмиссара.

– Мне кажется, что тебе будет приятнее медленно ползти, а не лететь, – сказал он. – Можешь также попробовать перемещаться, как паук или муха, прямо, вверх или вниз, или вверх ногами.

Внезапно я приземлился. Было похоже на то, что, будучи невесомым, я внезапно обрел приземливший меня вес. Я не мог чувствовать стен тоннелей, но эмиссар был прав, сказав, что, ползая, я буду чувствовать себя более комфортно.

– В этом мире тебе не обязательно быть связанным тяготением, – сказал он.

Конечно, я и сам мог это понять.

– Тебе здесь также не нужно и дышать, – продолжал его голос. – И только для своего удобства ты продолжаешь пользоваться зрением, по привычке делая это так же, как в твоём мире.

Казалось, что эмиссар решал, продолжать ли ему говорить дальше. Он прокашлялся в точности как человек, прочищающий горло, и произнес:

– Зрение никогда не нарушается. Поэтому сновидящий все время говорит в своем сновидении с точки зрения того, что он видит.

Лазутчик втолкнул меня в тоннель направо. Он был несколько темнее других. На каком-то абсурдном уровне, он показался мне более уютным, чем другие, более дружелюбным или даже знакомым. Мне на ум пришла мысль, что я был подобен этому тоннелю, или он – мне.

– Вы уже встречались раньше, – произнес голос эмиссара.

– Извини, не понял? – сказал я.

Я понял его слова, но не знал, что он имеет в виду.

– Вы когда-то боролись друг с другом, и поэтому сейчас каждый из вас содержит энергию другого.

Я подумал, что в голосе эмиссара слышится злая нотка или даже сарказм.

– Нет, это не сарказм, – сказал эмиссар. – Я рад, что у тебя есть среди нас родственники.

– Что ты подразумеваешь под родственниками? – спросил я.

– Обмен энергией означает родство, – ответил он. – Энергия подобна крови.

Я потерял дар речи. Я ясно ощутил, как во мне шевельнулся страх.

– Страх – это нечто, отсутствующее в этом мире, – сказал эмиссар.

Из всего, что он сказал, только это не было правдой.

На этом мое сновидение закончилось. Я был так ошеломлен яркостью увиденного, поразительной ясностью и последовательностью сказанного эмиссаром, что не мог дожидаться момента, чтобы рассказать обо всем дону Хуану. Меня удивило и

насторожило то, что он не захотел слушать меня. Он так ничего и не сказал, но у меня было ощущение, что он считал все случившееся моим собственным индальгированием.

– Почему ты так ведешь себя со мной? – спросил я. – Ты мной недоволен?

– Нет, я не недоволен тобой, – сказал он. – Дело в том, что я не могу говорить об этой стороне твоего сновидения. Это исключительно твое личное дело. Я сказал тебе, что неорганические существа реальны. Теперь ты сам обнаруживаешь, насколько они реальны. Но то, что ты извлечешь из этого открытия, – это уже твое дело, твое личное дело. Когда-нибудь ты поймешь, почему я оставался в стороне.

– Но неужели ты не можешь ничего сказать мне об этом сне? – настаивал я.

– Я могу сказать только, что это был не сон. Это было путешествие в неизведанное. Могу добавить, что это было необходимое путешествие, но сугубо личное.

Затем он сменил тему разговора и принялся объяснять другие аспекты своего учения.

Начиная с этого дня, несмотря на мой страх и нежелание дона Хуана дать мне совет, я стал в своих сновидениях регулярно посещать тот губчатый мир. Я вскоре обнаружил, что чем больше возрастает моя способность наблюдать детали своих снов, тем искуснее я становлюсь в выявлении лазутчиков. Если я выбирал признание их в качестве чужеродной энергии, они некоторое время оставались в поле моего восприятия. Сейчас, если я выбирал превращать лазутчиков в отчасти знакомые мне объекты, они оставались даже дольше обычного, беспорядочно меняя форму. Но если я выбирал следовать за ними, громко провозглашая вслух свое намерение попасть в их мир, лазутчики неизменно переносили мое внимание сновидения в мир, лежащий за пределами моего обычного воображения.

Дон Хуан сказал, что неорганические существа всегда испытывают потребность обучать. Но он не упомянул при этом, что они обучают сновидению. Он заявил, что эмиссар сновидения, будучи голосом, является идеальным мостиком между тем миром и нашим. Я обнаружил, что эмиссар представляет собой зачастую не просто голос наставника, но еще и голос умелого торгового агента. Он объяснял мне снова и снова, в нужном месте и в соответствующее время, преимущества своего мира. Однако он также преподавал мне неоценимые уроки сновидения. Слушая его объяснения, я понял, почему маги прошлого отдавали предпочтение практическим занятиям.

– Чтобы в совершенстве овладеть сновидением, тебе, прежде всего, следует прекратить внутренний диалог, – сказал мне однажды эмиссар. – Для достижения лучшего результата в его отключении, держи между пальцами несколько кристаллов кварца длиной два или три дюйма или несколько тонких отшлифованных речных камушков. Согни чуть-чуть пальцы и зажми кристаллы или гальку между ними.

Эмиссар сообщил, что металлические стержни, если они соответствуют размеру и ширине пальцев, оказывают тот же эффект. Метод состоит в том, чтобы удерживать как минимум по три тонких вещи между пальцами каждой из рук, сжимая их почти до боли в кистях. Это давление обладает странным свойством отключения внутреннего диалога. Эмиссар отдавал предпочтение кристаллам кварца; он сказал, что результат в этом случае будет наиболее эффективным, хотя для этой практики подходит все что угодно.

– Если ты засыпаешь в состоянии полной тишины, это гарантирует тебе идеальное вхождение в сновидение, – сказал однажды голос эмиссара, – это также обеспечивает рост внимания сновидения.

– Сновидящий должен носить золотое кольцо, – сказал мне эмиссар в другой раз. – Лучше, чтобы оно было чуть тесным для пальца.

Объяснение эмиссара в связи с этим сводилось к тому, что кольцо служит в качестве моста для возвращения обратно на поверхность обычного мира из сновидения или погружения из состояния нормального сознания в мир неорганических существ.

– Как работает этот мост? – спросил я, не понимая, что имеется в виду.

– Контакт пальца с кольцом устанавливает мост, – сказал эмиссар. – Если сновидящий приходит в мой мир, имея на пальце кольцо, оно привлекает и сохраняет энергию моего мира; а в случае необходимости эта энергия переносит сновидящего обратно в этот мир, посредством высвобождения ее из кольца в палец сновидящего.

Давление, производимое кольцом на палец, так же хорошо служит также для гарантии того, что сновидящий вернется в свой мир. Это давление дает ему постоянное знакомое ощущение на пальце.

В ходе одного из последующих занятий эмиссар сообщил, что наша кожа является органом, идеально подходящим для передачи энергетических волн из диапазона обычного мира в диапазон неорганических существ и наоборот. Он посоветовал мне следить за тем, чтобы моя кожа была прохладной, чистой и не жирной. Он также порекомендовал сновидящим носить тугий пояс, повязку на голове или ожерелье, чтобы создать давление в точках кожи, служащих центрами обмена энергией. Эмиссар также объяснил, что кожа автоматически отражает энергию, и что для того, чтобы кожа не только отражала энергию, но и способствовала переводу ее из одного диапазона в другой, мы должны громко выразить в сновидении соответствующее намерение.

Однажды эмиссар сделал мне настоящий подарок. Он сказал, что для обеспечения живости и точности внимания сновидения нам следует черпать его из области, которая находится у нас во рту непосредственно за нёбом. В этом месте у всех людей располагается огромный резервуар внимания. Эмиссар специально порекомендовал научиться прижимать в сновидении кончик языка к нёбу. Он сказал, что это такая же сложная задача, как нахождение

рук во сне. Однако, решив ее, сновидящий достигает удивительных результатов в отношении контроля внимания сновидения.

Я получил целые горы инструкций по поводу всевозможных вещей. Эти инструкции я бы очень скоро забыл, если бы эmissар не продолжал регулярно повторять их мне. Я спросил у дон Хуана, как мне быть с тем, что я забываю.

Его замечание было кратким, как я и ожидал.

– Сосредоточься только на том, что эmissар говорит тебе о сновидении, – сказал он.

Все, о чем неустанно повторял голос эmissара, я схватывал с неизменным интересом и рвением. Но, верный рекомендации дон Хуана, я следовал указаниям эmissара только в отношении сновидения, лично подтвердив практическую ценность его инструкций. Наиболее важной информацией для меня оказалось то, что внимание сновидения приходит из области за верхним небом. Мне потребовалось приложить много усилий, чтобы начать чувствовать в сновидении кончик языка, прижимающийся к нёбу. Как только я научился этому, мое внимание сновидения зажило своей собственной жизнью и стало, я бы сказал, острее, чем мое обычное внимание в нашем мире.

Мне потребовалось не так уж много времени, чтобы понять, как глубоко маги прошлого были связаны с неорганическими существами. Объяснения и предостережения дон Хуана об опасности такой связи стали для меня более насущными, чем когда-либо раньше. Я пытался сделать все от меня зависящее, чтобы соответствовать его стандартам самооценки, не поддаваясь индульгированию. Поэтому голос эmissара и все, что он говорил, представляли для меня исключительный вызов. Мне следовало любыми средствами не поддаваться искушению со стороны эmissара, когда он обещал мне всевозможные знания. Мне приходилось противостоять ему в одиночку, поскольку дон Хуан по-прежнему отказывался выслушать меня.

– Ты должен хотя бы намекнуть о том, что мне делать, – настаивал я однажды, будучи достаточно решительным, чтобы заговорить об этом.

– Я не могу, – сказал он с оттенком категоричности, – и не спрашивай меня снова. Ведь я сказал тебе, что в этом случае сновидящий должен все решать сам.

– Но ведь ты даже не знаешь, что я собираюсь спросить.

– О, я знаю. Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что нет ничего неправильного в том, чтобы жить в одном из тех тоннелей, если не по какой-то другой причине, то хотя бы для того, чтобы слушать то, о чем говорит голос эмиссара.

Я признал, что именно это и была моя проблема. И если он не мог мне помочь решить ее, то я хотел, по крайней мере, узнать, что означала возможность жить внутри тех тоннелей.

– Я сам прошел через все это беспокойство, – продолжал дон Хуан, – и никто не мог помочь мне, потому что здесь все определяется исключительно личным и окончательным решением, решением, которое ты принимаешь, если высказываешь намерение остаться жить в том мире. Для того, чтобы ты заявил об этом намерении, неорганические существа потакают твоим самым тайным желаниям.

– Но это действительно дьявольщина, дон Хуан.

– Ты можешь повторить это еще раз. Но это так не только из-за того, что ты под этим понимаешь. Для тебя дьявольским в этом является соблазн сдаться, особенно когда они сулят тебе такие награды. По-моему, дьявольская природа мира неорганических существ проявляется в том, что он является единственным прибежищем для сновидящих во всей этой враждебной вселенной.

– Это действительно рай для сновидящих, дон Хуан?

– Определенно, для некоторых из них это так. Но не для меня. Мне не нужна поддержка и защита. Я знаю, кто я. Я одинок во враждебной вселенной, но я научился произносить «Да будет так!»

Это был конец нашего обмена мнениями. Он не сказал того, что я желал услышать, но я знал, что одно лишь желание узнать, на что похожа жизнь в тоннеле, практически означает выбор способа жизни. Но меня это не интересовало. Я сразу принял решение продолжать свою практику сновидения безо всяких дальнейших осложнений. Я тут же сказал об этом дону Хуану.

– Не говори ничего, – посоветовал он мне. – Пойми только, что если ты решишь остаться там, это твое решение будет окончательным. Ты навсегда останешься там.

Сейчас уже невозможно объективно судить о том, что было со мной, когда я несчетное число раз сновидел тот мир. Я могу сказать, что он представлялся мне миром настолько реальным, насколько может быть таковым сновидение. Я также могу сказать, что он казался не менее реальным, чем наш привычный обыденный мир. Посещая в сновидении тот мир, я осознал то, что дон Хуан говорил мне много раз: под влиянием занятий сновидением реальность сильно видоизменяется. Я столкнулся с двумя возможностями, с которыми, по словам дона Хуана, встречаются все сновидящие: либо мы осторожно ремонтируем¹⁴, либо полностью отбрасываем нашу систему интерпретации чувственных данных.

По словам дона Хуана, ремонт системы интерпретаций означает намерение ее перестроить. Это значит, что человек целенаправленно и тщательно расширяет свои возможности. Живя в соответствии с путем магов, сновидящие освобождают и запасают энергию, необходимую для того, чтобы воздерживаться от суждений, и тем самым облегчают намереваемую перестройку. Он объяснил, что если мы делаем выбор в пользу перестройки нашей системы интерпретаций, реальность становится подвижной и масштаб того, что может быть реальным, увеличивается без опасности разрушения целостности реальности. Поэтому сновидение действительно открывает дверь в другие аспекты того, чем является реальным.

¹⁴ To revamp – поправлять, починять, ремонтировать.

Если же мы выбираем второй путь, путь отбрасывания системы интерпретаций, — масштабы того, что можно воспринимать без интерпретаций, невероятно возрастают. Расширение нашего восприятия в этом случае является настолько гигантским, что ты остаешься с очень немногими приспособлениями для чувственных интерпретаций и потому с ощущением безграничной реальности, которая является нереальной или безграничной нереальности, которая вполне может быть реальной, но таковой не является.

Для меня единственной приемлемой возможностью была реконструкция и расширение системы интерпретаций. Сновидя мир неорганических существ, я столкнулся с постоянством этого мира во всем, начиная с выделения мной лазутчиков, слушания голоса эмиссара и заканчивая путешествиями по туннелям. Я двигался сквозь эти туннели, не чувствуя ничего, но в то же время осознавая постоянство пространства и времени, хотя и не в смысле, доступном нашей рациональности в обычных условиях. Однако особенности тоннелей, связанные с количеством и качеством деталей в каждом из них, а также существенные различия в расстоянии между ними и в их параметрах были для меня столь заметны, что, посещая их, я чувствовал себя проводящим объективные наблюдения.

Областью, в которой перестройка моей системы интерпретаций принесла наиболее драматический результат, было мое знание о том, как я соотношусь с миром неорганических существ. В их мире, который был для меня реален, я чувствовал себя пузырем энергии. Поэтому я мог со свистом носиться в тоннелях, как бы летая со скоростью света, или ползать по их стенам, как насекомое. Когда я летал, голос сообщал мне произвольную, но вполне последовательную информацию о деталях стен, на которых я фокусировал свое внимание сновидения. Эти детали представляли собой изоощреннe выпуклости, напоминающие шрифт для слепых. Когда же я ползал по стенкам, я мог видеть те же самые их особенности с большей ясностью и слышать тот же голос, на этот раз объясняющий мне все более подробно.

Неизбежным последствием этого для меня было развитие у меня чувства двойственности моего положения. С одной стороны я знал, что сновиджу; с другой — чувствовал, что совершаю такое же

полезное путешествие, как и любое другое, не менее реальное путешествие в нашем обычном мире. Эта неподдельная двойственность моего положения была подтверждением тому, о чем говорил дон Хуан: существование неорганических существ является самым главным противником нашей рациональности.

Только после того, как я действительно престал выносить суждения, ко мне пришло некоторое облегчение. В тот момент, когда напряжение, вызванное несостоятельностью моей позиции, заключавшейся в том, что я серьезно верил в подтверждаемое существование неорганических существ, одновременно веря, что все это только лишь сны, почти разрушило меня, в моем отношении к проблеме безо всякого сознательного вмешательства произошло резкое изменение.

Дон Хуан подтвердил, что мой энергетический уровень, постоянно возрастая, однажды достиг некоего порогового уровня, позволив мне больше не принимать во внимание мнения и предрассудки о природе человека, реальности и восприятия. С этого дня я влюблен в знание, независимо от его логичности и практической ценности, а также, что важнее всего, независимо от своего личного удобства.

Когда мое объективное исследование, касающееся неорганических существ, утратило для меня всякий интерес, дон Хуан сам поднял вопрос о моих путешествиях в сновидении. Он сказал:

– Я не думаю, что ты осознаешь, как регулярность своих встреч с неорганическими существами.

Он был прав. Я никогда не утруждал себя размышлениями на эту тему. Я признался в том, что это весьма странная оплошность.

– Это не оплошность, – сказал он. – Этот мир по своей природе способствует скрытности. Неорганические существа окутывают себя тайной, тьмой. Подумай об их мире: он остается неподвижным, постоянно притягивая нас к себе, как свет или огонь привлекает мошкар.

Есть нечто, о чем эмиссар до сих пор не решился тебе сказать: неорганические существа охотятся за нашим сознанием или сознанием любых других существ, которые попадают в их сети. Они дают нам знания, но они и взимают плату – все наши существо.

– Ты хочешь сказать, дон Хуан, что неорганические существа подобны рыбакам?

– Именно так. Когда-нибудь эмиссар покажет тебе людей или каких-то иных существ, которые оказались пойманы там.

Мне следовало бы испугаться или испытать чувство отвращения. Сообщение дона Хуана глубоко задело меня, но моей реакцией было, скорее, нескрываемое любопытство. Я еле сдерживался от нетерпения.

– Неорганические существа не могут никого заставить остаться у себя, – продолжал дон Хуан. – Жизнь в их мире – добровольное дело. Но они способны обратить в рабство каждого из нас, потворствуя нашим желаниям, балуя и развлекая нас. Опасайся осознания, которое неподвижно. Такое осознание ищет движения и делает это, как я тебе уже говорил, создавая проекции, иногда самые фантаσμαгорические проекции.

Я попросил дона Хуана объяснить, что он имеет в виду, говоря «фантаσμαгорические проекции». Он сказал, что неорганические существа цепляются за самые глубинные чувства сновидящих и безжалостно играют на них. Они создают призраков, чтобы угодить сновидящим или напугать их. Он напомнил мне, что я уже сражался с одним из таких призраков. Он объяснил, что неорганические существа – искусные иллюзионисты, которые любят проецировать себя, как слайды на экран.

– Древние маги пострадали вследствие того, что безрассудно доверяли этим проекциям, – продолжал он. – Маги прошлого верили, что их союзники могущественны. Они упустили из виду тот факт, что те представляют собой лишь разреженную энергию, проецируемую сквозь миры, как космический кинофильм.

– Ты противоречишь себе, дон Хуан. Ты сам говорил, что неорганические существа реальны. Сейчас ты говоришь, что это всего лишь картинки.

– Я тогда имел в виду, что в нашем мире неорганические существа подобны подвижным картинкам, спроецированным на экран; и я могу еще добавить, что они подобны движущимся картинкам разреженной энергии, спроецированным сквозь границы двух миров.

– А как на счет неорганических существ в их собственном мире? Там они тоже подобны подвижным картинкам?

– Ни в коем случае. Тот мир так же реален, как и наш. Маги прошлого описывали мир неорганических существ как пузырь с углублениями и порами, плавающий в некотором темном пространстве. Они изображали неорганические существа в виде пустотелых палочек, связанных вместе, как клетки наших тел. Маги, жившие когда-то, называли это громадное хитросплетение лабиринтом светотени.

– Правда, что каждый сновидящий видит тот мир точно таким же?

– Конечно. Каждый сновидящий видит его таким, какой он есть. Ты думаешь, что ты в этом смысле особенный?

Я признался, что какое-то свойство их мира постоянно дает мне ощущение, что я особенный. Это очень приятное и яркое ощущение собственной исключительности не было создано ни голосом эмиссара сновидения, ни чем-либо другим, о чем я мог сознательно подумать.

– Это как раз то, что сразило магов прошлого, – сказал дон Хуан. – Неорганические существа поступили с ними так же, как они сейчас поступают с тобой; они создали у магов ощущение того, что те – уникальны и исключительны; к этому следует прибавить еще более пагубное чувство: чувство обладания силой. Сила и уникальность – несокрушимые развращающие факторы. Остерегайся!

– Как тебе самому удалось избежать этой опасности, дон Хуан?

– Я посетил этот мир несколько раз, после чего я ни разу туда не возвращался.

Дон Хуан объяснил, что, по мнению магов, вселенная является хищнической, и маги, как никто другой, должны принимать это во внимание во всех своих обычных магических действиях. Его идея состояла в том, что сознанию присуще свойство непрерывного роста, и единственная возможность для этого открывается в борьбе за жизнь и противостоянии смерти.

– Осознание магов, когда они практикуют сновидение, растет, – продолжал он. – И по мере его возрастания что-то внешнее по отношению к нему признает и замечает этот рост и стремится овладеть им. Неорганические существа стремятся к этому обладанию новым повышенным осознанием. Сновидящие должны всегда быть на чеку. С того момента, как они отправляются в путешествие по этой хищнической вселенной, они становятся добычей.

– Что бы ты мне посоветовал в качестве самозащиты, дон Хуан?

– Будь бдительным каждую секунду! Не давай возможности никому и ничему принимать решения за тебя. Посещай мир неорганических существ только тогда, когда ты сам этого хочешь.

– Честно говоря, дон Хуан, я не знаю, как я могу это осуществить. Как только я обнаруживаю лазутчика, у меня появляется громадная тяга отправиться туда. У меня нет ни малейшего шанса передумать.

– Перестань! Ты думаешь, я так легко тебе поверю? Конечно же, ты можешь прекратить это. Ты просто не пытался, только и всего.

Я настойчиво утверждал, что не могу прекратить. Он не стал продолжать разговор на эту тему, и я был благодарен ему за это.

Беспокоящее чувство вины стало терзать меня. По какой-то непонятной причине мысль о том, чтобы волевым усилием остановить свою привязанность к лазутчикам, никогда не приходила мне в голову.

Как обычно, дон Хуан был прав. Я обнаружил, что могу изменять ход своего сновидения, намереваясь идти по намеченному пути. Ведь это я своим намерением позволял лазутчикам переносить себя в их мир. Вполне возможно, что если бы я сознательно сформулировал намерение сделать обратное, мое сновидение продолжалось бы в ином направлении.

С дальнейшей практикой моя способность намереваться путешествий в мир неорганических существ чрезвычайно обострилась. Возрастание способности управлять намерением положительно отразилось на контроле моего внимания сновидения. Этот дополнительный контроль прибавил мне уверенности в себе. Я чувствовал, что могу путешествовать безнаказанно, потому что мог прекратить путешествие в любой момент, когда этого захочу.

– Твоя уверенность меня очень пугает, – сказал дон Хуан, когда я по его просьбе сообщил ему о новом аспекте контроля своего внимания сновидения.

– Почему она тебя пугает? – спросил я.

Я был абсолютно уверен в практической ценности того, что открыл.

– Потому что это уверенность глупца, – сказал он. – Я собираюсь рассказать тебе одну уместную в данном случае историю о магах. Я не был свидетелем этих событий сам, но учитель моего учителя, нагуаль Элиас, видел это все своими глазами.

Дон Хуан сказал, что нагуаль Элиас и любовь всей его жизни, женщина-маг по имени Амалия в свои молодые годы однажды затерялись в мире неорганических существ.

Я никогда не слышал, чтобы дон Хуан рассказывал о том, что у мага может быть любовь на всю жизнь. Его слова удивили меня. Я спросил его, в чем здесь дело.

– В этом нет противоречия. Я просто все это время воздерживался от рассказов о любви магов, – сказал он. – Ты был так пресыщен любовью в течение всей твоей жизни, что я хотел дать тебе передышку.

– Итак, слушай. Нагуаль Элиас и любовь всей его жизни, ведьма Амалия, затерялись в мире неорганических существ, – продолжал дон Хуан. – Они были там не в сновидении, а вместе со своими физическими телами.

– Как это случилось, дон Хуан?

– Их учитель, нагуаль Розендо, был очень близок по темпераменту и практикам к магам прошлого. Он собирался помочь Элиасу и Амалии в их занятиях, но вместо этого вытолкнул их за некоторую смертельно опасную грань. Нагуаль Розендо не собирался переводить их туда. Он хотел только переместить своих двух учеников во второе внимание, но вместо этого в результате получил их исчезновение.

Дон Хуан сказал, что не собирается углубляться в детали этой длинной и запутанной истории. Он собирался только рассказать мне, как они затерялись в том мире. Он заявил, что просчет нагуаля Розендо состоял в его предположении, что неорганические существа совсем не интересуются женщинами. Его точка зрения была правильной и основывалась на знании магов о том, что вселенная по своей природе соответствует преимущественно женскому началу, и что мужское начало, проистекающее из женского, имеется в незначительном количестве и поэтому является тем, чего домогаются.

Дон Хуан отклонился от темы и объяснил, что, вероятно, неоправданное господство мужчин на нашей планете связано как-то с этой нехваткой мужского начала. Я хотел, чтобы он развил свою точку зрения дальше, но он продолжал рассказывать начатую историю. Он сказал, что нагуаль Розендо планировал дать Элиасу и

Амалии наставления только во втором внимании. Для этой цели он употребил стандартный прием магов прошлого. Он, находясь в сновидении, воспользовался лазутчиком, приказывая ему перевести своих учеников во второе внимание с помощью сдвига их точек сборки в соответствующие положения.

Теоретически, сильный лазутчик мог переместить их точки сборки в нужное положение безо всякого труда. Но нагуаль Розендо не принял в расчет хитрости неорганических существ. Лазутчик действительно изменил положение точек сборки учеников, но он поместил их точки в положение, откуда они могли быть легко перенесены в телесном облике в мир неорганических существ.

– Разве возможно перемещение в физическом теле? – спросил я.

– Возможно, – подтвердил он. – Мы представляем собой энергию, которая удерживается в специфической форме и позиции благодаря фиксации точки сборки на одном месте. Если это ее положение изменяется, то и форма, и местонахождение этой энергии изменяются соответственно. Для этого неорганическим существам нужно лишь поместить нашу точку сборки в необходимое место, и мы сразу отправляемся, как пуля, ботинок, шляпа и все что угодно.

– Это может случиться с каждым из нас, дон Хуан?

– Вполне. Особенно если все суммарное количество нашей энергии оказывается как раз подходящим. Очевидно, объединенная энергия Элиаса и Амалии была как раз тем, что неорганические существа не могли не заметить. Нельзя доверять этим существам. У них собственный ритм жизни, далекий от человеческого.

Я спросил у дона Хуана, что именно нагуаль Розендо предпринял, чтобы забросить своих учеников в тот мир. Я знал, что с моей стороны глупо об этом спрашивать, потому что дон Хуан не обратит внимания на мой вопрос. К моему искреннему удивлению, он начал отвечать мне.

– Последовательность действий ужасно проста, – сказал он. – Он поместил своих учеников в небольшое закрытое место, во что-то

вроде стенного шкафа. Затем он вошел в сновидение, вызвал лазутчика из мира неорганических существ, выражая намерение встретиться с ним, а потом выразил намерение, предлагая лазутчику своих учеников.

– Естественно, что лазутчик принял этот дар и забрал их с собой в тот момент, когда они были беззащитными, занимаясь любовью в шкафу. Когда нагуаль открыл шкаф, их там уже не было.

Дон Хуан объяснил, что дарение своих учеников неорганическим существам было как раз тем, что частенько делали маги прошлого. Нагуаль Розендо не собирался делать этого, но потерял бдительность вследствие своей необоснованной уверенности в том, что неорганические существа находятся под его контролем.

– Магические действия очень опасны, – продолжал дон Хуан. – Умоляю тебя, будь очень внимательным. Не попадай под влияние своей идиотской самоуверенности.

– А что случилось потом с нагуалем Элиасом и Амалией? – спросил я.

– Нагуалю Розендо пришлось в телесном облике отправиться в тот мир и найти их, – ответил он.

– И он их нашел?

– Да, нашел, затратив огромные усилия. Однако он так и не смог полностью вернуть их оттуда. Поэтому эти двое молодых людей всегда оставались наполовину пленниками того мира.

– Ты знал их лично, дон Хуан?

– Конечно же, я знал их, и, уверяю тебя, они были очень странными людьми.

Глава 6. Мир теней

Ты должен быть очень внимателен, поскольку совсем близок от того, чтобы стать добычей неорганических существ, — совершенно неожиданно сказал мне дон Хуан, хотя только что мы говорили о чем-то совершенно не имеющем отношения к сновидению.

Его утверждение застало меня врасплох. Как всегда, я попытался защититься:

— Тебе не нужно меня предупреждать. Я очень осторожен, — заверил я его.

— Неорганические существа что-то замышляют, — сказал он. — Я чувствую это и не могу успокоить себя тем, что они ставят ловушки только на начинающего сновидящего, и таким образом сновидящие, у которых уже нет желаний, всегда эффективно защищены.

Тон его голоса был так настойчив, что я сразу же принялся заверять его в том, что не собираюсь попадать ни в какую ловушку.

— Ты должен серьезно относиться к тому, что неорганические существа имеют в своем распоряжении изумительные средства, — продолжал он. — Их осознание великолепно. По сравнению с ними мы дети — дети с большим количеством энергии, которой они помогают.

Я хотел сказать ему, что на абстрактном уровне я понимаю его мысль и его обеспокоенность, но в настоящее время и в конкретной ситуации я не вижу причин для беспокойства, поскольку вполне контролирую свою практику сновидения.

Прежде чем дон Хуан снова заговорил, прошло несколько минут тягостного молчания. Внезапно изменив тему разговора, он сказал, что хочет обратить мое внимание на очень важный аспект его наставлений в связи со сновидением по вопросу, который до сих пор проходил мимо моего осознания.

– Ты уже понял, что врата сновидения представляют собой особые препятствия, – сказал он, – но ты не понял до сих пор одной вещи: что бы ни бралось в качестве упражнения для достижения и пересечения врат – не является тем, что на самом деле имеет к ним отношение.

– Я этого вообще не понимаю, дон Хуан.

– Я имею в виду, что неверно утверждать, например, что вторые врата достигаются и пересекаются после того, как сновидящий научился просыпаться в другом сне, или когда сновидящий научился изменять сны, не просыпаясь в обычном мире.

– Почему это неверно, дон Хуан?

– Потому что вторые врата сновидения достигаются и пересекаются, только когда сновидящий обучается обнаруживать и следовать за лазутчиками чужеродной энергии.

– Почему же тогда вообще дается идея изменения сновидений?

– Пробуждение в другом сне или изменение снов является упражнением, которое разработали древние маги, чтобы тренировать способность сновидящего выделять лазутчика и следовать за ним.

Дон Хуан утверждал, что использование лазутчика является высоким достижением и что когда сновидящий обретает способность делать это, вторые врата распахиваются, и вселенная, которая существует за ними, становится для него доступной. Он подчеркивал, что эта вселенная существует здесь всегда, но мы не можем войти в нее, поскольку нам недостает энергетической удали и что, по существу, вторые врата сновидения – это врата в мир неорганических существ, а сновидение – это ключ, открывающий эти врата.

– Может ли сновидящий выделить лазутчика напрямую, не прибегая к упражнению изменения снов? – спросил я.

– Нет, никоим образом, – ответил он. – Это упражнение необходимо. Вопрос здесь только в том, является ли такое упражнение единственным в своем роде. Или сновидящий может использовать и другие упражнения?

Дон Хуан лукаво посмотрел на меня. Судя по его виду, он словно ждал, что я сам отвечу на этот вопрос.

– Очень трудно предложить упражнение настолько же полное, как то, которое разработали древние маги, – сказал я с неопровержимой уверенностью, сам не зная, откуда она могла возникнуть.

Дон Хуан согласился с тем, что я абсолютно прав, и сказал, что древние маги разработали идеальные упражнения для того, чтобы пройти через врата сновидения в особые миры, существовавшие за каждым из таких врат. Он повторил, что сновидение является изобретением древних магов, и, как таковое, должно практиковаться по их правилам. Он описал правило для вторых врат в терминах последовательности из трех шагов. Первый – используя практику изменения снов, сновидящие открывают для себя лазутчиков; второй – следуя за ними, они попадают в другую подлинную вселенную; и третий – с помощью собственных действий сновидящие сами выясняют законы и правила, управляющие этой вселенной.

Дон Хуан сказал, что в своей работе с неорганическими существами я следовал этому правилу настолько хорошо, что он опасается разрушительных последствий. Он думал, что неизбежной реакцией со стороны неорганических существ будет попытка удержать меня в их мире.

– Не думаешь ли ты, что это слишком сильное преувеличение, дон Хуан? – спросил я.

Мне не верилось, что описанная им ситуация может стать настолько мрачной.

– Я совсем не преувеличиваю, – ответил он сухим серьезным тоном. – Ты увидишь сам. Неорганические существа никому не позволят пройти без настоящего сражения.

– Но что дает тебе основания считать, что я им нужен?

– Они уже показали тебе слишком многое. Неужели ты считаешь, что они идут на все это просто забавы ради?

Дон Хуан сам рассмеялся этому замечанию. Мне оно не показалось забавным. Необычный страх заставил меня спросить его о том, считает ли он, что я должен на время прервать или даже вовсе прекратить свою практику сновидения.

– Ты должен продолжать свое сновидение до тех пор, пока ты не пройдешь вселенную за вторыми воротами, – ответил он. – Я имею в виду, что только ты самостоятельно должен либо принять, либо отвергнуть соблазны неорганических существ. Вот почему я остаюсь в стороне и очень редко комментирую твою практику сновидения.

Я признался ему, что находился в полном недоумении и не могу понять, почему он настолько щедр в объяснении одних аспектов своего знания и настолько скуп в освещении сновидения.

– Я вынужден учить тебя сновидению, – ответил он, – только потому, что это модель, которую предложили древние маги. Путь сновидения полон ловушек, и попасть в них или их избежать – это личное и индивидуальное дело каждого сновидящего. И я могу добавить, что дело это окончательное.

– Являются ли эти ловушки результатом того, что мы поддаемся лести или обещаниям силы? – спросил я.

– Они не только в том, чтобы поддаться тому, что ты сказал, но и чему угодно из того, что предлагают неорганические существа. За определенной точкой для магов является невозможным принять что-либо из того, что они предлагают.

– И что это за определенная точка, дон Хуан?

– Эта точка зависит от каждого из нас в отдельности. Вызов для всех нас заключается в том, чтобы взять из того мира только то, что действительно необходимо, – и ничего более. Знать, что же является необходимым – это искусство магов, но взять только то, что

необходимо — это их высочайшее достижение. Непонимание этого простого правила и есть самый неизбежный путь попадания в ловушку.

— Что происходит, если попадаешь в такую ловушку, дон Хуан?

— Если попадешь, то заплатишь определенную цену, и эта цена зависит от обстоятельств и глубины твоего падения. Но в действительности нельзя говорить о подобного рода возможности, поскольку тут мы не сталкиваемся с проблемой наказания. Здесь ставятся на карту потоки энергии, создающие последствия более ужасные, чем смерть. Все, что встречается на пути мага, является вопросом жизни или смерти, но на пути сновидения это усиливается в сотни раз.

Я снова уверил дона Хуана, что всегда занимаюсь сновидением с величайшей осторожностью и что я в высшей степени дисциплинирован и сознателен.

— Я знаю, что это так, — ответил он. — Но я хочу, чтобы ты был еще более дисциплинированным и выполнял все, что связано со сновидением, чрезвычайно деликатно. Прежде всего, будь бдителен. Я не могу предвидеть, откуда произойдет нападение.

— Видишь ли ты как видящий нависшую надо мной опасность, дон Хуан?

— Я видел нависшую над тобой угрозу с того дня, когда ты гулял по таинственному городу. В тот первый раз, когда я помог тебе собрать твое энергетическое тело.

— Но знаешь ли ты конкретно, что мне нужно делать и чего мне следует избегать?

— Нет, я не знаю этого. Я только знаю, что вселенная за вторыми вратами ближайшая к нашей. А наша вселенная очень хитра и бессердечна. Поэтому они не могут сильно отличаться друг от друга.

Я продолжал расспрашивать его о том, чего мне ждать. Но он утверждал, что как маг чувствует состояние общей опасности, однако не может сказать ничего конкретного.

– Вселенная неорганических существ всегда готова к атаке, – продолжал он. – Но такова и наша вселенная. Поэтому ты должен входить в их сферу точно так, как если бы ты входил в зону военного конфликта.

– Означает ли это, дон Хуан, что сновидящие всегда должны бояться того мира?

– Нет, я не говорил этого. Как только сновидящий проходит вселенную за вторыми воротами или как только он отказывается рассматривать ее в качестве жизненного выбора, – больше не возникает никаких проблем.

Дон Хуан настаивал, что только в этом случае сновидящие вольны продолжать. Я не уверен, что понял то, о чем он говорил; он пояснил, что мир за вторыми воротами настолько мощный и агрессивный, что служит как бы естественным экраном или тестовой территорией, где сновидящие проверяются на слабость. Если они выдерживают эти тесты, они могут перейти к следующим воротам; если нет – они навсегда остаются пойманными в том мире.

Я буквально задыхался от тревоги, но, несмотря на мои уговоры, он больше ничего не добавил. Вернувшись домой, я продолжал свои путешествия в мир неорганических существ, соблюдая величайшие предосторожности. Такая осторожность, казалось, еще больше увеличила мое ощущение наслаждения этими путешествиями. Я достиг точки, когда простого созерцания мира неорганических существ было достаточно для того, чтобы создать экзальтацию, которую невозможно описать. Я боялся, что рано или поздно мой восторг закончится, но этого не происходило. Нечто неожиданное сделало его еще более интенсивным.

Однажды лазутчик очень жестко провел меня через бесчисленное количество туннелей, как если бы что-то искал или как если бы собирался истощить мою энергию и опустошить меня. К тому моменту, когда это, наконец, окончилось, я чувствовал себя так,

словно пробежал марафон. Я, казалось, был на краю этого мира. Уже больше не было туннелей. Меня окружала только пустота. Затем что-то осветило пространство прямо передо мной. Свет шел от непрямого источника. Это был приглушенный рассеянный свет, окрашивающий все вокруг в серый или коричневатый цвет. Привыкнув к этому свету, я начал смутно различать какие-то темные движущиеся формы. Через некоторое время мне показалось, что фокусирование моего внимания сновидения на этих движущихся фигурах делает их более вещественными. Я заметил, что их было три разновидности: некоторые из них были круглыми, подобными шарам; другие напоминали колокола; еще одни были похожи на гигантское волнообразное пламя свечи. Все они в своем основании были круглыми и одного размера. Я решил, что диаметр основания составлял от трех до четырех футов. Их там были сотни, даже, возможно, тысячи.

Я знал, что у меня было странное сложное видение, но эти формы для меня были настолько реальны, что меня начало подташнивать. У меня возникло тошнотворное ощущение пребывания над гнездом гигантских круглых коричневых и сероватых жуков. Я, тем не менее, ощущал себя в безопасности, так как парил над ними. Однако я отбросил все эти соображения в тот момент, когда осознал, что полным идиотизмом было бы ощущать себя в безопасности или чувствовать себя неловко, как если бы это была ситуация из реальной жизни. Но чем дольше я наблюдал то, как извиваются эти жукоподобные формы, тем сильнее меня стала беспокоить мысль, что они вот-вот коснутся меня.

— Мы — подвижные элементы нашего мира, — неожиданно произнес голос эмиссара. — Не бойся! Мы представляем собой энергию, и, будь уверен, мы не собираемся касаться тебя. Это было бы совершенно невозможно. Нас разделяют реальные границы.

После долгой паузы голос добавил:

— Мы хотим, чтобы ты присоединился к нам. Спустись к нам. И вообще, чувствуй себя удобно. Ты не чувствуешь неудобства с лазутчиками и определенно не чувствуешь его со мной. Лазутчики и

я подобны остальным. Я имею форму колокола, а лазутчики подобны пламени свечи.

Это последнее утверждение, определенно, было своего рода сигналом для моего энергетического тела. После того, как я услышал его, моя тошнота и страх исчезли. Я спустился на их уровень, и шары, колокола и языки пламени окружили меня. Они подошли ко мне настолько близко, что если бы у меня было физическое тело, то они бы коснулись меня. Вместо этого мы проходили друг через друга, как имеющие форму клубы воздуха.

В этот момент у меня возникло невероятное ощущение. Хотя я и не ощущал ничего своим или в своем энергетическом теле, я чувствовал и отмечал исключительно необычную щекотку где-то еще. Мягкие, воздухоподобные сущности, определенно, проходили сквозь меня, но не там, где я был. Это ощущение было неясным и быстротечным, и у меня не было времени полностью осознать его. Вместо того, чтобы сфокусировать на этом свое внимание сновидения, я полностью погрузился в рассматривание этих больших энергетических жуков.

На том уровне, на котором мы находились, мне казалось, что между этими теневыми сущностями и мной было одно сходство – размер. Возможно вследствие моей оценки их размера, как идентичного размеру моего энергетического тела, я чувствовал себя с ними почти уютно. После изучения их, я заключил, что совершенно ничего против них не имею. Они были безличностными, холодными, отстраненными, и это нравилось мне бесконечно. Какое-то мгновение я размышлял о том, являлось ли резкое изменение моей минутной к ним неприязни на симпатию следствием сновидения или результатом особого энергетического влияния, оказываемого на меня этими сущностями.

– Они очень приятные, – сказал я эmissару, и в тот самый момент меня охватила волна глубокого ощущения дружеского отношения или даже влечения к ним.

Не успел я признаться в этом самому себе, как темные тени разбежались прочь подобно толстым морским свинкам, оставив меня в полутьме.

– Ты направил в их сторону слишком много чувства и вспугнул их, – сказал голос эмиссара. – Чувство слишком тяжело для них, как и для меня.

Эмиссар действительно стыдливо засмеялся.

Здесь мой сон прекратился. После пробуждения моей первой реакцией было собрать свою сумку и отправиться в Мексику для встречи с доном Хуаном. Однако неожиданное течение моей личной жизни сделало эту поездку невозможной, несмотря на мои неистовые приготовления к отъезду. Кроме того, тревога, которая возникла в результате такой задержки, прервала мою практику сновидения. Я не прилагал усилий для ее прекращения; невольно я придал столько значения конкретно этому сновидению, что просто знал, что если я не смогу добраться до дона Хуана, то нет смысла продолжать эту практику.

После перерыва, который длился свыше полугода, я был более чем озадачен происходящим. Мне и в голову не приходило, что только лишь мои чувства способны остановить мою практику. Мне захотелось узнать, будет ли достаточно просто моего желания для ее возобновления. Его оказалось достаточно! Как только я сформулировал для себя мысль о возобновлении сновидения, как моя практика продолжилась, словно никогда и не прерывалась. Лазутчик подобрал меня в том же месте, где мы расстались, и доставил прямо к тому видению, где я был во время нашей последней встречи.

– Это мир теней, – сказал голос эмиссара, как только я прибыл. – Но хотя мы и тени, мы все-таки излучаем свет. Мы не только подвижны, мы еще и являемся светом в туннелях. Мы представляем собой еще одну из существующих здесь разновидностей неорганических существ. Здесь есть три их разновидности: одни подобны неподвижному туннелю, другие подобны подвижной тени.

Мы – подвижные тени. Туннели дают нам свою энергию, а мы выполняем их распоряжения.

Эмиссар прекратил говорить. Я почувствовал, что самое время спросить о третьей разновидности неорганических существ. Я также почувствовал, что если я не спрошу, эмиссар сам этого мне не скажет.

– Каков третий вид неорганических существ? – спросил я.

Эмиссар кашлянул и хихикнул. Мне показалось, что это прозвучало так, будто ему доставило немалое удовольствие то, что я в итоге задал этот вопрос.

– О, это наша самая таинственная черта – сказал он. – Третий вид открывается нашим посетителям только в том случае, если они решат остаться с нами.

– Почему? – спросил я.

– Для того, чтобы увидеть их, требуется большее количество энергии, – ответил эмиссар. – И предоставить эту энергию должны мы.

Я знал, что эмиссар говорил мне правду. Я также знал, что надо мной нависла угроза огромной опасности. Мной овладело беспредельное любопытство. Я захотел увидеть эту третью разновидность.

Эмиссар, видимо, осознавал мое настроение.

– Ты бы хотел увидеть их? – спросил он небрежно.

– Непременно, – ответил я.

– Все, что тебе нужно сделать – это громко сказать о том, что ты хочешь остаться с нами, – произнес он бесстрастно.

– Но если я скажу это, я должен буду остаться, ведь так? – спросил я.

– Естественно, – произнес эмиссар тоном предельной убежденности. – В этом мире все, что ты произнесешь вслух, навсегда.

Я не смог удержаться, чтобы не подумать, что если бы эмиссар захотел хитростью заставить меня остаться, то для этого ему нужно было бы просто солгать. И я не смог бы отличить лжи от правды.

– Я не могу тебе солгать, поскольку лжи не существует, – сказал эмиссар, вторгаясь в мои мысли. – Я могу говорить тебе только о том, что существует. В моем мире существует только намерение, за ложью не стоит намерение, поэтому она не существует.

Я хотел возразить, что за ложью существует намерение, но еще до того, как я высказал свое возражение, эмиссар сказал, что за ложью стоят намерения, но эти намерения не есть намерение.

Я не смог удержать мое внимание сновидения на возражении эмиссара. Оно направилось к тeneвым существам. Внезапно я заметил, что они похожи на стадо странных, похожих на детей, животных. Голос эмиссара предупредил меня о том, чтобы я держал свои эмоции под контролем, поскольку внезапные порывы чувств могут рассеять их, словно стаю птиц.

– Что мне нужно делать? – спросил я.

– Спустись к нам и попытайся тянуть или толкать нас, – наставлял меня голос эмиссара. – Чем быстрее ты научишься это делать, тем быстрее ты сможешь двигать вещи в твоем собственном мире, просто глядя на них.

Мой практичный ум мгновенно отреагировал на это. Я сразу очутился среди них, отчаянно пытаюсь толкать или тянуть их. В конце концов я совершенно исчерпал свою энергию. Затем у меня возникло ощущение, что я пытаюсь делать что-то подобное попытке поднять самого себя за волосы.

У меня возникло еще одно впечатление, – чем больше я напрягался, тем больше теней появлялось. Это было похоже на то,

как если бы они появлялись изо всех углов, чтобы наблюдать за мной или мной питаться. В тот момент, когда я это подумал, они мгновенно разбежались.

– Мы не питаемся тобой, – сказал эмиссар. – Мы все приходим, чтобы ощутить твою энергию. Это очень напоминает то, что ты делаешь с солнечным светом в холодный день.

Эмиссар призвал меня открыться им, не концентрируясь на своих подозрениях. Я услышал этот голос и, по мере того, как я слышал то, что он говорит, я начал понимать, что слышу, ощущаю, и думаю точно так же, как делаю это в своей повседневной жизни. Я стал медленно поворачиваться кругом. Соизмерив ясность своего восприятия, я пришел к выводу, что нахожусь в реальном мире.

Голос эмиссара продолжал звучать в моих ушах. Он говорил, что для меня единственное различие между восприятием своего мира и восприятием их мира заключалось в том, что восприятие их мира начиналось и заканчивалось в мгновение ока, а восприятие моего повседневного мира нет. Поскольку мое осознание, вместе с осознанием огромного числа существ, мне подобных, было зафиксировано на нем, и все мы вместе удерживали свой мой мир на месте с помощью своего намерения. Эмиссар добавил, что и для неорганических существ восприятие моего мира точно так же начинается и заканчивается в мгновение ока, однако восприятие своего мира для них – точно так же, как и моего – для меня – нет, потому что неизмеримое количество их удерживает этот мир на месте с помощью своего намерения.

В это момент сцена начала растворяться. Все это напоминало погружение в глубину, а пробуждение из того мира было подобно выныриванию на поверхность.

На следующей сессии эмиссар начал свой диалог со мной, повторив, что между подвижными тенями и неподвижными туннелями существует полностью скоординированные и согласованные взаимоотношения. Он закончил свое высказывание словами:

– Мы не можем существовать друг без друга.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – ответил я.

В его голосе появился оттенок презрения, когда он возразил, что я не в состоянии понять, что означает такая связь, которая является чем-то неизмеримо большим, чем зависимость. Я собрался попросить эмиссара объяснить, что он имеет в виду, но в следующее мгновение оказался внутри того, что я мог бы определить как саму ткань туннеля. Я увидел гротескно соединенные, напоминающие железы выпуклости, которые излучали тусклый свет. У меня возникла мысль, что это те же самые выпуклости, которые напомнили мне алфавит Брайля для слепых. Считая их пузырями энергии трех-четырех футов в диаметре, я начал размышлять о действительном размере этих туннелей.

– Размеры здесь не похожи на размеры в твоём мире, – сказал эмиссар. – Энергия этого мира представляет собой другой тип энергии; ее особенности не совпадают с особенностями энергии твоего мира, хотя этот мир столь же реален.

Эмиссар принялся объяснять мне, что он уже рассказывал мне все это о теневых сущностях, когда описывал и объяснял выпуклости на стенах туннеля. Я ответил ему, что я слышал эти объяснения, но не обратил на них внимания, поскольку считал, что они непосредственно не относятся к сновидениям.

– Все здесь, в этом мире, непосредственно относится к сновидениям, – сказал эмиссар.

Я захотел подумать о причине моего непонимания, но мой ум внезапно опустел. Мое внимание сновидения померкло. Мне стало трудно фокусировать его на мире вокруг себя. Я сконцентрировался на пробуждении. Но эмиссар снова стал говорить, и звук его голоса поддержал меня. Мое внимание сновидения значительно оживилось.

– Сновидение – это средство передвижения, которое доставляет сновидящих в этот мир, – сказал эмиссар, – и всему тому, что маги знают о сновидениях, научили их мы. Наш мир связан с вашим дверью, которая называется сновидением. Мы знаем, как проходить через эту дверь, но люди не знают. Они должны учиться этому.

Голос эмиссара начал объяснять мне то, о чем уже говорил раньше.

– Выпуклости стенок туннелей представляют собой теневые существа, – сказал он. – И я – один из них. Мы движемся внутри туннелей по их стенкам, заряжая себя энергией этих туннелей, которая и является нашей энергией.

Мне пришла на ум мысль о том, что я действительно не способен представить себе отношений подобного симбиоза, свидетелем которых являюсь.

– Если бы ты остался с нами, то непременно бы научился ощущать то, что означает быть так взаимосвязанными, как взаимосвязаны мы, – сказал эмиссар.

Казалось, эмиссар ждет моего ответа. У меня возникло ощущение, что он действительно ждал, чтобы я сказал о своем решении остаться.

– Сколько теневых существ в каждом туннеле? – спросил я, пытаясь сменить тему, и сразу же пожалел об этом, потому что эмиссар начал подробно описывать мне количество и функции теневых существ в каждом туннеле. Он сказал, что в каждом туннеле имеется определенное число взаимозависимых сущностей, относящихся только к нему, каждая из которых выполняет конкретные функции, относящиеся к потребностям и ожиданиям поддерживающих их туннелей.

Мне не хотелось, чтобы эмиссар вдавался в подробности. Я осознал, что чем меньше я знаю о туннелях и теневых существах, тем лучше для меня. В тот миг, когда я сформулировал эту мысль, эмиссар остановился, и мое энергетическое тело резко дернулось, как будто потянули за кабель. В следующий момент я полностью проснулся в своей кровати.

С тех пор у меня больше не было страхов, которые могли бы прерывать мою практику сновидения. Мною стала овладевать другая идея – идея о том, что я обнаружил источник неповторимого удовольствия. Каждый день я едва дожидался того момента, когда

начинал сновидение и лазутчик доставлял меня в мир теней. Дополнительная прелесть была еще и в том, что мои видения мира теней стали еще более похожими на жизнь, чем это было раньше. Если судить с точки зрения субъективных стандартов упорядоченного мышления, упорядоченных зрительных и слуховых ощущений, упорядоченного реагирования с моей стороны, то пока продолжались мои опыты, они были настолько же реальны, как и любая ситуация в моем повседневном мире.

Никогда еще у меня не было таких опытов восприятия, в которых единственным отличием между моими видениями и моим повседневным миром была скорость, с которой заканчивались мои видения. В одно мгновения я находился в странном, но реальном мире; в следующее мгновение – в своей постели.

Страстно желая, чтобы дон Хуан дал мне свои комментарии и пояснения, я по-прежнему был прикован к Лос-Анджелесу. Чем больше я думал о своей ситуации, тем большей была моя тревога; я даже начал ощущать, что в мире неорганических существ с колоссальной скоростью что-то назревает.

По мере того, как росла моя тревога, мое тело оказывалось в состоянии глубочайшего страха, хотя ум мой экстатически созерцал мир теней. И что совсем плохо, голос эмиссара сновидения стал присутствовать в моем повседневном сознании. Однажды, во время моих университетских занятий, я услышал, как голос сказал, что любая попытка с моей стороны прекратить мои практики сновидения нанесла бы вред моим глобальным целям. Он утверждал, что воины не уклоняются от вызова, что у меня нет разумного основания прекращать свою практику. Я согласился с эмиссаром. У меня самого не было намерения ничего прекращать, и голос только подтверждал это мое ощущение.

В это время изменился не только эмиссар, но и новый лазутчик появился на сцене. Однажды, не успел я начать изучать особенности объектов моего сновидения, передо мной буквально выскочил лазутчик и агрессивно завладел моим вниманием сновидения. Примечательной особенностью этого лазутчика было то, что ему не пришлось проходить через энергетические метаморфозы; с самого

начала он выглядел как пузырь энергии. В мгновение ока лазутчик перенес меня, не дожидаясь выражения моего намерения сделать это, в совершенно другую часть мира неорганических существ – в мир саблезубых тигров.

В моих ранних работах я уже описывал проблески этих видений. Я сказал «проблески», поскольку у меня не было достаточно энергии, чтобы передать воспринятые мной миры способом, понятным для моего линейного разума.

Мои ночные видения саблезубых тигров продолжались регулярно в течение длительного времени, до тех пор, пока тот агрессивный лазутчик, который впервые перенес меня в эту область, не дожидаясь моего согласия, перенес меня в туннели.

Я услышал голос эмиссара. Он сразу обрушил на меня самую длинную и мучительную тираду из всех, что я слышал до сих пор. Он говорил мне о необыкновенных преимуществах мира неорганических существ. Он говорил о получении знания, которое перевернет мой ум, и о том, что это достигается таким простым действием – согласием остаться в этих удивительных туннелях. Он говорил о неопишуемой подвижности, о бесконечном времени для познания сути вещей и более всего о возможности быть объектом внимания космических слуг, которые будут исполнять мой малейший каприз.

– Сознательные существа из самых невероятно удаленных концов вселенной выражают желание остаться с нами. Им нравится быть у нас, – сказал эмиссар, завершая свою беседу. – Фактически, до сих пор никто не пожелал уйти.

В этот момент у меня возникла мысль: служение мне полностью чуждо моему характеру. Я никогда не чувствовал себя легко ни со слугами, ни тогда, когда мне прислуживали.

Лазутчик подхватил меня и понес по множеству туннелей. Мы остановились в туннеле, который каким-то образом казался больше остальных. Мое внимание сновидения было приковано к размеру и конфигурации туннеля и оставалось бы приклеенным там, если бы что-то не заставило меня оглянуться. Мое внимание сновидения

сфокусировалось на пузыре энергии, несколько большем, чем теневые существа. Он был голубым, словно синева в центре пламени свечи. Я знал, что эта конфигурация энергии не была теневым существом и что она не принадлежала этому миру.

Я погрузился в ощущение ее. Лазутчик дал мне знак уходить, но что-то сделало меня невосприимчивым к его сигналам. Я, ощущая некоторую тревогу, все же остался там, где был. Однако знаки лазутчика нарушили мою концентрацию, и я потерял из виду эту голубую форму.

Неожиданно колоссальная сила заставила меня вращаться вокруг своей оси и перенесла меня прямо к голубой форме. По мере того, как я смотрел на нее, она обретала очертания человека – очень маленького, тонкого, хрупкого, почти прозрачного. Я отчаянно пытался определить, мужчина это или женщина, но как ни старался, мне это не удалось.

Мои попытки спросить об этом эмиссара также не имели успеха. Он улетел внезапно, оставив меня подвешенным в этом туннеле лицом к лицу с незнакомым человеком. Я попытался поговорить с этим человеком, так, как я разговаривал с эмиссаром, но не получил ответа. Я ощутил волну разочарования оттого, что не мог разрушить разделяющий нас барьер. Затем меня охватил страх остаться наедине с кем-то, кто мог оказаться врагом.

В присутствии незнакомца у меня возникло множество реакций. Я даже ощутил восторг от сознания того, что лазутчик показал мне, наконец, еще одно человеческое существо, которое было поймано в этом мире. Но я также был в отчаянии от того, что мы не можем общаться, поскольку, видимо, этот незнакомец был одним из магов древности и принадлежал к другой эпохе.

Чем больше становился мой восторг и любопытство, тем тяжелее я становился, вплоть до того момента, когда я стал таким тяжелым, что очутился вновь в своем теле в парке возле калифорнийского университета. Я стоял на траве прямо среди людей, играющих в гольф.

Одновременно с той же самой скоростью передо мной так же начал материализоваться человек. Какое-то мгновение мы смотрели друг другу в глаза. Это была девочка, возможно, шести или семи лет. Я подумал, что знаю ее. При виде ее мой восторг и любопытство настолько возросли, что повернули процесс вспять. Я потерял вес настолько быстро, что в следующий миг превратился в пузырь энергии в мире неорганических существ. Лазутчик вернулся ко мне и поспешно потянул меня прочь.

Я проснулся, содрогнувшись от страха. В процессе всплытия на поверхность повседневного мира что-то пыталось передать мне сообщение. Мой ум неистово пытался собрать воедино то, что я знал, или казалось, что знал. Я провел более сорока восьми часов в попытках ухватить скрытое ощущение или скрытое знание, которое приклеилось ко мне. Единственным, чего я достиг, было ощущение силы, которая – как мне казалось – была вне моего тела или разума, говорившей мне о том, чтобы я больше не доверял своему сновидению.

Спустя несколько дней, смутная и таинственная уверенность начала овладевать мною. Эта уверенность постепенно возрастала до тех пор, пока не осталось никаких сомнений в ее подлинности: я был уверен в том, что голубая капля энергии была пленником в мире неорганических существ.

Более чем когда-либо я стал нуждаться в совете дон Хуана. Я знал, что это сведет на нет годы моей работы, но ничего не мог с этим поделать; я бросил все свои дела и поехал в Мексику.

– Чего ты на самом деле хочешь? – спросил меня дон Хуан, чтобы остановить мой истерический лепет.

Я не мог объяснить ему, чего я хотел, поскольку сам не знал этого.

– У тебя, должно быть, очень серьезные проблемы, если ты так примчался, – сказал дон Хуан задумчиво.

– Да, это так, несмотря на то, что я даже не могу сформулировать, в чем же действительно моя проблема, – сказал я.

Он попросил меня описать мою практику сновидения со всеми относящимися к ней деталями. Я рассказал ему о своем видении маленькой девочки и о том, как это отразилось на моем эмоциональном состоянии. Он неожиданно посоветовал мне проигнорировать это событие и рассматривать его как прямую попытку со стороны неорганических существ потворствовать моим фантазиям. Он заметил, что, если сновидение чрезмерно акцентировано, оно становится тем, чем было для древних магов – источником неисчерпаемого индугльгирования.

По некоторой необъяснимой причине я не хотел рассказывать дону Хуану о мире теневых существ. Но когда он отверг мое видение маленькой девочки, я был вынужден описать ему мои визиты в этот мир. Долгое время он молчал, словно был ошеломлен.

Когда он, наконец, заговорил, то сказал:

– Ты более одинок, чем я думал, поскольку я вообще не могу обсуждать твою практику сновидения. Ты находишься в ситуации древних магов. Все, что я могу сделать, – это снова повторить тебе, что ты должен быть настолько осторожен, насколько можешь.

– Почему ты говоришь, что я нахожусь в ситуации древних магов?

– Я повторяю тебе снова, что твое настроение опасно напоминает настроение древних магов. Они были очень способными существами; их ошибкой было то, что они чувствовали себя в мире неорганических существ, как рыба в воде. Ты с ними в одной лодке. Ты знаешь об этом мире такое, что никто из нас не может даже вообразить. Лично я никогда не был в мире теней, как и нагуаль Хулиан или нагуаль Элиас, несмотря на то, что последний долго пробыл в мире неорганических существ.

– Что меняется, когда ты узнаешь о мире теней?

– Очень многое. Сновидящего берут туда только в том случае, если неорганические существа уверены в том, что он собирается остаться в их мире. Мы знаем об этом из рассказов древних магов.

– Я уверяю тебя, дон Хуан, что у меня не было никакого намерения остаться там. Ты говоришь так, словно я был почти готов попасть в ловушку обещаний силы или обещаний прислуживания. Меня не интересует ни то, ни другое.

– На этом уровне это уже не так просто. Ты пересек ту грань, до которой можно было просто взять и вернуться. Кроме того, ты имел несчастье быть избранным неорганическим существом воды. Помнишь, как ты с ними кувыркался и что ты чувствовал? Я говорил тебе, что неорганические существа воды наиболее докучающие. Они иждивенцы и собственники и, если уж забросили свои крючки, то никогда не сдаются.

– Но что это означает в моем случае, дон Хуан?

– Это означает действительно серьезную проблему. Конкретное неорганическое существо, которое направляет все это шоу, – это то, которое ты схватил в тот фатальный день. С годами оно постепенно познакомилось с тобой. Оно знает тебя очень близко.

Я искренне признался дону Хуану, что сама идея о том, что некое неорганическое существо знает меня очень близко, вызывает у меня боль в желудке.

– Когда сновидящие осознают, что в неорганических существах нет ничего привлекательного, – сказал он, – обычно бывает уже слишком поздно, поскольку к тому времени эти неорганические существа уже положили их себе в мешок.

В глубине души я почувствовал, что он говорит обо всем этом абстрактно, как об опасностях, которые могут существовать в теории, но не на практике. Я был тайно уверен в том, что никакой опасности просто не существует.

– Я не позволю неорганическим существам заманить меня каким бы то ни было образом, если это то, о чем ты думаешь, – сказал я.

– Я думаю, что они собираются провести тебя, – ответил он. – Подобно тому, как они провели нагуаля Розендо. Они собираются

схватить тебя – и ты не то, что не заметишь ловушки, ты даже не заподозришь ее. Они искусны в подобных манипуляциях. Вот теперь они даже изобрели маленькую девочку.

– Но я думаю, что маленькая девочка, несомненно, существует, – настаивал я.

– Нет никакой маленькой девочки, – оборвал он меня. – Эта голубой пузырь энергии – лазутчик. Это исследователь, схваченный в мире неорганических существ. Я уже говорил тебе, что неорганические существа подобны рыбаку, они привлекают и захватывают осознание.

Дон Хуан сказал, что он не сомневается в том, что эта голубая капля энергии из измерения, совершенно отличного от нашего, и представляет собой лазутчика, который попал в затруднительное положение и был схвачен, подобно мухе в паутине.

Мне не понравилась эта аналогия. Она беспокоила меня, вызвав физический дискомфорт. Я упомянул об этом дону Хуану, но он сказал мне, что моя забота об этом плененном лазутчике почти доводит его до отчаяния.

– Почему это тревожит тебя? – спросил я.

– В том дьявольском мире что-то назревает, – сказал он. – И я не могу определить, что именно.

Пока я оставался в окружении дона Хуана и его компаньонов, я вообще не мог сновидеть в мире неорганических существ. Моей обычной практикой здесь было фокусировать свое внимание сновидения на предметах моего сна и менять сновидения. Чтобы отвлечь меня от моих забот, дон Хуан предложил мне пристально созерцать облака и удаленные горные вершины. В результате возникло непосредственное ощущение того, что я нахожусь на одном уровне с облаками и что я действительно попал на эти отдаленные вершины.

– Я очень рад, но вместе с тем мне очень тревожно, – сказал дон Хуан, комментируя мои усилия. Тебя научили чудесам, а ты даже не знаешь этого. И я не имею в виду, что этому научил тебя я.

– Ты говоришь о неорганических существах, да?

– Да, о неорганических существах. Я советую тебе не заниматься пристальным созерцанием чего-либо; пристальное всматривание является техникой древних магов. Они были способны добираться до своих энергетических тел в мгновение ока, просто созерцая объект своего пристрастия. Эта очень впечатляющая техника совершенно бесполезна для современных магов. Она никак не способствует увеличению нашей трезвости или нашей способности искать свободу. Все, что она делает – это только возвращает и приковывает нас к конкретности, самому нежелательному состоянию.

Дон Хуан добавил, что если я не буду держать себя под контролем, то к тому времени, когда я солью свое второе внимание с вниманием своей повседневной жизни, я стану невыносимым человеком. Он сказал, что существует опасная трещина между моей подвижностью во втором внимании и моей настойчивостью в неподвижности в моем осознании повседневного мира. Он заметил, что трещина между ними была настолько велика, что в моем повседневном состоянии я был почти идиотом, а во втором внимании – лунатиком.

Перед тем, как отправиться домой, я самовольно решил обсудить мои сновидения мира теней с Кэрол Тиггс, хотя дон Хуан советовал мне не обсуждать этого ни с кем. Будучи моим абсолютным двойником¹⁵. Дон Хуан явно был раздосадован тем, что я рассказал ей о своих проблемах. Я чувствовал себя хуже, чем когда-либо. Мной овладела жалость к себе, и я начал сетовать, что вечно поступаю не так, как надо.

– Ты еще ничего не сделал, – оборвал меня дон Хуан, – насколько я знаю.

¹⁵ Counterpart – копия, дубликат, двойник; что-то (человек или вещь), дополняющее другое, хорошо сочетающееся с другим.

Как он был прав! В моем следующем сновидении, которое произошло дома, разверзлась преисподняя. Я достиг мира теней, как делал огромное количество раз; единственным отличием было присутствие голубой формы энергии. Она находилась среди других теневых существ. Я почувствовал, что, возможно, этот пузырь энергии был здесь и раньше, но я не замечал его. Как только я отметил это, мое внимание сновидения неотрывно приклеилось к этому пузырю энергии. В считанные секунды я очутился рядом с ним. Как обычно, другие тени также подошли ко мне, но я не обратил на них никакого внимания.

Внезапно эта голубая круглая форма превратилась в маленькую девочку, которую я уже видел. Она вытянула свою тонкую нежную длинную шею в мою сторону и сказала едва слышным шепотом: «Помоги мне!». Либо она действительно это сказала, либо я вообразил то, что она это сказала, но в результате этого я застыл, наэлектризованный искренним участием. Я почувствовал озноб. Но это ощущение было не в моей энергетической массе. Я почувствовал озноб в другой части меня. Впервые я полностью осознал, что переживаемое мной полностью отделено от ощущений, идущих от моих органов чувств. У меня был опыт, связанный с миром теней, я испытывал все то, что обычно рассматривал в качестве опыта: я мог думать, оценивать, принимать решения, я обладал психологической непрерывностью; иными словами, я был самим собой. Отсутствовала только одна моя часть — ощущающая. У меня не было ощущений тела. Все впечатления поступали через зрение и слух. Мой разум затем столкнулся со странной проблемой: зрение и слух были не физическими способностями, а качествами имевшихся у меня видений.

— Ты на самом деле видишь и слышишь, — произнес, вторгаясь в мои мысли, голос эмиссара. — В этом и состоит прелесть этого места. Ты можешь ощущать все это с помощью зрения и слуха, не используя дыхание. Подумай об этом! Тебе не нужно дышать! Ты можешь отправиться в любое место вселенной и не дышать.

Сквозь меня пробежала волнующая рябь эмоций, и снова это ощущение не принадлежало миру теней. Оно ощущалось где-то в другом месте. Меня очень взволновало очевидное, хотя и смутное,

понимание того, что между мной, тем, кто переживает, и источником энергии, источником чувственных ощущений, расположенным где-то в другом месте, есть живая связь. Мне пришло в голову, что это другое место – мое физическое тело, которое спит на кровати.

Как только возникла эта мысль, теневые существа разбежались, и в моем поле зрения осталась только маленькая девочка. Я смотрел на нее и очень скоро убедился в том, что я знаю ее. Создавалось впечатление, что она шатается, словно близка к обмороку. Меня охватила бесконечная волна привязанности.

Я попытался заговорить с ней, но не смог произнести ни звука. Мне стало ясно, что все мои диалоги с эмиссаром вызывались и осуществлялись за счет энергии эмиссара. Оставшись в одиночестве, я оказался беспомощным. Затем я попытался направить свои мысли на девочку. Это было бесполезно. Нас разделяла энергетическая преграда, и пробить ее я не мог.

Эта маленькая девочка, по-видимому, поняла мое отчаяние и сама стала общаться со мной, пользуясь непосредственно мыслями. В сущности, она рассказала мне то же самое, что уже говорил дон Хуан: она была лазутчиком, которого поймали в паутину этого мира. Затем она добавила, что приняла форму маленькой девочки, поскольку эта форма была знакома и мне, и ей, и что она так же нуждалась в моей помощи, как и я – в ее. Она передала мне все это в одной энергетической группе чувств, которая достигла меня подобно словам. У меня не возникло трудностей с пониманием, хотя такое случилось со мной впервые.

Я не знал, что мне делать. Я попытался передать ощущение моего бессилия. Видимо, она мгновенно меня поняла. Она молча умоляла меня своим горящим взглядом. Она даже улыбнулась, словно давала мне понять, что именно мне она оставила возможность освободить ее от сковывавших ее пут. Когда я мысленно возразил, что у меня нет никакой возможности для этого, она произвела на меня впечатление истеричного ребенка в муках отчаяния.

Я неистово пытался поговорить с ней. Маленькая девочка действительно плакала, как может плакать только ребенок в ее возрасте, испытывая отчаяние и страх. Я не мог вынести этого. Я бросился на нее, но безрезультатно. Моя масса энергии проходила через нее. У меня возникла идея поднять ее и забрать с собой.

Я предпринял множество попыток сделать это, пока совсем не выбился из сил. Я остановился, чтобы обдумать свои дальнейшие действия. Я испугался, что мое внимание сновидений уменьшится, и тогда я потеряю ее из виду. Я сомневался, что неорганические существа снова доставят меня в эту особую часть их мира. Мне показалось, что это мой последний визит к ним – визит, который подводит итог.

И тут я сделал нечто немыслимое. Перед тем, как мое внимание сновидения исчерпалось, я громко закричал о своем намерении слить свою энергию с энергией этого пленного лазутчика и освободить его.

Глава 7. Голубой лазутчик

Мне приснился совершенно бессмысленный сон. Рядом со мной была Кэрол Тиггс. Она говорила со мной, хотя я не понимал о чем. Во сне также присутствовали дон Хуан и все члены его группы магов. Казалось, что они пытаются вытащить меня из туманного желтоватого мира.

После длительных попыток, во время которых я неоднократно терял их из виду и находил вновь, им удалось извлечь меня из этого места. Поскольку я не мог понять смысла всех этих стараний, то в конце концов пришел к выводу, что это не сновидение, а обычный бессвязный сон.

Я был потрясен, когда проснулся и обнаружил себя в постели в доме дона Хуана. Я не мог даже пошевелиться. У меня совсем не было энергии. Я не знал, что и думать, хотя сразу же ощутил серьезность своего положения. У меня возникло смутное ощущение, что я потерял всю мою энергию вследствие усталости, вызванной сновидением.

Соратники дона Хуана, казалось, были очень взволнованы тем, что произошло со мной. Они продолжали по очереди входить в мою комнату. Каждый в полном молчании оставался со мной до того момента, пока не появлялся кто-то другой. У меня создалось впечатление, что они заходят по очереди, чтобы непрерывно присматривать за мной. Я был слишком слаб для того, чтобы просить их объяснить свое поведение.

В последующие дни я стал чувствовать себя лучше, и они наконец начали говорить со мной о моем сновидении. Сначала я не понимал, что же им от меня нужно. Но потом, по их вопросам, я вдруг понял, что они были чрезвычайно обеспокоены моей ситуацией с теневыми существами. Каждый из них выглядел испуганным и говорил со мной почти об одном и том же. Они настаивали на том, что никогда не бывали в мире теней. Некоторые из них даже утверждали, что не знали о его существовании. Их

утверждения и действия увеличили мое ощущение замешательства и страха.

Каждый из них задавал одни и те же вопросы: «Кто тебя доставил в тот мир?» Или «Откуда у тебя вообще могла появиться мысль о том, что можно попасть туда?». Когда я сказал им, что туда меня доставил лазутчик, они не могли в это поверить. Очевидно, они полагали, что я был там, но по причине отсутствия собственного опыта они не могли понять того, что я им говорил. Тем не менее, они хотели знать все, что я мог рассказать им о теневых существах и их мире. Все они, исключая дону Хуана, сидели возле моей постели, жадно хватая каждое сказанное мной слово. Но всякий раз, когда я спрашивал их о моем положении, они, точно так же, как и теневые существа, убегали прочь.

Еще одна беспокоящая реакция, которой никогда не было прежде, — была в том, что они тщательно избегали любого физического контакта со мной. Они держались на расстоянии, будто я был болен чумой. Их реакция настолько меня беспокоила, что я был вынужден спросить их об этом. Они стали отрицать это. Они, кажется, обиделись и принялись настойчиво доказывать мне, что я не прав. Я от души смеялся над возникшей напряженной ситуацией. Всякий раз, когда они пытались обнять меня, их тела как бы цепенели.

Флоринда Грау, одна из ближайших к дону Хуану сторонниц, была единственной из членов его группы, которая уделяла мне много физического внимания и пыталась объяснить то, что со мной происходит. Она рассказала мне, что я лишился энергии в мире неорганических существ и был заряжен снова, и что мой новый энергетический заряд слегка беспокоит большинство из них.

Каждый вечер Флоринда укладывала меня в постель, как если бы я был инвалидом. Она даже разговаривала со мной, как с маленьким ребенком, отчего все остальные покатывались со смеху. Но, несмотря на то, что она потешалась надо мной, я оценил ее заботу, которая казалась мне искренней.

Я уже писал о Флоринде раньше, описывая свою с ней встречу. Она была самой прекрасной женщиной, которую я до сих пор встречал. Как-то я сказал ей, что она могла бы быть прекрасной фотомodelью для журнала мод.

– Журнала 1910 года, – возразила она.

Флоринда, хотя и была немолода, совершенно не выглядела старой. Она была молодой и энергичной. Когда я спросил дона Хуана о ее необычайной молодости, он ответил, что магия поддерживает ее в высоком жизненном тоне. Энергия магов, заметил он, воспринимается глазом, как молодость и энергия.

Удовлетворив свое первое любопытство о мире теней, компаньоны дона Хуана прекратили постоянно заходить в мою комнату и поддерживали общение со мной на уровне шаблонных вопросов о моем здоровье. Всякий раз, когда я пытался встать, тот, кто находился рядом со мной, нежно укладывал меня обратно в постель. Я не хотел их помощи, но, видимо, я нуждался в ней; я все еще был слаб. Я смирился с этим. Но действительно тяжелым для меня было то, что никто из них не мог объяснить мне, что я делаю в Мексике, если я лег в постель в Лос-Анджелесе. Я неоднократно спрашивал их об этом. Каждый из них отвечал мне одно и то же:

– Спроси нагуаля. Только он может тебе это объяснить.

Наконец Флоринда нарушила молчание.

– Тебя заманили в ловушку. Именно это с тобой и произошло, – сказала она.

– Где именно я угодил в ловушку?

– Конечно, в мире неорганических существ. Именно с этим миром ты годами имел дело. Разве не так?

– Конечно, Флоринда. Но ты можешь рассказать мне, какого рода была эта ловушка?

– Нет, не могу. Все, что я могу сказать тебе, так это то, что ты потерял там всю свою энергию. Но ты отлично сражался.

– А почему я болен, Флоринда?

– У тебя нет какой-то определенной болезни; ты энергетически поражен. Положение было критическим, но сейчас оно лишь серьезно.

– Как это все произошло?

– Ты вступил в смертельную схватку с неорганическими существами и проиграл.

– Но я не могу вспомнить никакой борьбы, Флоринда.

– Помнишь ты или нет, не имеет значения. Ты боролся и тебя победили. У тебя не было никакого шанса победить этих искусных манипуляторов.

– Я сражался с неорганическими существами?

– Да. Ты вступил с ними в смертельную схватку. Я на самом деле не знаю, как ты пережил этот их смертельный удар.

Она отказалась рассказывать мне что-либо еще и намекнула, что скоро меня навестит нагуаль.

На следующий день появился дон Хуан. Манера его поведения была веселой и обнадеживающей. Он, шутя, сообщил мне, что я должен буду заплатить ему за визит, потому что он явился ко мне как энергетический врач. Он изучил меня, пристально созерцая с головы до ног.

– Ты уже почти здоров, – заключил он.

– Что со мной произошло? – спросил я.

– Ты попал в поставленную на тебя неорганическими существами ловушку, – ответил он.

– Как я оказался здесь?

– В этом есть большая тайна, уверяю тебя, – ответил он, весело улыбаясь, очевидно, пытаясь легко отнестись к серьезному делу. – Неорганические существа захватили тебя полностью. Сначала они забрали в свой мир твоё энергетическое тело, когда ты следовал за одним из лазутчиков, а затем – и твоё физическое тело.

Друзья дона Хуана, видимо, были шокированы этим. Один из них спросил его, могут ли неорганические существа похитить любого. Дон Хуан ответил, что, конечно, могут. Он напомнил, что нагуаля Элиаса тоже забирали в ту вселенную, хотя он, определенно, не хотел туда идти.

Все присутствующие согласно кивнули. Дон Хуан продолжал говорить с ними, упоминая обо мне в третьем лице. Он сказал, что объединенное сознание группы неорганических существ сначала поглотило моё энергетическое тело, вызвав с моей стороны эмоциональный взрыв: необходимость освободить голубого лазутчика. Затем объединенное сознание той же группы неорганических существ втянуло мою инертную физическую массу в свой мир. Дон Хуан добавил, что без энергетического тела человек представляет собой всего лишь кусок органической материи, которой может легко управлять другое сознание.

– Неорганические существа склеены вместе, подобно клеткам тела, – продолжал дон Хуан. – Когда они сливают своё сознание воедино, они непобедимы. Им ничего не стоит выдернуть нас из нашей повседневности и забросить в свой мир. Особенно, если мы делаем себя доступными и заметными, как это сделал он.

Было слышно только громкое дыхание присутствующих. Все соратники дона Хуана были по-настоящему напуганы и обеспокоены.

Я хотел было начать жаловаться и обвинять дона Хуана в том, что он не остановил меня, но тут же вспомнил, как он неоднократно пытался предостеречь меня, не допустить всего этого, но все было напрасно. Дон Хуан, определенно знал о том, что происходило в моем уме. Его улыбка свидетельствовала об этом.

– Причина, по которой ты болен, – наконец обращаясь ко мне, сказал он, – заключается в том, что неорганические существа забрали всю твою энергию и дали тебе свою. Этого было бы достаточно, чтобы убить любого. Но, как у нагуаля, у тебя есть дополнительная энергия; поэтому ты с трудом, но все же выжил.

Я сказал дону Хуану, что помню куски и обрывки совершенно бессвязного сна, в котором я находился в мире желтого тумана. Он, Кэрл Тиггс и его друзья вытаскивали меня из него.

– Мир неорганических существ физическому глазу кажется миром желтого тумана, – сказал он. – Когда ты подумал, что у тебя был бессвязный сон, в это время ты действительно впервые смотрел своими физическими глазами на мир неорганических существ. И, насколько бы странным это тебе ни показалось, для нас это тоже было впервые. Мы знали о мире тумана только из рассказов магов, а не из собственного опыта.

Ничто из того, о чем он говорил мне, не имело для меня смысла. Дон Хуан уверил меня, что из-за недостатка моей энергии более полное объяснение для меня было невозможным. Я должен удовлетвориться тем, что он рассказал мне, и тем, насколько я понял это сейчас.

– Я вообще ничего не понял, – настаивал я.

– Тогда ты вообще ничего не потерял, – ответил он. – Когда ты окрепнешь, то сам ответишь на все свои вопросы.

Я признался дону Хуану, что у меня бывают приступы жара. Неожиданно моя температура возрастает, и когда я ощущаю жар и пот, у меня возникают необычные, но беспокоящие проблески понимания собственного положения.

Дон Хуан внимательно осмотрел все мое тело своим пронизывающим взглядом. Он сказал, что я нахожусь в состоянии энергетического шока. Меня временно поразила потеря энергии, и то, что кажется мне приступами жара, по существу, представляет собой всплески энергии, во время которых я на мгновение

восстанавливаю контроль над своим энергетическим телом и понимаю, что произошло со мной на самом деле.

– Напрягись и Расскажи мне сам, что произошло с тобой в мире неорганических существ, – приказал он мне.

Я рассказал ему, что время от времени у меня появлялось ясное ощущение того, что он и его друзья входили в тот мир со своими физическими телами и вырывали меня из объятий неорганических существ.

– Верно, – воскликнул он. – Ты все делаешь отлично. Сейчас преврати это ощущение в видение того, что происходило.

Как я ни пытался, мне этого сделать не удалось. Эта неудача заставила меня ощутить необычную усталость, которая, как казалось, высушивала внутренности моего тела. Прежде чем дон Хуан вышел из комнаты, я сказал ему о том, что меня одолевает беспокойство.

– Это ничего не значит, – ответил он безучастно. – Восстанови свою энергию и не беспокойся о пустяках.

Прошло больше двух недель, прежде чем мне удалось постепенно восстановить свою энергию. Но я продолжал обо всем беспокоиться. В основном я беспокоился оттого, что не узнавал самого себя, особенно в периоды холодности во мне, которую я раньше не замечал, – определенной индифферентности, отчужденности, которую я считал результатом недостатка энергии, до тех пор, пока я не восстановил ее. Затем я осознал, что это стало новой чертой моего существа, чертой, которая постоянно поддерживала меня в состоянии отсутствия синхронизации. Для вызова тех чувств, к которым я привык, я должен было призывать их и действительно ждать момента их появления в моем уме.

Еще одной новой особенностью моего существа стало охватывающее меня время от времени странное влечение. Меня влекло к кому-то, кого я не знал; это было настолько поглощающее и подавляющее ощущение, что когда оно возникало, я, чтобы как-то облегчить его, был вынужден непрерывно ходить по комнате. Это

влечение продолжалось до тех пор, пока я не начал пользоваться новым качеством в моей жизни: жестким контролем над собой, настолько новым и мощным, что это только добавляло масла в огонь моего беспокойства.

К концу четвертой недели все почувствовали, что я совсем поправился. Внезапно они полностью прекратили свои посещения. Большую часть времени я проводил во сне, в одиночестве. Тот отдых и расслабление, которые я получил, были настолько полными, что моя энергия значительно увеличилась. Я чувствовал себя, как раньше, и даже стал заниматься физическими упражнениями.

Однажды, около полудня, после легкого завтрака, я вернулся в свою комнату подремать. Перед тем, как я погрузился в глубокий сон, я долго ворочался в кровати, пытаюсь найти удобное положение. Вдруг странное давление в висках заставило меня открыть глаза. В ногах моей кровати стояла та самая маленькая девочка из мира неорганических существ. Она смотрела на меня своими холодными, как сталь, голубыми глазами.

Я подскочил на кровати и вскрикнул так громко, что до того, как я прекратил кричать, в комнату вбежали трое соратников дона Хуана. Они были ошеломлены. Они с ужасом наблюдали, как маленькая девочка подошла ко мне и остановилась у границ моего светящегося физического существа. Казалось, что мы смотрели друг на друга целую вечность. Она что-то сказала мне, но я сразу не понял ничего, а в следующий момент мне все стало совершенно ясно. Она сказала, что для того, чтобы я мог понять, о чем она говорит, мне следует перенести свое сознание из моего физического тела в мое тело энергии.

В этот миг в комнату вошел дон Хуан. Маленькая девочка и дон Хуан посмотрели друг на друга. Не проронив ни слова, дон Хуан вышел из комнаты. Маленькая девочка с шелестом выскользнула следом за ним.

Суматоху, которую вызвала эта сцена у соратников дона Хуана, невозможно описать. Они потеряли все свое самообладание.

Очевидно, все они видели, как за нагуалем из комнаты вышла маленькая девочка.

Сам я, казалось, был на грани взрыва. Я почувствовал, что почти теряю сознание, и вынужден был сесть. Я ощутил присутствие этой маленькой девочки как удар в солнечное сплетение. Она была поразительно похожа на моего отца. Меня захлестнули волны сентиментальности. Я пытался докопаться до смысла всего этого, пока мне действительно не стало плохо.

Когда дон Хуан вернулся в комнату, я немного овладел собой. Ожидание того, что же он скажет о маленькой девочке, перехватило мне дыхание. Все были так же возбуждены, как и я. Они обратились к дону Хуану одновременно и весело рассмеялись, когда осознали это. Главное, что всех нас интересовало, – это выяснить, было ли нечто общее в том, как воспринял каждый из нас внешний вид лазутчика. Все сошлись на том, что это была девочка шести-семи лет, очень худая, с прекрасными по-детски угловатыми чертами. Все согласились с тем, что у нее были синевато-стальные глаза, которые излучали невысказанные эмоции; ее глаза, как они утверждали, выражали благодарность и верность.

Я мог подтвердить любую деталь того, о чем они говорили. Ее глаза были настолько яркими и подавляющими, что в действительности вызвали у меня некое подобие боли. Я ощущал тяжесть ее взгляда на своей груди.

Вопрос, который занимал соратников дона Хуана и меня, касался смысла этого события. Все сошлись на том, что этот лазутчик был частью чужеродной энергии, которая просочилась сквозь грань, разделяющую второе внимание и внимание повседневного мира. Они утверждали, что поскольку они не сновидели и все же видели чужую энергию, которая была спроецирована в фигуру ребенка, то этот ребенок существовал.

Они утверждали, что могут быть сотни, даже тысячи случаев, когда чужеродная энергия проскальзывает незамеченной через естественные барьеры в наш обычный человеческий мир, но что в истории их традиции ни разу не упоминалось о событиях подобной

природы. Что их больше всего беспокоило, — так это то, что о подобном не упоминалось в магических историях.

— Неужели нечто подобное произошло в истории человечества впервые? — спросил дон Хуана один из них.

— Я думаю, что это происходит постоянно, — ответил он. — Но это никогда не происходило таким открытым, волевым путем.

— Что это означает для нас? — спросил кто-то из них дон Хуана.

— Для нас — ничего, но для него — все, — сказал он и указал на меня.

Наступила напряженная тишина. Некоторое время дон Хуан шагал взад-вперед по комнате. Затем он остановился передо мной и пристально посмотрел на меня. По его виду можно было сказать, что он не может найти слов для выражения того, что он только что понял.

— Я даже не могу представить себе масштаба того, что ты сделал, — наконец сказал мне с недоумением в голосе дон Хуан. — Ты угодил в ловушку, но это была не такая ловушка, о которой я тебя предупреждал. Твоя ловушка была задумана только для тебя и была более смертоносной, чем все то, что я мог себе представить. Я опасался, что ты можешь стать жертвой лести и прислуживания тебе. Но я не мог учесть, что существа мира теней поставят ловушку, которая использует присущее тебе отвращение к цепям.

Как-то дон Хуан сравнивал свою и мою реакции в мире магов на то, что давит на нас сильнее всего. Он говорил, и это не прозвучало как жалоба, что хотя он желал этого и неоднократно пытался, но так никогда и не смог возбуждать в людях такое чувство любви, которое возбуждал в других его учитель, нагуаль Хулиан.

— Моей беспристрастной реакцией, которую я предлагаю тебе на рассмотрение, является быть способным сказать и действительно иметь в виду то, что это не моя судьба — вызывать слепую и безоглядную любовь. Да будет так!

– Твоя беспристрастная реакция в том, – продолжал он, – что ты не можешь вынести цепей и отдашь свою жизнь за то, чтобы разорвать их.

Я искренне возразил ему, что он преувеличивает. Мои взгляды не были настолько ясными.

– Не беспокойся, – сказал он, смеясь, – магия – это действие. Когда наступит время, ты будешь действовать со всей своей страстностью, так же, как и я. Моим путем было покориться судьбе, но не пассивно, как идиот, а активно, как воин. Твоим действием будет броситься, но без капризности или предварительного обдумывания, чтобы разорвать цепи кого-нибудь другого.

Дон Хуан пояснил, что когда я слил свою энергию с лазутчиком, я поистине перестал существовать. Моя физическая часть была перенесена в мир неорганических существ и, если бы не этот лазутчик, который провел дона Хуана и его соратников туда, где я находился, я бы умер или остался навсегда затерянным в том мире.

– Но почему лазутчик провел вас туда, где я находился? – спросил я.

– Лазутчик – это живое существо из другого измерения, – сказал он. – Сейчас – это маленькая девочка, и как таковая она рассказала мне, что для того, чтобы обрести энергию, необходимую для разрушения барьера, удерживающего ее в мире неорганических существ, она должна была забрать всю твою энергию. Теперь это ее человеческая часть. Ее привело ко мне что-то вроде чувства благодарности. Когда я увидел ее, я мгновенно понял, что ты для нее сделал.

– Что ты сделал потом, дон Хуан?

– Я собрал всех, кого смог найти, особенно Кэрол Тиггс, и все мы бросились в мир неорганических существ.

– Почему именно Кэрол Тиггс?

– Во-первых, потому что она обладает безграничной энергией, а, во-вторых, потому что она должна была познакомиться с этим лазутчиком. Из этого опыта каждый из нас получил нечто бесценное. Ты и Кэрол Тиггс получили лазутчика. Другие же использовали это, как возможность собрать нашу физическую составляющую и поместить ее в наши энергетические тела. Мы стали энергией.

– Как все вы смогли это сделать, дон Хуан?

– Мы синхронно сместили наши точки сборки. Всю работу сделало наше безупречное намерение спасти тебя. Этот лазутчик в мгновение ока доставил нас туда, где ты лежал полумертвым. И Кэрол вытащила тебя оттуда.

Его объяснение не имело для меня никакого смысла. Дон Хуан засмеялся, когда я попытался высказаться по этому поводу.

– Как ты можешь понять это, если у тебя нет энергии даже для того, чтобы встать с кровати? – возразил он.

Я признался ему, что определенно знаю бесконечно больше, чем могу допустить разумом, но что-то держит мою память закрытой.

– Недостаток энергии – вот что держит ее закрытой, – сказал он. – Когда у тебя будет достаточно энергии, твоя память будет работать прекрасно.

– Считаешь ли ты, что я смогу вспомнить все, если захочу, дон Хуан?

– Не совсем. Ты можешь захотеть все что угодно, но если твой уровень энергии не соответствует важности того, что ты знаешь, тогда ты можешь сказать своему знанию «до свидания» – оно никогда не станет для тебя доступным.

– Но, что же мне тогда делать, дон Хуан?

– Энергия имеет тенденцию накапливаться; если ты безусловно следуешь пути воина, то наступит момент, когда твоя память раскроется.

Я признался ему, что пока слушал его рассказ, у меня возникло абсурдное ощущение, что я лишь индольгирую в жалости к себе и что со мной все в порядке.

– Ты не просто индольгируешь, – ответил он. – Ты действительно был энергетически мертв четыре недели назад. Сейчас ты просто оглушен. Оглушенность и недостаток энергии заставляют тебя прятать свое знание. Ты, конечно же, знаешь намного больше нас об этом мире неорганических существ. Этот мир особенно интересовал древних магов. Все мы говорили тебе, что мы знали об этом мире только из рассказов древних магов. Я должен признаться, что тот факт, что ты сам стал героем одной из наших магических историй, является для меня более чем странным.

Я снова повторил, что не могу поверить в то, что смог сделать нечто, чего не делал он. Но я не могу поверить и в то, что он просто ублажает меня.

– Я не льщу тебе и не ублажаю тебя, – сказал он с некоторым раздражением. – Я сообщаю тебе магический факт. То, что ты знаешь об этом мире больше, чем каждый из нас, не должно служить причиной для того, чтобы чувствовать себя польщенным. В этом знании нет никакого преимущества; на самом деле, несмотря на свои знания, ты не смог уберечь себя. Мы спасли тебя, потому что смогли найти тебя. Но если бы не помощь этого лазутчика, не было бы смысла даже пытаться искать тебя. Ты бы настолько безнадежно затерялся в этом мире, что я содрогаюсь при одной мысли об этом.

Я совсем не удивился, когда увидел волну эмоционального возбуждения, которая прокатилась по соратникам дона Хуана и по ученикам. Единственной, кто остался спокойным, была Кэрол Тиггс. Она словно полностью приняла свою роль. Она была со мной одним целым.

– Ты действительно освободил лазутчика, – продолжал дон Хуан, – но отдал свою жизнь. Или, что еще хуже, ты отдал свою

свободу. Неорганические существа позволили лазутчику уйти в обмен на тебя.

– Мне трудно поверить в это, дон Хуан. Не то чтобы я сомневался в твоих словах, но, понимаешь, ты описал такой хитрый маневр, что я просто ошеломлен.

– А ты не считай его хитрым и тогда поймешь его суть. Неорганические существа всегда ищут осознания и энергии; если ты им даешь в руки и то и другое, что, по-твоему, они станут делать? Посылать тебе воздушные поцелуи с другой стороны улицы?

Я знал, что дон Хуан прав. Однако я не смог удержать эту уверенность слишком долго; ясность продолжала ускользать от меня.

Соратники дона Хуана продолжали задавать ему вопросы. Они хотели узнать, думал ли он о том, что делать с лазутчиком дальше.

– Да, думал. Это самая серьезная проблема, которую должен решить этот нагуаль, – сказал он, указывая на меня. – Он и Кэрл Тиггс единственные, кто может освободить лазутчика. И лазутчик тоже знает об этом.

Естественно, что я задал ему единственно возможный вопрос:

– Как я могу освободить его?

– Вместо того, чтобы сказать тебе как, я предложу тебе куда более точный путь выяснить это, – произнес дон Хуан, широко улыбаясь. – Спроси эмиссара. Ты же знаешь, неорганические существа не лгут.

Глава 8. Третьи врата сновидения

Ты достигаешь третьих врат сновидения, когда обнаруживаешь себя во сне смотрящим на другого спящего человека. И когда этот другой человек оказывается тобой, – сказал дон Хуан.

Мой энергетический уровень в это время был так высок, что я приступил к выполнению этого третьего задания сразу же, хотя дон Хуан не сообщил мне о нем никакой дополнительной информации.

Первым, что я обнаружил в своей практике сновидения, было то, что прилив энергии немедленно сместил фокус моего внимания сновидения. Теперь оно было сосредоточено на том, чтобы проснуться во сне и увидеть себя спящим; путешествия в мир неорганических существ больше не были моей целью.

Вскоре после этого я обнаружил себя во сне смотрящим на себя спящего. Я сразу же сообщил об этом дону Хуану. Это случилось как раз тогда, когда я был в его доме.

– Для каждой врат сновидения существует два этапа прохождения через них, – сказал он. Первый, как ты уже знаешь, состоит в том, чтобы подойти к ним; второй – пересечь их. Если ты видишь во сне, что спишь, – тыходишь к вратам. Второй этап состоит в том, чтобы после того, как ты увидел себя спящим, начать двигаться.

– У третьих врат сновидения, – продолжал он, – ты начинаешь преднамеренно сливать в одно целое свою реальность сновидения и реальность обыденного мира. Это упражнение, которое маги называют завершением энергетического тела. Слияние двух реальностей должно быть настолько полным, что тебе нужно быть более текучим, чем когда-либо. Исследуй все, что встречаешь у третьих врат очень тщательно и с любопытством.

Я пожаловался, что его рекомендации слишком загадочны и кажутся мне бессмысленными.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь «очень тщательно и с любопытством», – спросил я.

– У третьих врат мы склонны терять себя в деталях, – ответил он. – Рассматривать вещи с большой тщательностью и любопытством означает противостоять почти непреодолимому стремлению погрузиться в детали. Данное упражнение у третьих врат, как я уже сказал, заключается в укреплении¹⁶ энергетического тела. Сновидящий начинает выковывать энергетическое тело, выполняя задания первых и вторых врат. Когда он достигает третьих врат, его энергетическое тело готово к выходу, или, пожалуй, лучше будет сказать, что оно готово к тому, чтобы действовать. К несчастью, это также означает, что оно готово попасть под очарование деталей.

– Что значит «попасть под очарование деталей»?

– Энергетическое тело напоминает ребенка, который всю свою жизнь был взаперти. Когда он оказывается на свободе, он впитывает в себя все, что находит. Я хочу сказать, что это может быть все, что угодно. Каждая незначительная, мельчайшая деталь, полностью поглощает внимание энергетического тела.

За этими словами последовала неловкая тишина. Я не знал, что сказать. Я понял его прекрасно, но мне просто никогда не доводилось пережить на опыте ничего такого, что могло бы дать мне представление о его словах.

– Самая бестолковая деталь становится целым миром для энергетического тела, – объяснил дон Хуан. – Чтобы управлять энергетическим телом, сновидящие должны прилагать потрясающие усилия. Я знаю, что когда я советую тебе обзирать вещи тщательно и с любопытством, – это звучит нескладно. Но это лучший способ описать то, что ты должен делать. У третьих врат сновидящие должны избегать непреодолимого стремления погружаться во все. Они достигают этого, постоянно проявляя такой интерес ко всему и такое настойчивое желание погрузиться во все, что ни одна конкретная вещь не может приковать их к себе.

¹⁶ To consolidate – объединять, сливаться, твердеть, делать твердым, усиливать, укреплять.

Дон Хуан прибавил также, что рекомендации, которые, как он знает, абсурдны для ума, на самом деле предназначаются моему энергетическому телу. Он подчеркивал снова и снова, что энергетическое тело должно объединить все свои ресурсы, для того чтобы действовать.

– Но разве мое энергетическое тело не действует все это время?
– спросил я.

– Часть его действует. Ведь будь это не так, ты бы не смог путешествовать в царство неорганических существ, – ответил он. – Теперь же все твое энергетическое тело должно быть вовлечено в выполнение упражнения третьих врат, и чтобы облегчить эту задачу для энергетического тела, ты должен сдерживать свою рациональность.

– Боюсь, что ты не за того меня принимаешь, – сказал я. – Во мне осталось очень мало рационального после всех тех событий, которые я пережил благодаря тебе.

– Не возражай. У третьих врат рациональность ответственна за настойчивость нашего энергетического тела в одержимости деталями. И чтобы противодействовать этой настойчивости, у третьих врат мы нуждаемся в иррациональной текучести и иррациональной отстраненности.

Утверждение дона Хуана, что каждые врата – это препятствие, не могло не быть абсолютно истинным. Я работал над задачей третьих врат сновидения более напряженно, чем над двумя предыдущими вместе взятыми. Дон Хуан оказывал на меня огромное давление. Кроме того, в моей жизни прибавилось кое-что еще: у меня появилось истинное чувство страха. Всю свою жизнь я постоянно боялся той или иной вещи, иногда даже очень сильно, но я никогда не ощущал ничего подобного тому страху, который сопровождал меня после моего столкновения с неорганическими существами. Однако все это богатство опыта было недостижимо для моей обычной памяти. Только в присутствии дона Хуана эти воспоминания были мне доступны.

Однажды, когда мы находились в национальном Музее антропологии и истории в Мехико, я спросил его об этой странной ситуации. Задать такой вопрос именно в этот момент меня побудила странным образом появившаяся способность вспомнить все, пришедшая ко мне в ходе моего общения с доном Хуаном. Эта способность так расковывала, вдохновляла и окрыляла меня, что я почти танцевал на ходу.

– Просто происходит то, что присутствие нагуаля вызывает смещение точки сборки, – сказал он.

Затем он повел меня в один из выставочных залов музея и сказал, что мой вопрос очень кстати в связи с тем, что он собирался мне рассказать.

– Я намеревался объяснить тебе, что позиция точки сборки похожа на подвал, в котором маги хранят свои записи, – сказал он. – Я был в восторге, когда твое энергетическое тело почувствовало мое намерение, и ты спросил меня об этом. Энергетическое тело знает бесконечно много. Давай я покажу тебе, сколько всего оно знает.

Он приказал мне погрузиться в абсолютное молчание. Он напомнил мне, что я уже находился в особом состоянии осознания, потому что моя точка сборки сместилась в его присутствии. Он заверил меня, что, погружаясь в абсолютное молчание, я дам возможность скульптурам в зале показать и дать мне услышать невообразимые вещи. Он добавил, очевидно для того, чтобы смутить меня еще больше, что некоторые из археологических находок в этой комнате были способны своим присутствием вызывать смещение точки сборки и что если я достигну состояния полной тишины, то буду действительно способен видеть сцены из жизни людей, которые создали эти вещи.

Затем он начал самую странную экскурсию по музею, которую я когда-либо совершал. Он ходил по залу, описывая и интерпретируя удивительные особенности каждого из больших экспонатов. Он утверждал, что каждый, найденный археологами, предмет в зале был записью, преднамеренно оставленной людьми древности, записью, которую дон Хуан, будучи магом, читал мне, словно книгу.

– Каждый экспонат здесь предназначен для того, чтобы смещать точку сборки, – продолжал он. – Останови свой пристальный взгляд на любом из них, успокой свой ум и посмотри, сможет ли сдвинуться твоя точка сборки или нет.

– Как мне узнать, что она сдвинулась?

– Тогда ты сможешь видеть и ощущать то, что лежит за пределами обычного восприятия.

Всматриваясь в скульптуры, я видел и слышал вещи, которые не мог объяснить. В прошлом, изучая эти экспонаты с точки зрения антропологии, я всегда помнил описания ученых, специалистов в этой области. Их описания использования многих предметов, основанные на знании¹⁷ современного человека о мире, в первый раз поразили меня своей полной условностью, если не сказать глупостью. То, что дон Хуан сказал об этих предметах, и то, что я слышал и видел сам, рассматривая их, менее всего напоминало мне все то, что я когда-либо о них читал.

Мой дискомфорт был столь сильным, что я счел необходимым извиниться перед доном Хуаном за то, что считал своей внушаемостью. Но он не засмеялся и не стал меня вышучивать. Он терпеливо объяснил, что маги могли оставлять точные сведения о своих открытиях в позиции точки сборки. Он заявил, что когда речь идет о возможности добраться до сущности записанного, мы должны использовать наше ощущение сочувствия или воображаемого соучастия, чтобы выйти за пределы обычной страницы в само переживание. Однако в мире магов информация, которую можно пережить, а не прочитать на страницах, хранится в позиции точки сборки.

Чтобы проиллюстрировать свои слова, дон Хуан заговорил о магическом обучении для второго внимания. Он сказал, что оно проводится, когда точка сборки ученика находится в некотором необычном положении. Таким образом, позиция точки сборки становится записью урока. Для того, чтобы еще раз прокрутить урок,

¹⁷ Cognition – познание, знание; познавательная способность, когнитивная способность (включая ощущение, восприятие, познавание и т.д.).

ученик должен вернуть точку сборки в то положение, в котором она была, когда он его получал. Дон Хуан, заканчивая свою речь, повторил, что возвращение точки сборки во все те положения, которые она занимала во время уроков, является достижением огромной важности.

Почти целый год дон Хуан ничего не спрашивал у меня о третьем задании по сновидению. Затем однажды, совершенно неожиданно для меня, он захотел, чтобы я описал ему все тонкости моей практики сновидения.

Первое, о чем я упомянул, была сбивающая с толку повторяемость. На протяжении месяцев мне снилось, что я пристально разглядываю себя, спящего на своей кровати. Особенно странной была регулярность этих снов: они случались каждые четыре дня, как по часам. На протяжении других трех дней мои сновидения были такими же, как раньше: я изучал всевозможные предметы, переходил из одного сна в другой, а иногда, увлекаемый губительным любопытством, следовал за лазутчиками чужих энергий, хотя и чувствовал себя в связи с этим очень виноватым. Я думал, что это подобно тайному пристрастию к наркотикам. Реальность того мира была для меня неотразимой.

Втайне я чувствовал, что у меня есть некоторые оправдания, и я могу не нести никакой ответственности за происходящее, потому что дон Хуан сам предложил мне спросить эмиссара сновидения, как освободить голубого лазутчика, пойманного среди нас. Он имел в виду, что мне следовало поставить этот вопрос в своей ежедневной практике, но я истолковал его утверждение так, что я должен спросить об этом у эмиссара во время пребывания в его мире. Вопрос, который я действительно хотел задать эмиссару, состоял в том, действительно ли неорганические существа ставили на меня ловушку. Эмиссар не только подтвердил все, сказанное доном Хуаном, но и объяснил мне, как Кэрл Тиггс и я должны поступить, чтобы освободить лазутчика.

— Повторяемости твоих снов следовало ожидать, — заметил дон Хуан, выслушав меня.

– Почему этого следовало ожидать, дон Хуан?

– Потому что знаю твои отношения с неорганическими существами.

– Я с ними покончил раз и навсегда, дон Хуан, – соврал я в надежде, что он больше не будет развивать эту тему.

– Ты пытаешься убедить меня в этом, не так ли? Не нужно этого делать; я знаю, что происходит на самом деле. Поверь мне, стоит тебе один раз начать заигрывать с ними, и ты у них на крючке. Они всегда будут преследовать тебя. Или, что еще хуже, преследовать их всегда будешь ты сам.

Он внимательно посмотрел на меня, и мое чувство вины, должно быть, было таким очевидным, что заставило его рассмеяться.

– Единственно возможное объяснение такой повторяемости состоит в том, что неорганические существа стараются угодить тебе снова, – сказал дон Хуан серьезным тоном.

Я поспешил сменить тему и сказал ему, что еще одной особенностью моей практики сновидения, которую следует упомянуть, была моя реакция на видение себя, спящего глубоким сном. Это зрелище всегда до того пугало меня, что я оказывался не в состоянии сдвинуться с места, как приклеенный, пока сон не менялся, или же страх поражал меня так сильно, что я просыпался с громким криком. Я дошел до того, что боялся засыпать в те дни, когда знал, что должен увидеть этот сон.

– Ты все еще не готов для слияния реальности сновидения и реальности обыденного мира, – заключил он. – Ты должен пересматривать свою жизнь дальше.

– Но я уже сделал весь возможный пересмотр¹⁸, – запротестовал я. – Я занимался этим несколько лет. Не осталось ничего, что я мог бы вспомнить из своей жизни.

¹⁸ Recapitulation – краткое повторение, вывод, резюме. (термин «пересмотр» сохранен)

– Должно быть, осталось еще много чего, – сказал он непреклонно, – иначе ты не просыпался бы с криком.

Мне не понравилась идея о том, чтобы продолжать пересмотр снова. Я завершил его и верил, что сделал это так хорошо, что не должен был возвращаться к нему снова.

– Пересмотр наших жизней никогда не должен заканчиваться, независимо от того, как бы хорошо он не был осуществлен один раз, – сказал дон Хуан. – Причина, по которой обычные люди не могут по своей воле действовать в сновидениях, состоит в том, что они никогда не совершали пересмотр своей жизни, и их жизни до самого верха наполнены отягощающими эмоциями, такими как воспоминания, надежды, страхи и так далее и тому подобное.

Маги же, в противоположность им, благодаря пересмотру относительно свободны от тяжелых и сковывающих эмоций. И если что-то преграждает им путь, как сейчас в твоем случае, значит, в них есть еще что-то не вполне прояснившееся.

– Пересмотр слишком поглощает, дон Хуан. Может, вместо него я могу сделать что-нибудь другое?

– Нет. Другого не существует. Пересмотр и сновидение идут рука об руку. По мере того, как мы извергаем¹⁹ наши жизни, мы все более отрывается от земли.

Дон Хуан дал мне ясные и детальные указания о пересмотре, состоявшие в том, чтобы еще раз проживать всю совокупность жизненного опыта, вспоминая всевозможные детали прошлых переживаний. Он видел в пересмотре надежный способ для перераспределения и перегруппировки энергии.

– Пересмотр высвобождает заключенную в нас энергию, а без этого освобождения сновидение невозможно, – утверждал он.

Несколько лет назад дон Хуан велел мне составить список всех людей, которых я когда-либо встречал, начиная с настоящего

¹⁹ To regurgitate – хлынуть, вырваться обратно, извергать, срыгивать.

времени. Он помог мне упорядочить этот список, используя разделение по сферам деятельности, таким как различные должности, которые я занимал, различные учебные курсы, которые я посещал. Затем он предложил мне пройти от первого человека в этом списке до последнего, не пропуская никого, переживая заново каждое взаимодействие с ними.

Он объяснил, что при пересмотре событие реконструируется фрагмент за фрагментом, начиная с припоминания внешних деталей, затем переходя к личности того, с кем я имел дело, и заканчивая обращением к себе, исследованием своих чувств.

Дон Хуан учил меня, что пересмотр идет в паре с естественным ритмичным дыханием. Глубокий выдох следует делать в такт с медленным мягким движением головы справа налево; глубокий вдох делается при движении головы в обратную сторону – слева направо. Он называл этот процесс покачивания головой из стороны в сторону «обдуванием события». Ум исследует событие от начала до конца, в то время как тело «обдувает» снова и снова все, на чем сосредоточивается ум.

Дон Хуан сказал, что маги прошлого, открывшие пересмотр, рассматривали дыхание как магическое, дающее жизнь действие и использовали его соответственно этому – как магическое средство. Выдох используется для выброса чужой энергии, оставленной в них в течение того взаимодействия, пересмотр которого осуществляется, а вдох – для возврата энергии, которую они потеряли в ходе взаимодействия.

Вследствие своего академического образования я рассматривал пересмотр как процесс анализа своей жизни. Дон Хуан настаивал, что это нечто большее, чем интеллектуальный психоанализ. Он определил пересмотр как уловку, используемую магом для вызова пусть незначительного, но зато постоянного сдвига точки сборки. Он сказал, что точка сборки под влиянием просмотра прошлых событий и чувств движется туда-сюда между ее теперешним положением и положением, которое она занимала тогда, когда имел место пересматриваемый опыт.

Дон Хуан сказал, что использование пересмотра магами прошлого объяснялось их убежденностью в том, что во вселенной существует непостижимая разлагающая²⁰ сила, которая дает организмам жизнь, одалживая им осознание. Эта же самая сила, для того, чтобы извлечь это, данное ею в долг осознание, усиленное путем жизненного опыта организмов, заставляет их умирать. Дон Хуан сказал, объясняя точку зрения магов прошлого, что они верили в то, что поскольку эта сила заинтересована именно в нашем жизненном опыте, исключительно важным для нас является то, что она может быть удовлетворена копией нашего жизненного опыта — пересмотром. Получив то, что она хочет, эта разлагающая сила отпускает магов, давая им свободу расширять свою способность воспринимать и достигать с ее помощью самых удаленных частей времени и пространства.

Когда я вновь начал заниматься пересмотром, то с большим удивлением обнаружил, что моя практика сновидения при этом автоматически приостановилась вопреки моему желанию. Я спросил у дона Хуана об этом нежелательном перерыве.

— Сновидение требует задействования всей доступной энергии, — ответил он. — И поэтому, если в нашей жизни мы чем-то глубоко поглощены, сновидение невозможно.

— Но ведь я и раньше бывал чем-то глубоко поглощенным, — сказал я. — Тем не менее, мои занятия никогда не прерывались.

— Дело в том, должно быть, что всякий раз, когда ты думал, что поглощен, ты на самом деле был только эгоистически встревожен, — сказал он, смеясь. — Для мага быть поглощенным означает, что задействованы все источники энергии. Сейчас же впервые случилось так, что ты начал полностью использовать все свои энергетические ресурсы. Раньше, даже занимаясь пересмотром, ты не был поглощен этим до конца.

На этот раз дон Хуан предложил мне новую методику для пересмотра. Мне предстояло сложить мозаику, пересматривая, без какого-либо видимого порядка, различные события моей жизни.

²⁰ Dissolving — разлагающий на составные части, растворяющий.

– Но это будет путаница, – запротестовал я.

– Нет, не будет, – заверил он меня. – Путаница возникнет только тогда, если ты предоставишь своей мелочности подбирать события для пересмотра. Предоставь решать это духу. Погрузись в безмолвие и затем начинай работать с тем, на что тебе указывает дух.

Результаты такого метода пересмотра поразили меня во многих отношениях. На меня очень большое впечатление произвело то, что когда я делал безмолвным свой ум, кажущаяся независимой сила немедленно погружала меня в чрезвычайно детальные воспоминания какого-то события из моей жизни. Но еще удивительнее, что в итоге я получил довольно-таки упорядоченную конфигурацию событий. То, что, по моему мнению, должно было быть хаотичным, оказалось чрезвычайно эффективным.

Я спросил дона Хуана, почему он ни разу не предложил мне этот метод прежде. Он ответил, что существует два основных уровня пересмотра: первый из них характеризуется формальностью и жесткостью, второй – текучестью.

У меня не было даже отдаленного представления о том, насколько теперешний пересмотр будет для меня отличаться от предыдущих опытов. Способность концентрироваться, выработанная благодаря практике сновидения, позволила мне проникнуть в свою жизнь так глубоко, что никогда ранее я и представить не мог ничего подобного. Мне потребовалось больше года, чтобы просмотреть и пережить еще раз все, связанное с моей предыдущей жизнью. В итоге я вынужден был согласиться с доном Хуаном: во мне находились огромные залежи эмоций, и спрятаны они были настолько глубоко, что казались действительно недостижимыми.

В результате второго периода пересмотра я обрел новое для меня, более спокойное отношение к жизни. И стоило только вернуться к практике сновидения, как в тот же день мне приснилось, что я вижу себя спящим. Я повернулся и смело вышел из комнаты, с трудом спустившись по пролету лестницы на улицу.

Я был воодушевлен тем, что сделал, и поспешил сообщить об этом дону Хуану. К моему величайшему разочарованию, он сказал, что этот сон не относится к моей практике сновидения. Он утверждал, что я не вышел на улицу в своем энергетическом теле, потому что если бы это было так, то у меня было бы ощущение, отличающееся от того, как я спускался по лестнице.

– О каком ощущении ты говоришь, дон Хуан? – спросил я с неподдельным любопытством.

– Ты должен найти для себя какой-нибудь надежный признак, по которому ты мог бы узнавать, действительно ли ты видишь свое тело спящим на кровати, – сказал он вместо ответа на мой вопрос. – Помни, ты должен находиться в своей настоящей комнате и видеть свое настоящее тело. Если это не так, то ты просто видишь обычный сон. В этом случае, контролируй его, рассматривая детали или изменяя его.

Я настаивал на том, чтобы он рассказал мне больше о том надежном признаке, который он упомянул, но он перебил меня.

– Найди возможность подтвердить факт, состоящий в том, что ты смотришь на себя, – сказал он.

– Можешь ли ты подсказать мне, что могло бы быть таким надежным признаком? – настаивал я.

– Используй свои собственные идеи. Мы подходим к концу нашего общения. Очень скоро ты останешься один.

Затем он сменил тему разговора, и я остался с ясным ощущением собственной глупости. Я не мог понять, что он хочет или что он имеет в виду под надежным признаком.

В следующий раз, когда я во сне увидел себя спящим, вместо того, чтобы покинуть комнату и спускаться по лестнице или проснуться с криком, я долгое время оставался неотрывно привязанным к тому месту, откуда я смотрел. Без волнения и отчаяния я наблюдал детали своего сна. Тут я заметил, что сплю в постели, одетый в белую футболку, которая была разорвана на

плече. Я попытался подойти ближе и рассмотреть дыру, но движение было для меня невозможным. Фактически я представлял собой воплощенный вес. Не зная, что делать дальше, я сразу же пришел в сильное замешательство. Я попытался изменить сон, но какая-то незнакомая сила продолжала удерживать меня пристально смотрящим на свое спящее тело.

Пребывая в сильном смятении, я услышал, как эмиссар сновидения сказал, что неспособность контролировать свои движения пугает меня до такой степени, что может снова понадобится пересмотр. Голос эмиссара и то, что он сказал, совсем не удивили меня. Я никогда еще так живо и с таким страхом не переживал свою неспособность двигаться. Однако я не сдался этому страху. Я исследовал его и понял, что это был не психологический страх, а физическое ощущение беспомощности, отчаяния и раздражения. Меня бесконечно беспокоило то, что я был неспособен двигать конечностями. Мое раздражение возрастало по мере того, как я убеждался, что нечто снаружи грубо держало меня. Усилия, которые я прилагал, чтобы пошевелить руками или ногами, были такими громадными и решительными, что я вдруг действительно увидел, что одна из моих ног на кровати дернулась, как при ударе.

После этого мое сознание оказалось втянутым в мое вялое спящее тело, и я проснулся так внезапно, что прошло более получаса, прежде чем я успокоился. Мое сердце билось совершенно беспорядочно. Меня трясло, и отдельные мышцы ног неконтролируемо сокращались. Я ощущал такое сильное переохлаждение тела, что мне потребовались одеяла и грелки, чтобы согреться.

Естественно, я незамедлительно отправился в Мексику, чтобы спросить у дона Хуана совета по поводу чувства парализованности и в связи с тем, что я в действительности был одет тогда в разорванную белую футболку, то есть я на самом деле видел себя спящим. Кроме этого, я очень боялся переохлаждения.

Он не был настроен обсуждать мое состояние. Все, что мне удалось выдать из него, было одно едкое замечание.

– Ты любишь драматизировать, – сказал он твердо. – Хотя, конечно же, ты видел себя спящим. Твое затруднение в том, что ты разнервничался, ведь до этого твое энергетическое тело никогда не было сознательным, будучи цельным. Если когда-нибудь ты снова будешь нервничать и мерзнуть, держись за свой член. Это восстановит температуру твоего тела в один миг и без всякой суеты.

Я чувствовал себя слегка обиженным его грубостью. Однако совет оказался эффективным. В следующий раз, когда я испугался, я расслабился и вернулся в нормальное состояние через несколько минут, делая то, что он сказал. Поступая таким образом, я обнаружил, что если не волнуюсь и контролирую свое раздражение, паника меня не охватывает. Контроль над собой не помог мне двигаться, но он определенно дал мне глубокое чувство спокойствия и безмятежности.

После нескольких месяцев тщетных попыток начать передвигаться, я обратился к дону Хуану снова и даже не столько за советом, сколько потому, что я собирался признать свое поражение. Я столкнулся с непреодолимым препятствием и знал с неоспоримой ясностью, что потерпел неудачу.

– Сновидящий должен обладать хорошим воображением, – сказал дон Хуан с ехидной усмешкой. – А твое воображение никуда не годится. Я не советовал тебе использовать свое воображение для того, чтобы перемещать свое энергетическое тело, потому что хотел выяснить, сможешь ли ты справиться с этой загадкой самостоятельно. Ты не смог, и твои друзья тоже не помогли тебе.

В прошлом я всегда чувствовал побуждение яростно защищаться, когда он обвинял меня в недостатке воображения. Я считал, что обладаю хорошей фантазией, но общение с доном Хуаном как учителем заставило меня, к своему разочарованию, признать обратное. Поскольку я не собирался больше тратить энергию на бесполезную самозащиту, я спросил его:

– О какой загадке ты говоришь, дон Хуан?

– О загадке того, как с одной стороны невозможно, а с другой – как это легко, – двигать энергетическое тело. Ты пытаешься делать

это так, будто находишься в обыденном мире. Мы тратим так много времени и усилий, чтобы научиться ходить, что верим в то, что наши энергетические тела тоже должны ходить. Но нет никаких причин, по которым им следовало бы делать это, кроме той, что такое передвижение – самое понятное для нашего ума.

Я удивился простоте решения и мгновенно понял, что дон Хуан был прав. Я опять оказался приклеенным к своему уровню интерпретирования. Он сказал мне, что как только я достигну третьих врат сновидения, я должен буду двигаться, и это движение я понимал как ходьбу. Я сказал ему, что понял его точку зрения.

– Это не моя точка зрения, – сказал он отрывисто. – Это точка зрения магов. Маги утверждают, что у третьих врат все энергетическое тело может двигаться так, как движется энергия: быстро и прямо. Твое энергетическое тело знает, как ему двигаться. Оно может двигаться так, как оно перемещается в мире неорганических существ.

– Отсюда мы переходим к следующему вопросу, – прибавил дон Хуан задумчиво. – Почему твои друзья среди неорганических существ не помогли тебе?

– Почему ты называешь их моими друзьями, дон Хуан?

– Они подобны тому распространенному типу друзей, которые по настоящему не заботятся о нас и не добры к нам, но в то же время не предпринимают и ничего плохого. Эти друзья просто ждут, когда мы повернемся к ним спиной, чтобы они могли ударить нас оттуда.

Я понял его до конца и согласился на все сто процентов.

– Что заставляет меня идти к ним? Это что – суицидальная тенденция? – спросил я его скорее риторически.

– У тебя нет никакой суицидальной тенденции, – сказал он. – Все, что у тебя есть, – это неспособность понять, что ты находился на самом пороге смерти. Поскольку ты не ощущал физической боли, ты не можешь убедить себя, что ты был в смертельной опасности. Его слова были здоровыми, за исключением того, что я в

действительности все же верил в то, что мой глубокий непонятный страх преследует меня в жизни с тех пор, как я столкнулся с неорганическими существами. Дон Хуан слушал молча, пока я рассказывал ему о своем состоянии. Я не мог ни отбросить, ни объяснить себе свое стремление посещать мир неорганических существ, невзирая на все то, что я о нем знал.

– Мне свойственна склонность к безумию, – сказал я. – Ведь то, что я делаю, – бессмысленно.

– В действительности это имеет смысл. Неорганические существа по-прежнему водят тебя за собой, как рыбу, попавшую на крючок, – сказал он. – Они время от времени подбрасывают тебе дешевую приманку, чтобы ты следовал за ними. Организация того, чтобы твои сны имели место каждые четыре дня – это их дешевая приманка. Но они не обучают тебя тому, как двигаться в энергетическом теле.

– Почему они не делают этого, как ты думаешь?

– Потому что если твое энергетическое тело научится двигаться самостоятельно, ты будешь далеко за пределами их досягаемости. Преждевременным было с моей стороны считать, что ты свободен от них. Ты относительно свободен, но все же еще не полностью. Они все еще претендуют на твое осознание.

Я почувствовал холодок у себя на спине. Он задел мое больное место.

– Скажи мне, что делать, дон Хуан, и я сделаю это, – сказал я.

– Будь безупречным. Я говорил тебе это уже двадцать раз. Быть безупречным – означает поставить свою жизнь на карту для того, чтобы поддержать свои решения, а затем сделать намного больше, чем лучшее из того, на что ты способен, чтобы эти решения воплотить. Когда ты не решаешь ничего, ты просто-напросто как попало играешь с жизнью в рулетку.

Дон Хуан завершил наш разговор, призвав меня хорошенько обдумать то, что он сказал.

При первой же возможности я проверил указания дона Хуана относительно того, как двигаться в энергетическом теле. Когда я снова оказался в состоянии увидеть себя спящим, вместо того, чтобы подойти к телу, я просто повелел себе переместился ближе к кровати. Мгновенно я оказался так близко, что едва не касался своего тела. Я видел свое лицо. Я даже видел все поры на своей коже. Я не могу сказать, что мне понравилось то, что я видел. Мое видение собственного тела было слишком подробным, чтобы быть эстетически привлекательным. Затем что-то, напоминающее ветер, ворвалось в комнату и полностью перемешало предметы, устранив все из поля зрения.

В своих последующих снах я полностью утвердился во мнении, что энергетическое тело движется только скользя или паря. Я обсудил это с доном Хуаном. Он, казалось, был необычайно удовлетворен тем, чего я достиг, что очень удивило меня. Я привык к его прохладной реакции на все, чего я добивался в своей практике сновидения.

– Твое энергетическое тело привыкло двигаться, только если что-нибудь тянет его, – сказал он. – Неорганические существа таскали твоё тело туда-сюда, и до этого времени ты никогда не двигался сам, по своей воле. И хотя тебе кажется, что ты немногого достиг, двигаясь подобным образом, но уверяю тебя, что я серьезно рассматривал возможность прекращения твоей практики. Какое-то время я полагал, что ты не сможешь научиться самостоятельному перемещению.

– Ты рассматривал возможность прекращения моей практики сновидения, потому что я работаю слишком медленно?

– Ты не работаешь медленно. Магам требуется вечность, чтобы научиться перемещать своё энергетическое тело. Я собирался прекратить твою практику потому, что у меня мало времени. Есть другие задачи, более важные, чем сновидение, на выполнение которых ты должен использовать свою энергию.

– Теперь, когда я научился двигаться по своей воле в энергетическом теле, что еще я должен делать, дон Хуан?

– Продолжай двигаться. Перемещение своего энергетического тела открыло для тебя новую область, новое поле для необычайных исследований.

Он настаивал на том, чтобы я изобрел еще один способ убедиться в истинности своих снов; это требование не казалось теперь таким странным, как тогда, когда он говорил об этом в первый раз.

– Как ты знаешь, следовать за лазутчиком – это на самом деле задача вторых врат сновидения, – объяснял он. – Это очень серьезное дело, но не настолько серьезное, как выковывание энергетического тела и его перемещение. Поэтому ты своим собственным способом должен научиться определять, действительно ли ты видишь себя спящим или тебе просто снится сон, что ты видишь это. Твои новые необычайные исследования всецело зависят от реального видения себя спящим.

После длительных размышлений и сомнений я поверил в то, что придумал хороший способ. Идея этого надежного способа узнать, сплю я или нет, пришла ко мне, когда я вспомнил свою разорванную футболку. Я начал с предположения, что если я действительно вижу себя спящим, то я должен заметить, что на мне та же одежда, в которой я уснул, одежда, которую я решил полностью менять каждые четыре дня. Я был уверен, что у меня не возникнет трудностей с тем, чтобы вспомнить во сне, во что я был одет, когда ложился в постель. Навыки, которые я приобрел в процессе своей практики, убеждали меня, что я способен сохранять в уме такие вещи и вспоминать их во сне.

Я приложил все усилия, чтобы следовать этому способу проверки, но результаты оказались не столь удачными, как я предполагал. Мне не хватало контроля над своим вниманием сновидения, и я не мог достаточно ясно помнить детали моей ночной одежды. И все же что-то другое, несомненно, работало: каким-то образом я всегда знал, был ли мой сон обычным сном или нет. Явной особенностью тех снов, которые не были просто обычными снами, было то, что мое сознание наблюдало мое тело, которое спало на кровати.

Примечательной чертой этих снов была моя комната. Она никогда не была похожа на мою комнату в обычном мире, но напоминала огромный пустой зал с кроватью в одном углу. Я, как правило, парил на значительном расстоянии сбоку от кровати, где лежало мое тело. В тот момент, когда я приближался к нему, сила, напоминавшая ветер, постоянно заставляла меня зависать над ним, как колибри. Иногда комната исчезала; пропадая по частям до тех пор, пока не оставалось только мое тело и кровать. Иногда я переживал полную потерю способности прилагать волевые усилия. Тогда казалось, что мое внимание сновидения работает независимо от меня. Оно либо оказывалось полностью поглощенным первой попавшейся вещью в комнате, либо было не в состоянии решить, что делать. В последнем случае я ощущал, что беспомощно плаваю, переходя вниманием от вещи к вещи.

Голос эмиссара сновидения объяснил мне однажды, что все элементы снов, которые не являются обычными снами, на самом деле были энергетическими образованиями, отличными от известных нам в привычном мире. Голос эмиссара указал, например, что стены были жидкими. Затем он предложил мне погрузиться в одну из них.

Не раздумывая дважды, я нырнул в стену, как будто ныряю в большое озеро. Мне не показалось, что стена напоминает воду, и то, что я чувствовал, не соответствовало тому физическому ощущению, которое испытывает тело, погружаясь в воду. Это, скорее, напоминало знание о том, что я ныряю, и видимость прохождения сквозь жидкую среду. Я входил головой вперед во что-то, что расступалось передо мной, как вода по мере того, как я продолжал двигаться вглубь.

Ощущение, что я ныряю головой вперед, было настолько реальным, что я начал гадать, как глубоко или как далеко я нырнул. С моей точки зрения, я пробыл там целую вечность. Я видел облака и скалоподобные образования материи, разбросанные в толще водянистой субстанции. Там попадались сияющие геометрические объекты, напоминающие кристаллы, и шарики ярчайших оттенков всех цветов, которые я когда-либо видел. Были также зоны ослепительного света и области крошечной тьмы. Все

проходило мимо меня, медленно или на большой скорости. Мне казалось, что я вижу космос. В тот момент, когда я подумал об этом, моя скорость возросла так сильно, что все слилось, я внезапно обнаружил, что проснулся и лежу, упираясь носом в стену своей комнаты.

Какой-то скрытый страх вынудил меня проконсультироваться с доном Хуаном. Он слушал меня, цепляясь к каждому слову.

– Теперь ты должен сделать решительный маневр, – сказал он.
– Эмиссар сновидения, не должен вмешиваться в твою практику. Или, лучше сказать, что ты не должен ни при каких условиях позволять ему делать это.

– Как мне остановить его?

– Сделай простой, но одновременно сложный маневр. Войдя в сновидение, громко заяви, что ты не желаешь больше иметь эмиссара сновидения.

– Значит ли это, дон Хуан, что я никогда больше не услышу его снова?

– Конечно. Ты избавишься от него навсегда.

– Но целесообразно ли избавляться от него навсегда?

– Со всей определенностью говорю, что сейчас это целесообразно.

Этими словами дон Хуан вверг меня в очень беспокоящую дилемму. Я не хотел прекращать свои отношения с эмиссаром, но в то же время мне хотелось следовать совету дон Хуана. Он заметил мои колебания.

– Я знаю, что это очень сложная задача, – согласился он, – Но если ты не сделаешь этого, неорганические существа будут всегда держать тебя на поводке. Если хочешь избежать этого, – сделай то, что я сказал, и сделай это, не откладывая.

Когда в течение своего следующего занятия сновидением я приготовился выразить свое намерение, голос эмиссара прервал меня. Он сказал:

– Если ты воздержишься от своего требования, я обещаю тебе никогда не вмешиваться в твою практику сновидения и разговаривать с тобой только тогда, когда ты будешь обращаться ко мне с вопросами.

Я сразу же принял это предложение и искренне чувствовал, что это хороший договор. Я даже почувствовал облегчение оттого, что все обернулось таким образом. Однако я боялся, что дону Хуану это не понравится.

– Это был хороший маневр, – заметил он и засмеялся. – Ты был искренним; ты действительно собирался выразить свое требование. Быть искренним – вот все, что от тебя требовалось. По существу, у тебя не было никакой необходимости устранять эмиссара. От тебя требовалось лишь загнать его в угол, чтобы он предложил удобный для тебя выход из сложившейся ситуации. Я уверен, что эмиссар не будет больше вмешиваться.

Он был прав. Я продолжал свою практику сновидения без вмешательства со стороны эмиссара. Прямым следствием этого было то, что я начал видеть сны, в которых комната, в которой я спал, была такой, как в обычном мире, с одним лишь отличием: во сне комната была всегда так перекошена, так искажена, что выглядела как огромное полотно кубиста; там, где пересекались стены, потолок и пол, тупые и острые углы заменяли обычные прямые. В моей кривобокой комнате каждое искажение, созданное тупыми или острыми углами, ярко выражало какую-нибудь абсурдную, незначительную, но реальную деталь; например, изощренный узор линий на паркете, выцветшие пятна на покрашенной стене или отпечатки грязных пальцев на краю двери.

В этих сновидениях я неизбежно терялся в водянистых вселенных, состоящих из предметов, искаженных кривизной. Вся моя практика сновидения состояла из постоянного погружения в детали предметов, потому что их изобилие в моей комнате было

неописуемым, а их притяжение таким сильным, что я не мог устоять.

При первой же возможности я посетил дона Хуана, расспрашивая его о своем состоянии.

— Я не могу преодолеть своей комнаты, — сказал я ему после длительного описания своей практики сновидения.

— Откуда ты взял, что ты должен преодолевать ее? — спросил он, ухмыльнувшись.

— Я чувствую, что должен выйти за пределы комнаты, дон Хуан.

— Но ты уже движешься за пределами комнаты. Возможно, тебе следует спросить себя, не запутался ли ты снова в интерпретациях. Что, по твоему мнению, означает движение в этом случае?

Я сказал ему, что сон о том, как я вышел из своей комнаты на улицу, не дает мне покоя ни на миг, и я ощущаю сильную необходимость сделать это снова.

— Но ведь ты делаешь более значительные вещи, чем эта, — запротестовал он. — Ты посещаешь невероятные области. Чего еще ты хочешь?

Я пытался объяснить ему, что ощущаю физическое побуждение вырваться из ловушки многочисленных деталей. Меня больше всего расстраивала моя неспособность освободиться от того, что овладевало моим вниманием. Обретение минимальной способности действовать по своей воле было для меня первостепенным.

Последовала продолжительная тишина. Я хотел побольше услышать о ловушке погружения в детали. В конце концов он все же предупредил меня об опасности, связанной с этой ловушкой.

— У тебя неплохо получается, — сказал он в заключение. Ведь у сновидящих много времени уходит на то, чтобы усовершенствовать

свое энергетическое тело. А именно это здесь и стоит на кону – совершенствование твоего энергетического тела.

Дон Хуан объяснил причину, по которой мое энергетическое тело было вынуждено детально изучать подробности и оказывалось безнадежно запутанным в них. Это происходило из-за неопытности, несовершенства энергетического тела. Он сказал, что маг зачастую проводит целую жизнь, укрепляя свое энергетическое тело, позволив ему впитывать все, что только можно.

– До тех пор, пока энергетическое тело не достигнет полного развития и зрелости, оно поглощено собой, – продолжал дон Хуан. – Оно не может освободиться от навязчивого стремления проникнуть во все. И если ты примешь это во внимание, то вместо того, чтобы воевать с ним, как ты делаешь это сейчас, ты сможешь протянуть ему руку помощи.

– Как мне сделать это, дон Хуан?

– Направляя его поведение или, иными словами, отслеживая его²¹ (с помощью сталкинга его).

Он объяснил, что поскольку все, связанное с энергетическим телом, зависит от надлежащего положения точки сборки, и поскольку сновидение является ничем иным, как способом смещать ее, то сталкинг (выслеживание), таким образом, является способом заставить точку сборки оставаться неподвижной в идеальном положении, которое в этом случае является положением, в котором энергетическое тело может быть сгруппировано (укреплено)²² и откуда, в конце концов, оно может выйти²³.

Дон Хуан сказал, что, как полагают маги, в тот момент, когда энергетическое тело обретает способность двигаться самостоятельно, оптимальное положение точки сборки достигнуто. Следующим шагом является выследить ее²⁴, то есть зафиксировать в этой позиции для того, чтобы завершить энергетическое тело. Он

²¹ By *stalking* it

²² To consolidate – см. стр. 161

²³ To emerge – появляться, всплывать, выходить.

²⁴ To *stalk* it

отметил, что эта процедура есть сама простота. Человек намеревается выследить ее²⁵.

Он замолчал, и мы выжидающе посмотрели друг на друга. Я ожидал, что он скажет больше, а он ожидал, что я подтвержу, что понял его слова. Но я не понимал.

– Позволь своему энергетическому телу намереваться оптимальной позиции сновидения, – объяснил он. – Затем позволь своему энергетическому телу намереваться оставаться в этой позиции, и ты будешь выслеживать²⁶.

Он сделал паузу, глазами побуждая меня внимательно рассмотреть свое утверждение.

– Секрет в намеревании, но ты уже знаешь это, – сказал он. – С помощью намеревания маги смещают свои точки сборки и фиксируют их также с помощью намеревания. А для намеревания не существует техники. Человек намеревается путем использования²⁷.

В этом месте мои дикие предположения о своей ценности как мага были неизбежны. Я был безгранично уверен в том, что нечто направит меня на намеревание фиксации моей точки сборки в идеальном месте. В прошлом я уже совершал всевозможные удачные маневры, не имея понятия, как мне это удавалось. Сам дон Хуан удивлялся моей способности или моему везению, и я был уверен, что так случится и на этот раз. Но я грубо ошибался. Что бы я ни делал и как долго я ни ждал, мне никак не удавалось зафиксировать точку сборки хоть где-нибудь, не говоря уже об идеальном месте.

После месяцев упорных, но неудачных попыток я сдался.

– Знаешь, я на самом деле верил, что смогу сделать это, – сказал я дону Хуану сразу же, как только вошел в его дом. – Боюсь, что сейчас, я страдаю от своей эгомании больше, чем когда-либо.

²⁵ One intends to *stalk* it.

²⁶ And you will be *stalking* - ... и ты будешь заниматься *сталкингом*.

²⁷ One intends through usage. Usage – употребление, применение, использование, обращение.

– На самом деле это не так, – сказал он с улыбкой. – Случилось так, что ты снова запутался в своем обычном неправильном понимании терминов. Ты стремишься найти нужное место так, будто ищешь потерянные ключи от машины. Затем ты хочешь привязать к нему свою точку сборки так, как завязывают шнурки. Идеальное место для точки сборки, а также ее фиксация – это метафоры. Они не имеют никакого отношения к словам, используемым для их описания.

Затем он попросил меня рассказать ему о самых последних событиях в моей практике сновидения. Я сразу же упомянул, что моя склонность быть поглощаемым деталями предметов существенно уменьшилась. Я сказал, что это, возможно, произошло потому, что я был вынужден постоянно перемещаться во сне. Таким образом, движение, возможно, было тем, что всегда останавливало меня до того, как я погружался в детали. Останавливаясь подобным образом, я получил возможность исследовать процесс своего поглощения деталями. Я пришел к выводу, что неживая материя в действительности обладает парализующей силой, которую я видел как луч тусклого света, приковывающий меня к месту. Например, много раз было так, что небольшая отметина на стене или узор древесных волокон на паркетном полу в моей комнате излучал поток света, который обездвиживал меня. С того момента, как мое внимание сновидения сосредоточивалось на этом свете, все сновидение начинало вращаться вокруг одной этой незначительной детали. Я видел, как ее размер увеличивался едва ли не до космических масштабов. Такое рассматривание обычно продолжалось, пока я не просыпался, оказавшись, как правило, прижатым носом к стене или к деревянному полу. Мои наблюдения показывали, что, во-первых, я наблюдал детали из реального мира, а, во-вторых, казалось, что я созерцал их, когда спал.

Дон Хуан улыбнулся и сказал:

– Все это происходит с тобой потому, что выковывание твоего энергетического тела закончилось тогда, когда ты начал двигаться сам. Я не говорил тебе об этом прямо, но намекал на это. Я хотел увидеть, сможешь ли ты обнаружить это сам, что ты, конечно же, и сделал.

Я не имел представления, что он имеет в виду. Дон Хуан испытующе смотрел на меня, как это он обычно делал. Его пронизывающий взгляд прошелся по всему моему телу.

– Что именно я обнаружил сам, дон Хуан? – вынужден был спросить я.

– Ты обнаружил, что формирование твоего энергетического тела закончилось, – ответил он.

– Я не обнаруживал ничего подобного, уверяю тебя.

– Нет, ты сделал это. Это началось раньше, когда ты не мог подыскать способа установить реальность своих снов, но затем что-то в тебе начало работать, давая знать, обычный это сон или нет. Это что-то и было твоим энергетическим телом. Сейчас ты отчаиваешься, что не можешь найти идеального места для фиксации своей точки сборки. Но я говорю тебе, что ты уже нашел его. Доказательством может служить тот факт, что, двигаясь везде, твое энергетическое тело прекращает попадать под влияние деталей.

Я был ошеломлен. Я не мог даже задать ни одного из своих жалких вопросов.

– За этим следует то, что называют жемчужиной магов, – продолжал дон Хуан. – Ты будешь практиковать видение энергии в сновидении. Ты справился с заданием третьих врат сновидения: научиться самостоятельно перемещать энергетическое тело. Теперь ты будешь работать над настоящей задачей: видением энергии с помощью своего энергетического тела.

– Ты уже видел энергию раньше, – говорил он, – на самом деле, много раз. Но каждый раз до сих пор твое видение было случайным. Теперь ты будешь заниматься этим целенаправленно.

– У сновидящих есть правило большого пальца, – продолжал он, – если энергетическое тело сформировано, человек видит энергию каждый раз, когда пристально смотрит на любой предмет реального мира. Если же он видит энергию предмета во сне, – он тем самым может узнать, что имеет дело с реальным миром, каким бы искаженным ни казался мир для его внимания сновидения. Если же он не может видеть энергию предметов, то он в обычном сне, а не в реальном мире.

– Что такое реальный мир, дон Хуан?

– Это мир, порождающий энергию; он представляет собой противоположность призрачного мира проекций, где ничего не порождает энергию, подобно большинству наших снов, где ничего не имеет энергетического эффекта.

Затем дон Хуан дал мне еще одно определение: сновидение – это процесс, посредством которого сновидящие могут выделить такие обстоятельства²⁸ сна, в которых они могут обнаружить предметы, порождающие энергию. Должно быть, он заметил мое замешательство. Он засмеялся и дал мне еще одно, еще более витиеватое определение: сновидение – это процесс, с помощью которого мы намереваемся найти адекватные положения точки сборки; положения, дающие нам возможность воспринимать порождающие энергию предметы в сноподобных состояниях.

Он объяснил, что энергетическое тело способно также воспринимать энергию, которая существенно отличается от энергии нашего обычного мира. Так происходит в случае предметов, наблюдаемых в мире неорганических существ, которых энергетическое тело воспринимает как шипящую энергию. Он добавил, что в нашем мире ничто не шипит; здесь все колеблется²⁹.

– Начиная с этого времени, – сказал он, – задачей твоей практики сновидения будет определение того, принадлежат ли предметы, на которых сконцентрировано твое внимание сновидения, к порождающим энергию, к обычным иллюзорным видениям или порождающим чужеродную энергию.

Дон Хуан сказал, что надеялся, что я сам предложу идею видения энергии как способа определить, наблюдаю ли я свое реальное спящее тело. Он посмеялся над моими изощренными попытками определить это, надевая каждые четыре дня другую ночную одежду. Он сказал, что у меня с самого начала была под рукой вся информация, необходимая для того, чтобы понять, что являлось реальной задачей третьих врат сновидения и прийти к правильному решению, но моя система интерпретаций вынудила меня искать обходные решения, в которых отсутствовала проста и прямота магии.

²⁸ Conditions – условия, режим, состояние, обстоятельства.

²⁹ To waver – колыхаться, колебаться.

Глава 9. Новая область исследования

Дон Хуан сказал мне, что для того, чтобы видеть в сновидении, я должен не только намереваться видеть, но и выражать мое намерение в словах громким голосом. По причине, которую он отказался объяснить, он настаивал на том, что мы должны высказать свое намерение громко и отчетливо. Он признал, что существуют и другие пути достигнуть того же результата, но при этом заметил, что выразить свое намерение вслух – это простейший и самый прямой способ.

Я впервые выразил словами свое намерение видеть, когда сновидел рынок вблизи церкви. Там было такое обилие всевозможных вещей, что я никак не мог решить, на какую из них обратить свое внимание. Огромная, бросающаяся в глаза ваза в углу невольно определила мой выбор. Я пристально взглянул на нее, выражая вслух свое намерение видеть. Ваза оставалась в поле зрения еще один миг, а затем превратилась в другой предмет.

В этом сновидении я рассмотрел множество всевозможных предметов. Каждый раз после того, как я выражал вслух свое намерение видеть, выбранный мною для созерцания предмет исчезал или превращался в еще что-нибудь, как это постоянно происходило в моей практике сновидения. В конце концов мое внимание сновидения истощилось, и я проснулся, чувствуя себя ужасно раздраженным, почти сердитым.

На протяжении нескольких месяцев я внимательно рассматривал в своих сновидениях сотни предметов, сознательно декларируя свое намерение видеть, – но ничего не происходило. Устав от ожидания, я обратился с вопросом к дону Хуану.

– Прояви терпение. Ты обучаешься удивительным вещам, – заметил он. – Ты учишься намереваться видеть в сновидении. Придет время, когда тебе уже больше не нужно будет выражать вслух свое намерение; достаточно будет лишь молча пожелать этого.

– Мне кажется, я не понял смысл того, что делаю, – сказал я. – Ведь когда я выкрикиваю свое намерение видеть, ничего не происходит. Что это значит?

– Это значит, что твои сны до сих пор были обычными снами; в них ты встречался с иллюзорными проекциями, образами, которые существуют только в твоём внимании сновидения.

Он хотел точно знать, что происходило с объектами, на которых я фиксировал взгляд. Я сказал, что они исчезали, изменяли очертания или даже порождали завихрения³⁰, которые в конце концов изменяли мои сны.

– Происходит то же самое, что и в моей обычной практике сновидения, – сказал я. – Единственное заметное отличие теперь в том, что я учусь вопить во сне во весь голос.

Мои последние слова вызвали у дона Хуана настоящий припадок утробного смеха, который привел меня в замешательство. Я не мог понять, что такого смешного сказал, и почему он так среагировал на это.

– Когда-нибудь ты оценишь, как это все забавно, – сказал он в ответ на мой молчаливый протест. – А пока не сдавайся и не падай духом. Продолжай свои попытки. Рано или поздно ты добьешься своего.

Как всегда, он был прав. Через несколько месяцев я сорвал-таки банк. Мне приснился совершенно необычный сон. Начался он с появления лазутчика из мира неорганических существ. Лазутчики, так же, как эмиссар сновидения, в течение последнего времени как-то странно исчезли из моих снов. Я не скучал по ним и не анализировал причин их исчезновения. На самом деле мне это было уже совершенно не нужно, и я даже забыл спросить дона Хуана об их отсутствии.

В этом сне лазутчик был вначале огромным желтым топазом, который я нашел за задней стенкой выдвижного ящика стола. В тот

³⁰ Vortex – см. стр. 87

момент, когда я выразил свое намерение видеть, топаз превратился в пузырек шипящей энергии. Я испугался, что буду вынужден последовать за ним, и поэтому перевел взгляд с лазутчика на аквариум с тропическими рыбками. Я выразил намерение видеть и был сильно удивлен. Аквариум начал излучать слабое зеленоватое сияние, а затем превратился в большой сюрреалистический портрет женщины в драгоценных украшениях. Портрет светился тем же самым зеленоватым свечением, которое излучал аквариум.

Пока я наблюдал это сиянием, ход сна изменился. Я шел по улице города, который казался мне знакомым. Это мог быть Таксон. Я начал разглядывать витрину магазина женской одежды и громко заявил о своем намерении видеть. Сразу же засиял черный манекен, выставленный на видном месте. Затем я посмотрел на служащую магазина, которая как раз появилась в окне, собираясь переоформлять витрину. Она посмотрела на меня. Выразив вслух свое намерение, я увидел, как она сияет. Это было настолько потрясающе, что я испугался, как бы какая-то деталь ее восхитительного сияния не увлекла и не поглотила меня, но женщина вернулась в помещение до того, как все мое внимание успело сосредоточиться на ней. Конечно же, у меня возникло намерение последовать за ней; однако, мое внимание сновидения оказалось пойманным движущимся сиянием. Оно с ненавистью бросилось на меня. Оно было исполнено отвращения и злобы. Я отскочил назад. Сияние остановило свою атаку; темнота поглотила меня, и я проснулся.

Образы были настолько яркими, что я не сомневался, что видел энергию и что мой сон был одним из тех состояний, которые дон Хуан назвал снопоподобными, генерирующими энергию. Мысль о том, что события сна могут происходить в нашей привычной реальности обыденного мира, заинтриговала меня не менее чем образы из мира неорганических существ.

– На этот раз ты не только видел энергию, но и пересек опасную грань, – сказал дон Хуан, выслушав мой рассказ.

Он повторил, что задача третьих врат сновидения состоит в том, чтобы заставить энергетическое тело двигаться самостоятельно. По

его словам, в своем последнем эксперименте я ненамеренно перевыполнил ее и перешел в другой мир.

– Твое энергетическое тело двигалось, – сказал он. – Оно путешествовало само по себе. На данный момент подобные путешествия находятся за пределами твоих возможностей, и нечто атаковало тебя.

– Как ты думаешь, что это было, дон Хуан?

– Это – вселенная хищников. Ты мог столкнуться с одной из тысяч не слишком приятных вещей, существующих в ней.

– Как ты думаешь, почему оно меня атаковало?

– По той же причине, по которой ты был атакован неорганическими существами – ты сделался доступным.

– Так просто, дон Хуан?

– Конечно. Представь, что какой-нибудь диковинный паук вдруг упал бы на стол, за которым ты пиешь. Испугавшись, ты, возможно, раздавил бы его, но вряд ли стал бы им восторгаться или его рассматривать.

Растерявшись, я подыскивал слова, желая спросить его, где происходили события из моего сна или в каком мире я находился в том сне. В то же время я и сам чувствовал, что в такой постановке эти вопросы бессмысленны. Дон Хуан, казалось, прекрасно меня понимал.

– Ты хочешь знать, где было сфокусировано твое внимание сновидения, не так ли? – спросил он, широко улыбаясь.

Это как раз соответствовало тому, как я хотел бы сформулировать свой вопрос. Я считал, что в рассматриваемом сновидении я должен был смотреть на какой-то настоящий предмет. Как было тогда, когда я видел в сновидении мельчайшие детали пола, стен или двери в свою комнату, детали, существование

которых впоследствии было подтверждено мной, когда я бодрствовал.

Дон Хуан сказал, что в особых сновидениях, подобных этому, наше внимание фокусируется на обычном мире и постоянно перемещается от одного реального объекта к другому. Это движение возможно благодаря расположению точки сборки в надлежащей позиции сновидения. Находясь в этом положении, точка сборки делает внимание сновидения настолько текучим, что оно может в один миг переметнуться на невероятные расстояния. Когда это происходит, возникает восприятие такого быстрого, такого мимолетного типа, что оно напоминает обычный сон.

Дон Хуан объяснял, что в своем сновидении я видел настоящую вазу, а затем мое внимание сновидения переместилось на огромное расстояние, чтобы видеть настоящий сюрреалистический портрет женщины с драгоценностями. Если не считать видения мною энергии, то все, что я наблюдал в этом сновидении, в итоге было очень похоже на обычный сон, в котором рассматриваемые предметы быстро превращаются во что-то иное.

– Я знаю, как это беспокоит, – продолжал он, очевидно заметив мою растерянность. – По некоторой причине, относящейся к нашему уму, видение энергии в сновидении расстраивает больше, чем что бы то ни было.

Я отметил, что и раньше видел энергию в сновидении, но это никогда не воздействовало на меня так.

– Теперь формирование твоего энергетического тела завершено, и оно работает, – сказал он. – Поэтому твое видение энергии в сновидении означает, что ты воспринимаешь реальный мир сквозь завесу сна. Вот в чем важность твоего путешествия. Оно было реальным. Ты столкнулся с вещами, порождавшими энергию, которые чуть было не погубили тебя.

– Было ли это столь серьезно, дон Хуан?

– Клянусь! Существо, нападавшее на тебя, было создано из чистого сознания и было таким же смертельно опасным, каким

может быть любое другое живое существо. Ты видел его энергию. Уверен, что теперь ты понял, что если мы не видим в сновидении, то нет никакой возможности отличить реальную энергообразующую вещь от иллюзорного видения. Поэтому, даже несмотря на то, что ты сражался с неорганическими существами и по-настоящему видел лазутчиков и туннели, твое энергетическое тело не знает наверняка, были ли они реальными, то есть – генерирующими энергию. Ты, возможно, уверен в этом на девяносто девять, но не на сто процентов.

Дон Хуан настаивал на разговоре о моем путешествии. Но по какой-то необъяснимой причине я уклонялся от этой темы. То, что он сам говорил об этом, оказывало на меня мгновенное и странное воздействие. Я обнаружил, что неизменно сталкиваюсь лицом к лицу с глубоким, непонятным страхом; он был темным и навязчивым и шел изнутри.

– Ты явно перешел в другой слой луковицы, – сказал дон Хуан, закончив реплику, которой я не уделил внимания.

– Что за другой слой луковицы, дон Хуан?

– Мир похож на луковицу со многими слоями. Тот мир, который мы знаем – это лишь один из них. Иногда мы пересекаем границы и входим в другой слой, в другой мир, очень похожий на наш, но не тот же самый. И ты совершенно самостоятельно вошел в один такой.

– Как оказалось возможным такое путешествие, о котором ты говоришь, дон Хуан?

– Это бессмысленный вопрос, потому что на него нельзя ответить. С точки зрения магов, вселенная составлена из слоев, которые энергетическое тело может пересекать. Знаешь ли ты, где маги прошлого живут по сей день? В другом слое луковицы.

– Мне очень сложно понять или принять идею настоящего прагматического путешествия в сновидении, дон Хуан.

– Мы уже обсуждали этот вопрос до изнеможения. Я был убежден, что ты понял, что путешествие энергетического тела зависит исключительно от позиции точки сборки.

– Ты говорил мне это. Я пережевывал эту идею множество раз, но все же утверждение о том, что путешествие заключается в позиции точки сборки, ни о чем мне не говорит.

– Твои затруднения – в твоем цинизме. Я был точно таким, как ты. Наш цинизм не позволяет нам глубоко изменить понимание мира. И еще он заставляет нас чувствовать, что мы всегда правы.

Я прекрасно понимал то, о чем он говорит, но напомнил ему о том, что постоянно борюсь с этой своей чертой.

– Предлагаю тебе выполнять одно бессмысленное действие, которое поможет событиям принять другой оборот, – сказал он. – Постоянно повторяй про себя, что суть магии – в тайне точки сборки. Если ты достаточно долго будешь это повторять про себя, какая-то незримая сила возьмет верх и вызовет в тебе нужные изменения.

Дон Хуан никак не показал, что его слова являются шуткой. Я знал, что он имел в виду в точности то, что сказал. Больше всего меня беспокоило его настойчивое требование, чтобы я постоянно повторял про себя эту формулу. Я поймал себя на мысли, что все это просто глупо.

– Измени свое циничное отношение к этому, – перебил он мои сомнения. – Повторяй эти слова самым добросовестным образом.

– Тайна точки сборки – это все в магии, – продолжал он, не глядя на меня. – Или, пожалуй, так – все в магии основано на манипулировании точкой сборки. Ты все это знаешь, но ты должен повторять это.

Слушая его замечания, мне на миг показалось, что я сейчас умру от страдания. Невероятное чувство физической печали сжало мою грудь и заставило меня закричать от боли. Мой желудок и диафрагма, казалось, давили вверх, заполняя мою грудную клетку. Это давление было таким интенсивным, что мой уровень осознания

изменился и я вошел в свое обычное состояние. Все, о чем мы говорили, стало туманной мыслью о том, что могло случиться, но не случилось, согласно мирской логике моего повседневного осознания.

В следующий раз, когда мы с доном Хуаном говорили о сновидении, мы обсуждали причины, по которым я не мог продолжать свою практику сновидения уже на протяжении нескольких месяцев. Дон Хуан предупредил меня, что для объяснения моего положения ему придется пойти окольным путем. Он, прежде всего, указал на то, что между мыслями и действиями людей древности, с одной стороны, и современных людей – с другой, существует громадное различие. Затем он отметил, что люди былых времен обладали очень реалистичным взглядом на восприятие и осознание. Потому что их видение проистекало из их наблюдений окружающей вселенной. Современные люди, в отличие от них, обладают до абсурдности нереалистичным взглядом на восприятие и осознание, потому что их взгляды основываются на их наблюдении общественного порядка и собственного взаимодействия с ним.

– Зачем ты говоришь мне это? – спросил я.

– Потому что ты – современный человек, сталкивающийся с мировоззрением и наблюдениями людей древности, – ответил он. – И они тебе совершенно не знакомы. Теперь, больше чем когда-либо, тебе нужно быть трезвым и настойчивым. Я пытаюсь построить прочный мост, по которому ты мог бы пройти, мост между взглядами людей древности и взглядами современного человека.

Он отметил, что я был лишь с одним из множества трансцендентальных наблюдений людей древности, дошедшим до наших дней. Речь шла об идее продажи своей души дьяволу в обмен на бессмертие. Он признался, что эта идея звучит для него как эхо отношений между магами прошлого и неорганическими существами. Он напомнил мне, как эмиссар в сновидении пытался вынудить меня остаться в его мире, предлагая мне за это возможность сохранить индивидуальность и самосознание на почти бесконечное время.

– Как ты знаешь, уступка обольщению неорганических существ – это не просто идея; это – реальность, – продолжал дон Хуан. – Но ты еще не понял до конца, чем чревата эта реальность. Сновидение тоже реально; это состояние порождения энергии. Когда ты слышишь мои слова, ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду, но твое осознание все еще не ухватило полного смысла всего этого.

Дон Хуан сказал, что моя рациональность знала, что означает подобное понимание, и поэтому во время нашего последнего разговора она вынудила мое осознание изменить уровни. И я оказался в своем обычном состоянии сознания, так и не разобравшись в тонкостях своего сна. В дальнейшем моя рациональность продолжала защищаться, приостановив мою практику сновидения.

– Уверю тебя, что я полностью осознаю, что такое состояние³¹ порождения энергии, – сказал я.

– А я уверю тебя, что не осознаешь, – возразил он. – Если бы это было не так, ты бы относился к сновидению с большим вниманием и ответственностью. Но так как ты уверен, что всего лишь спишь, – ты делаешь выбор вслепую. Твои ошибочные суждения говорят тебе, что независимо от происшедшего в сновидении сон когда-нибудь закончится, и ты проснешься.

Он был прав. Несмотря на все то, что я наблюдал в ходе своей практики сновидения, каким-то образом я все еще сохранял основное чувство того, что все это было сном.

– Я рассказывал тебе о взглядах людей прошлого и современных людей, – продолжал дон Хуан, – потому что твое осознание, являясь осознанием современного человека, имея дело с незнакомыми концепциями, предпочитает рассматривать их в качестве пустой идеализации.

– Если бы я оставил это на твое усмотрение, ты бы рассматривал сновидение как некую абстрактную идею. Конечно же,

³¹ Condition – см. стр. 185

я уверен, что ты относишься к нему серьезно, но ты не полностью веришь в реальность сновидения.

– Я понимаю, о чем ты говоришь, дон Хуан, но не понимаю, зачем.

– Я говорю все это потому, что ты сейчас впервые находишься в положении, подходящем для того, чтобы понять, что сновидение является состоянием порождения энергии. В первый раз ты можешь сейчас понять, что обычные сны – это подготовительные средства, используемые нами для тренировки точки сборки в целях достижения ею позиции, которая создает это, порождающее энергию состояние, называемое нами сновидением.

Он предупредил меня, что поскольку сновидящие соприкасаются и входят в реальные миры, способные всячески на них воздействовать, они должны постоянно находиться в состоянии непрерывной и напряженной бдительности. Любое отклонение от полной бдительности подвергает сновидящих более чем ужасающей опасности.

Я начал в этот момент снова ощущать движение в моей грудной клетке, точно такое же, как в тот день, когда мой уровень осознания самопроизвольно изменился. Дон Хуан сильно встряхнул меня за руку.

– Рассматривай сновидение как очень опасное занятие! – приказал он мне. – Начинай прямо с этого дня! И не начинай никаких из своих странных маневров.

Тон его голоса был таким настойчивым, что я прекратил делать то, что непроизвольно делал.

– Что это со мной происходит, дон Хуан? – спросил я.

– С тобой происходит то, что ты можешь смещать свою точку сборки быстро и легко, – сказал он. – Однако этой легкости присуща тенденция к беспорядочным смещениям. Приведи свою легкость к порядку. И не позволяй себе ни малейшего отклонения.

Я бы мог легко начать спор, что я не знаю, о чем он говорит, но я знал. Я также знал, что у меня есть лишь несколько секунд, чтобы собрать свою энергию и изменить свое отношение к его словам, что я и сделал.

На этом тогда наше общение закончилось. Я уехал домой и в течение почти года добросовестно и регулярно повторял то, что дон Хуан просил меня произносить. Результат моих молитвоподобных вызваний был невероятен. Я был твердо убежден, что они имели такое же влияние на мое восприятие, какое физические упражнения оказывают на мышцы тела. Моя точка сборки стала более подвижной, а это означало, что видение энергии в сновидении стало главной целью моей практики. Мое умение намереваться видеть возросло пропорционально моим усилиям. Настало время, когда я стал способен, не произнося ни слова, лишь намереваться видеть и сразу же достигать того же результата, что и в случае высказывания своего намерения вслух.

Дон Хуан поздравил меня с этим достижением. Естественно, я считал, что он надо мной насмехается. Но он подтвердил, что действительно считает мои занятия успешными. Все же он попросил меня продолжать выкрикивать намерение, по крайней мере, тогда, когда я сомневался. Его требование не оказалось для меня странным. И поэтому я вопил в своих снах во весь голос каждый раз, когда мне это казалось необходимым.

Я открыл, что энергия нашего мира колеблется. Она мерцает. Не только живые существа, но и все вообще в нашем мире тускло светится своим собственным внутренним светом. Дон Хуан объяснил, что энергия нашего мира состоит из слоев мерцающих цветов. Верхний слой – белесый; следующий за ним – зеленовато-желтый³², а за ним – янтарный.

Я обнаружил все эти оттенки, или, лучше сказать, что я видел их мерцание, когда предметы, встречаемые мной в сноподобных состояниях, меняли свои очертания. Однако белое сияние было первым при видении чего-либо, порождающего энергию.

³² Chartreuse – бледно-зеленый цвет, зеленовато-желтый цвет.

– Существует только три оттенка? – спросил я дон Хуана.

– Их бесконечное число, – ответил он, – но в целях поддержания порядка в начале, ты должен интересоваться только этими тремя. Позднее ты усложнишь это, насколько захочешь, и выделишь десятки оттенков, если, конечно, сможешь.

– Белесоватый слой – это оттенок, свойственный нынешнему положению точки сборки человечества, – продолжал дон Хуан. – Будем говорить, что это современный цвет. Маги считают, что все, совершаемое человеком, в наши дни отмечено этим беловатым сиянием. В одно время положение точки сборки человечества привело к тому, что господствующая энергия в мире была зеленовато-желтая; а еще раньше она была янтарной. Цвет энергии магов – тоже янтарный, что означает их энергетическую связь с людьми, жившими в далеком прошлом.

– Думаешь ли ты, дон Хуан, что современный белый цвет энергии когда-нибудь изменится?

– Если человек окажется способным эволюционировать. Великая задача магов состоит в том, чтобы распространить идею, согласно которой для эволюции человека ему вначале необходимо освободить свое осознание от оков общественного порядка. Как только его осознание станет свободным, намерение направит его на новый путь развития.

– Ты думаешь, что магам удастся справиться с этой задачей?

– Им уже удалось. Они сами – живой пример этому. А убедить других в важности и необходимости эволюционирования – это другое дело.

Другим типом энергии, который я обнаружил в нашем мире, была энергия лазутчиков. Это была чужеродная энергия, которую дон Хуан назвал шипящей. Я встречал десятки объектов в своих снах, которые, после того, как я видел их, превращались в пузыри энергии, кипящие и, казалось, пузырящиеся вследствие каких-то внутренних тепловых процессов.

– Запомни, что не каждый лазутчик, которого ты встретишь, принадлежит миру неорганических существ, – заметил дон Хуан. – Каждый лазутчик, которого до сих пор ты обнаруживал, за исключением голубого лазутчика, принадлежал этому миру. Но так получилось потому, что неорганические существа потакали тебе. Они направляли шоу. Теперь ты независим. Некоторые из лазутчиков, которых ты встретишь, не будут принадлежать миру неорганических существ, они будут из других, еще более отдаленных уровней осознания.

– А эти лазутчики осознают себя? – спросил я.

– Конечно же, – ответил он.

– Тогда почему же они не вступают с нами в контакт, когда мы бодрствуем?

– Они-то вступают, но беда в том, что наше сознание так сильно занято, что у нас нет времени замечать их. Однако когда мы спим, люк с двусторонним движением открывается – мы видим сны. И в наших снах мы входим с ними в контакт.

– Можно ли как-нибудь узнать, приходят ли лазутчики из уровней, существующих помимо мира неорганических существ?

– Чем сильнее «шипит» их энергия, тем из более удаленных мест они приходят. Это звучит упрощенно, но ты должен дать возможность своему энергетическому телу сказать тебе, что есть что. Уверяю тебя, оно будет чувствовать тончайшее различие и делать безошибочные выводы при столкновении с чужеродной энергией.

И снова он был прав. Мое энергетическое тело без труда различало два основных типа чужеродной энергии. Первый был присущ лазутчикам из мира неорганических существ. Их энергия слегка шипела. Шипение было беззвучным, но оно имело все видимые признаки выделения пузырьков газа из воды, которая начинает кипеть.

Энергия второго общего типа лазутчиков создала у меня впечатление наличия более значительного могущества. Эти

лазутчики, казалось, вот-вот вспламенятся. Они вибрировали изнутри так, будто бы были заполнены газом, находящимся под давлением.

Мои столкновения с чужеродной энергией всегда были непродолжительными, потому что я всегда придерживался рекомендаций дона Хуана. Он сказал, что если при встрече с враждебной энергией ты не знаешь точно, что делаешь, или что ты от нее хочешь, довольствуйся быстрым взглядом. Что-нибудь помимо такого взгляда так же опасно и безумно, как игра с гремучей змеей.

– Почему это опасно, дон Хуан? – спросил я.

– Лазутчики всегда очень агрессивны и крайне дерзки, – сказал он. – Они вынуждены быть такими, чтобы добиваться цели в своих исследованиях. Удержание на них нашего внимания сновидения равносильно просьбе к их осознанию сфокусироваться на нас. А как только они фокусируют на нас свое осознание, мы вынуждены отправиться с ними. А это, конечно же, опасно. Ведь мы можем оказаться в мирах, находящихся за пределами наших энергетических возможностей.

Дон Хуан объяснил, что существует много больше типов лазутчиков, чем те два, которые я перечислил. Но на моем теперешнем уровне энергии я могу встретиться только с тремя из них. Он сказал, что тех двух, которых я описал, заметить легче всего. Их маскировка в наших снах настолько необычна, что, по его словам, они сразу же привлекают наше внимание сновидения. Он представил третий тип лазутчиков как самый опасный, как в смысле агрессивности и могущества, так и по причине того, что они очень тонко маскируются.

– Одна из самых странных вещей, которые обнаруживают сновидящие и которую ты сам скоро обнаружишь, – продолжал дон Хуан, – это третий тип лазутчиков. Пока ты встречал только представителей первых двух типов, но это потому, что ты не смотрел, куда следует.

– А куда следует смотреть, дон Хуан?

– Ты снова попался на удочку слов; на этот раз тебя поймало слово «объекты», которое ты воспринимаешь только в значении «вещи, предметы». Так вот, самые свирепые лазутчики прячутся в наших снах под масками людей. Меня ожидал большой сюрприз, когда я в своем сновидении сфокусировался на образе своей матери. После того, как я выразил свое намерение видеть, она превратилась в зловещий пузырь клокочущей энергии.

Дон Хуан сделал паузу, чтобы я осознал его слова. Я чувствовал себя глупо в связи с тем, что меня встревожила возможность обнаружить в сновидении лазутчика, скрывающегося за образом моей матери.

– Противно то, что они обычно связаны с образами наших родителей и близких друзей, – продолжал он. – Возможно, именно поэтому мы зачастую чувствуем беспокойство, когда они нам снятся. – Его улыбка дала мне понять, что его веселит мое смятение. Среди сновидящих есть правило считать, что третий тип лазутчиков встречается им всегда, когда они чувствуют тревогу в связи с появлениями родственников или друзей во снах. Можно только посоветовать избегать этих образов в сновидении. Они – истинный яд.

– А где по отношению к другим лазутчикам находится голубой лазутчик? – спросил я.

– Голубая энергия не шипит, – ответил он. – Она колеблется, но имеет голубой цвет, а не белый. Голубая энергия не существует в естественном виде в нашем мире. А это подводит нас к тому, о чем мы еще никогда не разговаривали. Какого цвета были лазутчики, которых ты видел до сих пор?

До того момента, когда он спросил об этом, я никогда не думал на эту тему. Я сказал дону Хуану, что лазутчики, которых я видел, были либо розовыми, либо красноватыми. А он сказал, что смертельно опасные лазутчики третьего типа были ярко-оранжевыми.

Я обнаружил, что третий тип лазутчиков чрезвычайно страшен. Каждый раз, когда я встречался с одним из них, я находил их

скрывающимися за образом моих родителей, чаще всего матери. Видение этого образа всегда напоминало мне о том пузыре энергии, который напал на меня в том моем сновидении, в котором я впервые целенаправленно видел. Каждый раз, когда я сталкивался с ним, чужеродная разведывающая энергия, казалось, вот-вот буквально набросится на меня. Мое энергетическое тело обычно реагировало на нее ужасом еще до того, как я видел ее.

Во время нашего следующего обсуждения сновидения я спросил у дона Хуана о нынешнем полном отсутствии неорганических существ в моей практике сновидения.

– Почему они больше не показываются? – спросил я.

– Они появляются только в начале, – объяснил он. – После того, как их лазутчики проводят нас в их мир, больше нет надобности в проекциях неорганических существ. Если мы хотим видеть неорганические существа, лазутчик сопровождает нас туда. Ведь никто, я подчеркиваю – никто не может сам путешествовать в их мир.

– А почему это так, дон Хуан?

– Их мир плотно закрыт. Никто не может войти туда или выйти оттуда без их разрешения. Единственное, что ты можешь сделать сам, когда ты находишься в их мире, это, конечно, заявить о своем намерении остаться там. Произнести намерение вслух означает возбудить движение потоков энергии, которое уже нельзя повернуть вспять. В былые времена слова были невообразимо могущественны. Теперь это не так. Но в мире неорганических существ они все еще не потеряли силу.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что ему не следует говорить ничего о мире неорганических существ, потому что я на самом деле знаю о нем больше, чем он и все его друзья, вместе взятые.

– Существует еще одна связанная с их миром тема, которую мы еще не обсуждали, – сказал он.

Он промолчал довольно долго, будто бы подыскивая подходящие слова.

– В конечном счете, – начал он, – моя антипатия к действиям магов прошлого глубоко личная. Как нагуаль я презираю то, что они делали. Они трусливо искали прибежища в мире неорганических существ. Они считали, что во вселенной, населенной хищниками, которые только и ждут, чтобы разорвать нас на куски, единственный рай для нас – это их мир.

– Почему они верили в это? – спросил я.

– Потому что это правда, – сказал он. – Поскольку неорганические существа не могут лгать, партия товаров, предлагаемых эмиссаром сновидения, полностью соответствует рекламе. Их мир может дать нам укрытие и продлить наше осознание почти навечно.

– Товар эмиссара, будь он самым прекрасным, мне совсем не нравится, – сказал я.

– Значит ли это, что ты выберешь путь, где тебя могут разорвать на куски? – спросил он с ноткой недоумения в голосе.

Я заверил дона Хуана, что не хочу пребывать в мире неорганических существ, несмотря на все его преимущества. Мои слова, казалось, бесконечно обрадовали его.

– Теперь ты готов к тому, чтобы услышать последнее заявление, касающееся их мира. Это самые страшные сведения из всех, которые я тебе могу сообщить, – сказал он и попытался улыбнуться. Но это у него получилось не очень удачно.

Дон Хуан пристально посмотрел мне в глаза. Я думаю, что он искал в них проблеск согласия или понимания. Некоторое время он молчал.

– Энергия, необходимая для перемещения точки сборки мага, находится в мире неорганических существ, – сказал он, будто желая поскорее отделаться от этого.

Мое сердце чуть не остановилось. Я почувствовал головокружение и был вынужден топтать ногами по земле, чтобы не потерять сознание.

– Это истина, – продолжал дон Хуан, – и наследие, доставшееся нам от магов прошлого. Сделав это открытие, они сковали наши возможности. По этой причине я не люблю их. Я терпеть не могу черпать энергию из одного источника. Лично я отказываюсь это делать. И я пытался отвести тебя от него тоже, но безуспешно, потому что тебя притягивает к этому миру, будто магнитом.

Я понял дона Хуана лучше, чем сам ожидал. Путешествие в мир неорганических существ всегда приносило мне на энергетическом уровне заряд темной энергии. Я считал так задолго до того, как дон Хуан сообщил мне об этом.

– Что мы можем с этим поделать? – спросил я.

– Мы не можем заключать с ними соглашения, – ответил он, – и в то же время мы не можем полностью избегать их. Мое решение состоит в том, чтобы брать у них энергию, но не поддаваться их влиянию. Это называется окончательным сталкингом. Это осуществимо посредством поддержания несгибаемого намерения к свободе, несмотря на то, что ни один маг не знает, что такое в действительности свобода.

– Ты можешь мне объяснить, дон Хуан, почему маги вынуждены черпать энергию из мира неорганических существ.

– Другой жизненно необходимой энергии для магов не существует. Для того, чтобы перемещать точку сборки так, как это делают они, магам необходим колоссальный объем энергии.

Я напомнил ему о его собственных словах: для практики сновидения необходимо перераспределение энергии.

– Это верно, – ответил он. – Чтобы начать такую практику, маги должны пересмотреть свои ценности и сохранять энергию. Но эта переоценка эффективна только для того, чтобы обрести энергию, необходимую, чтобы приступить к сновидению. Умение проникать в

другие миры, видеть энергию, формировать энергетическое тело и еще многое — это совсем другое дело. Для всех этих дел магам необходимо большое количество темной чужеродной энергии.

— Но как они получают ее из мира неорганических существ?

— Просто отправляясь в тот мир. Все маги нашей линии должны делать это. Однако ни один из них не был настолько глупым, чтобы заниматься тем, чем занимаешься ты. И это потому, что никто из них не имеет твоих вредных наклонностей.

Дон Хуан отправил меня домой обдумать все то, что он открыл мне. У меня возникло очень много вопросов, но он не захотел выслушать ни один из них.

— На все возникающие у тебя вопросы ты можешь ответить сам, — сказал он и помахал мне на прощанье рукой.

Глава 10. Сталкинг сталкеров

Вернувшись домой, я не смог получить ответ ни на один из своих вопросов. Фактически, я даже не смог сформулировать их. Вероятно, это случилось потому, что граница второго внимания у меня стала размываться: это началось тогда, когда я встретил Флоринду Грау и Кэрол Тиггс в мире обыденной жизни. То смятение, в котором я оказался в связи с тем, что я совсем не знал их до этой нашей встречи, и в то же время чувствовал себя знакомым с ними так близко, что, казалось, отдал бы за них жизнь при малейшей необходимости, оказало на меня очень вредный эффект. Я встретился с Тайшой Абеляр несколькими годами ранее и еще только начинал привыкать к странному ощущению того, что знаю ее, не имея ни малейшего представления, откуда. Добавление еще двух человек к моей уже перегруженной системе было для меня явно чересчур. От перенапряжения и усталости я заболел и был вынужден искать помощи у дона Хуана. Я отправился в город на юге Мексики, где он жил в это время со своими друзьями.

Дон Хуан и его сотоварищи-маги просто лопались от смеха при одном лишь упоминании о моих проблемах. Дон Хуан объяснил мне, что в действительности они смеялись не надо мной, а над собой. Мои познавательные проблемы напомнили им их собственные, с которыми они столкнулись, когда разрушалась граница их второго внимания, как это происходило теперь со мной.

– Их осознание, подобно твоему, не было подготовлено для этого, – сказал он.

– Каждый маг проходит через такую агонию, – продолжал дон Хуан. – Осознание – это бесконечная область исследований для мага и для человека в целом. Для того, чтобы повысить уровень осознания, мы должны идти на любой риск, все средства хороши для этого. Однако знай, что осознание может быть повышено только при наличии здравости ума³³.

³³ Soundness – прочность, крепость; здравость, глубина (ума).

Затем дон Хуан повторил еще раз, что его время пребывания в этом мире подходит к концу и что я должен мудро использовать свои возможности, чтобы охватить как можно больше неизученного материала, прежде чем он уйдет. Такие слова обычно повергали меня в состояние крайней депрессии. Но чем ближе было время его ухода, тем более уверенно я справлялся с этим чувством. Я больше не падал духом, но по-прежнему боялся.

После этого он не сказал больше ничего. На следующий день по его просьбе я поехал с ним на своей машине в Мехико. Мы прибыли туда после полудня и направились прямо в гостиницу «Дель Прадо» в районе Пасео Аламеда. Он обычно останавливался здесь всякий раз, когда бывал в Мехико. В этот день у дона Хуана на четыре часа была назначена встреча с юристом. Поскольку у нас еще была уйма времени, мы отправились пообедать в знаменитый ресторан «Такуба» в центре деловой части города. Этот ресторан славился тем, что там можно было заказать самые изысканные блюда.

Дон Хуан не был голоден. Он взял себе только две небольшие порции сладкого тамале³⁴, в то время как я устроил себе пышное пиршество. Он посмеялся надо мной и молча выражал отчаяние по поводу моего здорового аппетита.

– Я собираюсь предложить тебе выполнить одно задание, – сказал он отрывистым тоном, когда мы закончили обедать. – Это последняя задача третьих врат сновидения. Она представляет собой сталкинг сталкеров³⁵, исключительно загадочный маневр. Выслеживать выслеживателей – означает преднамеренно черпать энергию из мира неорганических существ для того, чтобы совершить магический подвиг.

– Какого рода магический подвиг, дон Хуан?

– Путешествие, использующее осознание как элемент окружающей среды, – объяснил он. – В мире повседневной жизни мы используем воду как часть окружающей среды, пригодную для

³⁴ Толченая кукуруза с мясом и красным перцем, мексиканское блюдо.

³⁵ Stalking the stalkers – выслеживание выслеживателей. В данном случае – выслеживание неорганических существ.

перемещения по ней. Представь себе, что осознание тоже может быть средством, с помощью которого можно путешествовать. Посредством осознания к нам приходят лазутчики со всех концов вселенной; подобно им, маги, в свою очередь, посредством осознания достигают самых удаленных концов вселенной.

Среди всего, о чем рассказывал мне дон Хуан в ходе наших бесед, были идеи, которые привлекали мое неподдельное внимание без всяких уловок с его стороны. Это была одна из таких идей.

– Идея о том, что осознание является физическим элементом (средой), действительно революционна, – сказал я с благоговейным ужасом.

– Я не сказал, что осознание – это физический элемент, – поправил он меня. – Это энергетический элемент. Ты должен понимать это различие. Для видящего мага осознание – это свечение. Они могут сцепить свое энергетическое тело с этим свечением и перемещаться с его помощью.

– В чем различие между физическим и энергетическим элементами? – спросил я.

– Различие в том, что физические элементы являются частью нашей системы интерпретаций, тогда как энергетические – не являются. Энергетические элементы, такие как осознание, тоже существуют в нашей вселенной. Однако мы, как обычные люди, воспринимаем лишь физические элементы, так как были обучены этому. По той же самой причине, по причине того, что они были обучены этому, маги воспринимают энергетические элементы.

Дон Хуан объяснил, что использование осознания как энергетического элемента окружающего нас мира, – это суть магии. С точки зрения практики траектория магии очерчивается так. Первое: освобождение существующей в нас энергии посредством безупречного следования пути мага. Второе: использование этой энергии для развития энергетического тела с помощью сновидения. И третье: использование осознания как части окружающего мира для вхождения, как в энергетическом теле, так и со всей нашей физической составляющей, в другие миры.

– Существует два типа энергетических путешествий в иные миры, – продолжал он. – Первый – когда осознание подхватывает энергетическое тело и доставляет его куда-либо. Другой имеет место, когда маг сам в полной ясности ума решает воспользоваться помощью осознания, чтобы осуществить путешествие. Ты уже знаком с первым типом таких путешествий. Для того, чтобы совершить путешествие второго типа, требуется огромная дисциплина.

После продолжительного молчания дон Хуан отметил, что в жизни магов существуют вещи, требующие мастерского обращения, и что использование осознания как энергетического элемента, доступного энергетическому телу, является наиболее важной, насыщенной и опасной из этих вещей.

Мне нечего было сказать. Я внезапно почувствовал себя сидящим как на иголках и держащимся за каждое его слово.

– Ты сам не обладаешь достаточным количеством энергии, чтобы выполнить эту последнюю задачу третьих врат сновидения, – продолжал он, – но вместе с Кэрл Тиггс вы, определенно, сможете сделать то, что я имею в виду.

Он сделал паузу, специально подталкивая меня своим молчанием к тому, чтобы я спросил, что же он имеет в виду. Я так и сделал, а его смех только усилил мое мрачное настроение.

– Я хочу, чтобы вы вдвоем разрушили границы обычного мира и, воспользовавшись осознанием как энергетическим элементом, вошли в другой, – сказал он. – Эти разрушение и вход (в другой мир) равносильны сталкингу сталкеров. Использование осознания как части окружающего мира позволяет обойти стороной влияние неорганических существ, но подразумевает использование их энергии.

Он не хотел больше ничего сообщать мне, чтобы, как он сказал, не оказывать на меня влияния. Он верил, что чем меньше я знаю о том, что меня ожидает, тем лучше у меня получится. Я не соглашался, но он заверил меня, что, на худой конец, мое энергетическое тело вполне способно само позаботиться о себе.

Из ресторана мы отправились в контору юриста. Дон Хуан быстро разделался со своими делами, и через несколько минут мы уже катили в такси по пути в аэропорт. Дон Хуан сообщил мне, что Кэрол Тиггс прибывает в Мехико рейсом из Лос-Анджелеса и что она приезжает исключительно с целью выполнить совместно со мной эту последнюю задачу сновидения.

– Долина, в которой раскинулся город Мехико, – прекрасное место для магических подвигов, один из которых ты собираешься совершить, – посмеивался он.

– Ты мне все еще не рассказал, каким в точности шагам я должен следовать, – сказал я.

Он не ответил мне. Он больше не разговаривал, но когда мы ожидали посадки самолета, он объяснил, что именно мне предстоит проделать. Я должен буду прийти в номер Кэрол в гостинице «Реджис», которая находилась на той же улице, что и наша, напротив. Затем, войдя в состояние полного внутреннего безмолвия вместе с ней мягко проскользнуть в сновидение, выразив намерение направиться в мир неорганических существ.

Я прервал его, напоминая о том, что всегда, прежде чем я мог произнести вслух свое намерение войти в их мир, мне приходилось поджидать лазутчика.

Дон Хуан усмехнулся и сказал.

– Ты еще никогда не сновидел с Кэрол Тиггс. Ты увидишь, как это здорово. Женщинам-магам не нужно ничего ждать. Они просто уходят в тот мир тогда, когда хотят этого; есть лазутчик, который постоянно ждет их.

Я не мог заставить себя поверить, что женщина-маг способна сделать то, что он сказал. Мне казалось, что я обладаю некоторыми познаниями в обращении с миром неорганических существ. Когда я упомянул ему о том, что пронеслось у меня в уме, он ответил, что у меня нет вообще никакого опыта относительно того, что касается возможностей женщин-магов.

– Почему, как ты думаешь, мне понадобилась помощь Кэрол, чтобы вытянуть твое тело из их мира? – спросил он. – Ты думаешь, это потому, что она красива?

– Почему, дон Хуан?

– Потому что я не мог справиться с этим сам; а для нее это было сущим пустяком. В их мире она проявляет особую ловкость.

– Она – исключение в этом смысле, дон Хуан?

– Женщины вообще от природы наделены способностью искусно взаимодействовать с их миром; женщины-маги, конечно же, превосходят в этом всех остальных. Кэрол Тиггс в этом отношении лучше всех, кого я знаю, потому что как нагуаль она наделена великолепной энергией.

Я подумал, что поймал дону Хуана на серьезном противоречии. Он говорил мне раньше, что неорганические существа вообще не проявляют интереса к женщинам. Теперь он утверждал обратное.

– Нет. Я не противоречу себе, – заметил он, когда я высказал ему свои мысли. – Я говорил тебе, что неорганические существа не преследуют женщин; они гонятся только за мужчинами. Но я говорил тебе также, что неорганические существа воплощают женское начало, и что в большинстве своем вся вселенная воплощает это начало. Из этого делай свои собственные выводы.

Поскольку я никаким образом не мог сделать выводы, дон Хуан объяснил мне, что теоретически женщины-маги приходят в тот мир и уходят из него, когда пожелают, потому что они обладают повышенным осознанием и олицетворяют женское начало.

– Ты знаешь об этом наверняка? – спросил я.

– Женщины из моей группы никогда не занимались этим, – признался он, – но не потому, что не могли, а потому, что я отговаривал их. Женщины из твоей группы, с другой стороны, делали это так же часто, как меняли юбки.

Я почувствовал зияющую пустоту в животе. Я действительно ничего не знал о женщинах из своей группы. Дон Хуан утешил меня словами о том, что обстоятельства моей жизни так же сильно отличались от обстоятельств его жизни, как и моя роль нагуаля от его роли. Он уверил меня, что я бы не нашел в себе стремления отговаривать от этого кого-либо из женщин своей группы, даже если бы встал на голову.

Пока мы ехали в такси по дороге в гостиницу, где Кэрол собиралась остановиться, она развлекала нас, подражая людям, которых мы знали. Я попытался быть серьезным и спросил ее о нашем предстоящем задании. Она пробормотала какие-то извинения по поводу того, что не способна ответить мне с надлежащей серьезностью. Дон Хуан громко хохотал, когда она изобразила торжественное звучание моего голоса.

Устроив Кэрол в гостиницу, мы вдвоем блуждали по центральной части города в поисках магазинов подержанных книг. Мы легко поужинали в санборновском ресторане в «Доме под черепицей». Около десяти вечера мы вернулись в гостиницу «Реджис». Мы направились прямо к лифту. Мой страх обострил мою способность воспринимать детали интерьера. Здание гостиницы было старым и внушительным. Мебель в холле явно видела лучшие времена. И все же вокруг нас везде было что-то, напоминающее о бывшей помпезности, которая определенно была привлекательной. Теперь я без труда понимал, почему Кэрол так любила эту гостиницу.

Прежде чем мы вошли в лифт, мое беспокойство достигло таких масштабов, что я вынужден был обратиться к дону Хуану за последними инструкциями.

– Скажи мне еще раз, что мы должны сделать, – попросил я.

Дон Хуан усадил нас на огромные старинные грязные стулья в фойе и терпеливо объяснил нам, что, как только мы попадем в мир неорганических существ, мы должны выразить намерение перевести наше обычное осознание в наши энергетические тела. Он посоветовал нам с Кэрол высказать свое намерение совместно, хотя

это было не столь важно. Действительно важным, по его словам, было то, чтобы каждый из нас намеревался перевести полное осознание нашего повседневного мира в свое энергетическое тело.

– Как мы можем осуществить эту передачу осознания? – спросил я.

– Передача сознания – это дело только выражения своего намерения и обладания необходимым энергетическим потенциалом, – сказал он. – Кэрол уже знает это все. Она уже делала это раньше. Она уже посещала в физическом теле мир неорганических существ, когда вытаскивала тебя оттуда. Помнишь? Ее энергия справится с этим трюком. Это склонит чашу весов.

– Что значит «склонит чашу весов»? Я чувствую себя, как в преисподней, дон Хуан.

Дон Хуан объяснил, что выражение «склонить чашу весов» означает добавить нашу полную физическую массу к энергетическому телу. Он сказал, что использование осознания в качестве средства перемещения в другой мир не является результатом каких-либо техник, а прямым следствием намеревания и обладания достаточной энергией. Если объем энергии Кэрол прибавить к моему, получится одна целостная сущность, объединяющая нас обоих, энергетически способная на то, чтобы вытянуть нашу физическую часть и поместить ее в энергетическое тело для осуществления этого путешествия.

– Что конкретно мы должны делать для того, чтобы оказаться в этом другом мире? – спросила Кэрол.

Ее вопрос напугал меня чуть ли не до смерти; ведь я считал, что она в курсе всего происходящего.

– Ваша полная физическая масса должна быть добавлена к вашему энергетическому телу, – ответил дон Хуан, глядя ей в глаза. – Огромная сложность этого маневра заключается в том, чтобы дисциплинировать энергетическое тело. Но вы оба уже сделали это. Отсутствие дисциплины – единственная причина, по которой вы можете потерпеть неудачу, выполняя этот подвиг окончательного

сталкинга. Иногда обычный человек случайно умудряется сделать это и оказывается в другом мире. Но это обычно сразу же интерпретируют как сумасшествие или галлюцинации.

Я бы отдал все что угодно, лишь бы дон Хуан продолжал рассказывать. Но, несмотря на мой протест и рациональное стремление узнать больше, он посадил нас в лифт, и мы поднялись на третий этаж, где находился номер Кэрол. Глубоко в душе я, однако, сознавал, что мое беспокойство было вызвано не тем, что я стремился больше узнать, – на самой глубине притаился мой страх. Почему-то этот магический прием пугал меня больше, чем все то, что я выполнял по сей день.

Последними напутственными словами дона Хуана были:

– Забудьте «я» (себя), и вы ничего не будете бояться³⁶, – его широкая улыбка и кивок были приглашением обдумать это утверждение.

Кэрол засмеялась и начала передразнивать голос дона Хуана, изображая, как он давал нам свои загадочные указания. То, как она шепелявила, придавало особый шарм словами дона Хуана. Иногда я находил ее шепелявый голос восхитительным. Но чаще всего я не мог его выносить. К счастью, в эту ночь я едва ли способен был слышать, как она шепелявит.

Мы вошли в ее комнату и уселись на край кровати. Моей последней сознательной мыслью была мысль о том, что эта кровать является реликвией начала века. Прежде чем я успел произнести хотя бы слово, я обнаружил себя лежащим на каком-то диковинном ложе. Кэрол была рядом со мной. Мы привстали одновременно. Мы были раздеты и укрыты тонкими одеялами.

– Что все это значит? – спросила она дрожащим голосом.

– Ты не спишь? – ответил я неуместным вопросом.

– Конечно же, не сплю, – сказала она с ноткой нетерпеливости.

³⁶ Forget the self and you will fear nothing. The self – собственная личность, сам, «я», эго.

– Ты помнишь, где мы были? – спросил я.

Затем последовала продолжительная тишина. Очевидно, она пыталась привести в порядок свои мысли.

– Я думаю, что я реальна, а ты нет, – сказала она в конце концов. – Я знаю, где я только что была. А ты хочешь обмануть меня.

Я думал о ней точно так же. Она знала, где мы были, и собиралась проверить или разыграть меня. Дон Хуан говорил мне, что нас с ней одолевают демоны уклончивости и недоверия. И сейчас, очевидно, я имел хорошую возможность убедиться в этом.

– Я отказываюсь плясать под твою дудку, – сказала она, ядовито взглянув на меня. – Это я тебе говорю, кем бы ты ни был.

Она взяла одно из одеял, которыми мы были укрыты, и завернулась в него.

– Я собираюсь еще некоторое время полежать здесь, а потом отправиться туда, откуда я приехала, – сказала она, изображая решительность. – А вы с нагуалем играйте сами в эти свои игры.

– Прекрати болтать чепуху, – сказал я властно. – Мы в ином мире.

Она не обратила никакого внимания на мои слова и повернулась спиной ко мне, как недовольный разбалованный ребенок. Я не хотел тратить свое внимание сновидения на тщетные попытки доказать реальность происходящего. Я начал изучать окружающее. Помещение было освещено только светом луны за окном, которое было как раз напротив нас. Мы были в небольшой комнате, на высокой кровати. Я заметил, что кровать была довольно примитивной. Четыре толстых столбика были врыты в землю, а сама основа кровати была решеткой из длинных палок, прикрепленных к этим столбикам. Сверху на ней лежал толстый, но довольно твердый матрац. Не было ни простыни, ни подушек. Мешки из грубой ткани, заполненные чем-то непонятным, были сложены возле стен. Два мешка у самой кровати, положенные друг на друга, служили

подставкой, чтобы взбираться на нее. Рассматривая стены в поисках выключателя, я обнаружил, что наша высокая кровать находилась в углу у стены. У нашего изголовья была стена; я находился на внешнем краю кровати, в то время как Кэрол лежала возле другой стены. Когда я сел на краю кровати, я заметил, что она была более чем на три фута поднята над поверхностью земли.

Вдруг Кэрол внезапно села и произнесла, ужасно шепелявя:

– Это отвратительно! Нагуаль ведь не говорил мне, что я окажусь в таком положении.

– И я не знал, что все будет так, – сказал я.

Я хотел сказать что-то еще и завязать разговор, но мое беспокойство достигло невероятных масштабов.

– А ты заткнись, – перебила она меня резким, исполненным злобы голосом. – Ты не существуешь. Ты – призрак. Исчезни! Исчезни!

Ее шепелявый голос показался мне забавным, и это отвлекло меня от моего неотступного страха. Я встряхнул ее за плечи. Она вскрикнула, но не столько от боли, сколько от удивления и раздражения.

– Я – не призрак, – сказал я. – Мы путешествуем, объединив нашу энергию.

Кэрол Тиггс славилась среди нас своей способностью быстро привыкать к любой ситуации. Уже через несколько мгновений она уверовала в реальность нашего положения и начала искать в полутьме свою одежду. Я был поражен тем, что она не боится. Она увлеклась поисками, размышляя вслух о том, где она могла оставить свою одежду, если бы ложилась в постель в этой комнате.

– Ты видишь где-нибудь стул? – спросила она.

Я туманно различал нагромождение из трех мешков, которое могло бы служить в качестве стола или высокой скамьи. Она

спрыгнула с кровати, подошла к нему и обнаружила там нашу одежду, аккуратно сложенную так, как она обычно это делала. Она подала мне мою; одежда была в самом деле моей, но не той, в которой я был тогда, когда находился в номере Кэрол в гостинице «Реджис».

– Это не моя одежда, – прошепелявила она. – И в то же время моя. Как странно!

Мы оделись молча. Я хотел сказать ей, что вот-вот взорвусь от тревоги. Я также хотел высказаться о том, как быстро мы переместились в этот мир, но, одевшись, обнаружил, что мои мысли о нашем путешествии стали очень туманными. Я едва ли мог помнить, где мы были до того, как проснулись в этой комнате. Было так, будто комната в гостинице приснилась мне. Я сделал крайнее усилие, чтобы вспомнить, преодолевая туман, который начал окутывать меня. Мне удалось разогнать дымку в памяти, но это истощило всю мою энергию. Мои старания привели к тому, что я стал задыхаться и покрылся испариной.

– Что-то чуть было не одолело меня, – сказала Кэрол. Я взглянул на нее. У нее на теле, так же как и у меня, выступил пот. – Оно тебя тоже едва не одолело. Как ты думаешь, что это было?

– Позиция точки сборки, – сказал я с абсолютной уверенностью.

Она не согласилась со мной.

– Это неорганические существа одерживают верх над нами, – сказала она, дрожа. – Нагуаль предупреждал, что это будет ужасно, но я никогда не могла подумать, что настолько.

Я полностью согласился с ней; мы попали в отвратительную переделку, но я не мог понять, в чем был ужас нашей ситуации. Ни я, ни Кэрол уже не были новичками; мы наблюдали и участвовали во множестве вещей, среди которых были совершенно ужасающие. Но в этой нашей комнате, где мы находились в сновидении, было что-то, невероятно страшное для меня.

– Мы в сновидении, не так ли? – спросила Кэрол.

Я подтвердил это как нечто несомненное, хотя отдал бы все, чтобы здесь оказался дон Хуан, чтобы убедить в этом меня самого.

– Почему я так испугана? – спросила она меня так, будто я мог ей это рационально объяснить.

Прежде, чем я смог подумать об этом, она сама ответила на свой вопрос. Она сказала, что ее напугало то, что она на телесном уровне осознала, что когда точка сборки обездвижена в одной позиции, то восприятие является актом, включающим в себе все³⁷. Она напомнила мне слова дон Хуана о том, что та власть, которую имеет над нами обычный мир, есть результат того, что точка сборки неподвижно пребывает в ее обычном месте. Именно эта неподвижность точки сборки делает наше ощущение мира настолько содержательным и подавляющим, что ты не можешь вырваться из него. Кэрол также напомнила мне еще об одной вещи, о которой ей говорил нагуаль: если мы хотим преодолеть эту все-включающую силу, нам нужно лишь рассеять туман, то есть сместить точку сборки, намереваясь ее смещения.

Раньше я никогда не понимал, что дон Хуан имел в виду, произнося эти слова. Но я постиг смысл этого, когда должен был перевести свою точку сборки в другое положение, чтобы рассеять туман того мира, в котором мы находились и который уже начал было поглощать меня.

Кэрол и я, не говоря друг другу ни слова, подошли к окну и выглянули. Мы были в сельской местности. Лунный свет озарял какие-то низкие темные очертания жилых сооружений. Судя по всему, мы были в подсобном помещении или кладовой большого сельского дома.

– Ты помнишь, как мы здесь ложились в кровать? – спросила Кэрол.

– Я почти помню это, – сказал я, имея в виду именно это.

³⁷ All-inclusive – включающий все, учитывающий все, комплексный.

Я объяснил ей, как вынужден был прилагать усилия, чтобы сохранить в уме образ ее гостиничного номера в качестве точки отсчета.

– Мне приходится делать то же самое, – сказала она испуганным шепотом. – Я знаю, что если мы, оказавшись здесь, потеряем память, – нам конец.

Затем она спросила меня, хочу ли я выйти из этого сарая и посмотреть, что снаружи. Я отказался. Мое предчувствие чего-то плохого было таким сильным, что я был не в состоянии произнести ни слова. Я только покачал головой в ответ.

– Ты во многом прав, когда не хочешь выходить отсюда, – сказала она. – Я предчувствую, что если мы выйдем из этой лачуги, мы никогда не вернемся назад.

Я хотел было открыть дверь и только выглянуть наружу, но она остановила меня.

– Не делай этого, – сказала она. – Ты можешь впустить сюда что-то снаружи.

В это время перед моим мысленным взором прошел образ ветхой клетки, в которой мы с Кэрол находились. Все что угодно – например, открытая дверь, – могло нарушить неустойчивое равновесие этой клетки. В тот момент, когда я подумал об этом, у нас одновременно появилось одно и то же стремление. Мы так быстро сняли с себя одежду, как будто от этого зависела наша жизнь; затем мы запрыгнули на высокую кровать, не пользуясь для этого двумя мешками, лежащими там в качестве лестницы. Но в следующее мгновение мы были вынуждены спрыгнуть обратно вниз.

Было очевидно, что мы с Кэрол одновременно поняли одно и то же. Она подтвердила мою догадку, когда сказала:

– Если мы используем что-либо, принадлежащее этому миру, мы только ослабляем себя. Когда я стою здесь раздетой, вдали от кровати и вдали от окна, я без затруднений вспоминаю о том, откуда

пришла. Но если я лежу на кровати, надеваю на себя эту одежду или выглядываю в окно, со мной покончено.

Мы долго стояли в центре комнаты, прижавшись друг к другу. Зловещее подозрение начало терзать мой ум.

– Как мы будем возвращаться в наш мир? – спросил я в надежде, что она знает.

– Возврат в наш мир произойдет сам по себе, если мы не затеряемся в местном тумане, – сказала она с чувством несокрушимой убежденности, которое всегда было ей свойственно.

И она была права. Через некоторое время мы с Кэрол одновременно проснулись в ее постели в номере гостиницы «Реджис». Было так очевидно, что мы снова находимся в нашем обычном мире, что мы не задавали вопросов и не сомневались в этом. Солнечный свет был ослепительным.

– Как мы вернулись оттуда? – спросила Кэрол. – Или, лучше сказать, когда мы вернулись?

Я не знал, что ответить или что подумать. Я не был способен размышлять и ничего не мог с собой поделать.

– Ты думаешь, мы вернулись только что? – настаивала Кэрол. – Или, возможно, мы проспали здесь всю ночь. Смотри! На мне ничего нет. Когда мы разделись?

– Мы разделись в том мире, – сказал я и сам удивился, услышав свой голос.

Мой ответ, казалось, озадачил Кэрол. Она непонимающе посмотрела на меня, а затем на свое обнаженное тело.

Мы неподвижно сидели долгое время. Нам обоим казалось, что мы совершенно не способны сделать над собой усилие. Но затем внезапно нас одновременно посетила одна и та же мысль. Мы мгновенно оделись, выскочили из комнаты, преодолели два пролета

лестницы по пути к выходу, пересекли улицу и ворвались в гостиничный номер дона Хуана.

Нечленораздельно, задыхаясь и давая выход своим эмоциям, мы по очереди рассказывали ему о происшедшем.

Он подтвердил наши подозрения.

– То, что вы сделали, было едва ли не самой опасной вещью, которую можно себе вообразить, – сказал он.

Он обратился к Кэрол и сказал ей, что наши старания увенчались одновременно полной удачей и абсолютным поражением. Мы сумели передать сознание обыденного мира энергетическому телу, тем самым путешествуя со своим физическим телом, но нам не удалось избежать влияния неорганических существ. Он сказал, что сновидящие обычно переживают процесс перехода, как последовательность медленных превращений, и что они должны вслух высказывать свое намерение использовать осознание в качестве элемента. В нашем случае обошлось без всех этих промежуточных шагов. Из-за вмешательства неорганических существ мы оба были с невероятной скоростью заброшены в некоторый смертоносный мир.

– Ваше путешествие стало возможным не вследствие вашей объединенной энергии, – продолжал он. – Что-то другое забросило вас в иной мир. Оно даже подобрало для вас соответствующую одежду.

– Ты хочешь сказать, нагуаль, что и одежда, и кровать, и комната встретились на нашем пути только потому, что нами управляли неорганические существа? – спросила Кэрол.

– Еще бы! – ответил он. – Как правило, сновидящие просто путешествуют. Но ваше путешествие оказалось не таким, вы оказались рядом со сценой, на которой состоялось представление, бывшее когда-то проклятием для магов прошлого. С ними происходило в точности то, что случилось теперь с вами. Неорганические существа завлекали их в миры, из которых маги не могли вернуться. Мне следовало бы предвидеть это, но я даже не

догадывался, что неорганические существа возьмут и попробуют установить на вас двоих такую же ловушку.

– Ты хочешь сказать, что они хотели заставить нас навсегда остаться там? – спросила Кэрол.

– Если бы вы вышли из той лачуги, вы до сих пор безнадежно скитались бы в том мире, – сказал дон Хуан.

По его словам, вследствие того, что мы перенеслись в другой мир вместе с физическими телами, фиксация наших точек сборки в том положении, в которое ее установили неорганические существа, была настолько подавляющей, что это создало нечто вроде тумана, сделавшего недоступным память о том мире, из которого мы пришли. Он прибавил, что обычным следствием такой неподвижности является невозможность возврата точки сборки в ее исходное положение, что и происходило с магами прошлого.

– Задумайтесь над этим, – призвал он нас. – Возможно, именно это происходит со всеми нами в этом нашем обыденном мире. Мы пребываем здесь, и фиксация нашей точки сборки настолько подавляет, что заставляет нас забыть, откуда мы пришли и в чем состояла цель нашего прибытия сюда.

Дон Хуан не хотел больше говорить о нашем путешествии. Я чувствовал, что он не хочет нагонять на нас лишний страх и беспокойство. Он пошел с нами пообедать. Когда мы подходили к ресторану, находившемуся за несколько кварталов от гостиниц по авеню Франциско Мадеро, было уже шесть вечера. Мы с Кэрол проспали около восемнадцати часов, – если то, что с нами происходило, можно было назвать сном.

Только дон Хуан был голоден. Кэрол с оттенком раздражения отметила, что он ест, как свинья. Почти все, сидевшие за соседними столиками, оглянулись, когда услышали смех дон Хуана.

Ночь была теплой, а небо ясным. Мы сидели на скамейке на Пасео Аламеда. Дул мягкий ласковый ветерок.

– Есть один вопрос, не дающий мне покоя, – сказала Кэрол дону Хуану. – Мы ведь на самом деле занимались не тем, что использовали осознание как средство совершить путешествие, правда?

– Это правда, – сказал дон Хуан и глубоко вздохнул. – Задача состояла в том, чтобы ускользнуть от неорганических существ, а не попасть к ним во власть.

– И что нам делать теперь? – спросила она.

– Вам следует временно отложить занятия сталкингом сталкеров, пока вы не станете сильнее, – сказал он. – А может быть и так, что вам никогда не удастся совершить этого. В конце концов, это не имеет значения: если не подходит одно, подойдет другое. Магия – это бесконечный вызов.

Он объяснил нам снова, будто пытаясь запечатлеть свои слова в нашем уме, что для использования осознания в качестве элемента окружающей среды сновидящие, прежде всего, должны совершить путешествие в мир неорганических существ. Затем им следует использовать это путешествие в качестве трамплина, и в то время, когда они будут обладать необходимой темной энергией, они должны выразить намерение быть заброшенными посредством осознания в другой мир.

– Неудача вашего путешествия объясняется тем, что у вас не было времени для того, чтоб использовать осознание в качестве элемента для путешествия, – продолжал он. – Еще до того, как вы оказались в мире неорганических существ, вы уже были в другом мире.

– Что бы ты нам порекомендовал делать теперь? – спросила Кэрол.

– Я бы посоветовал вам видеться как можно реже, – сказал он. – Я уверен, что неорганические существа не преминут опять поймать вас, особенно если вы будете объединять вашу энергию.

Поэтому, начиная с этого времени, мы с Кэрол Тиггс преднамеренно держались подальше друг от друга. Возможность того, что мы снова нечаянно влипнем в похожее путешествие, была слишком реальной и опасной для нас. Дон Хуан поддержал нашу решимость не встречаться, повторяя снова и снова, что наша объединенная энергия вполне может снова подтолкнуть неорганических существ к тому, чтобы завлечь нас в ловушку.

Дон Хуан снова включил в мою практику сновидения видение энергии в снопоподобных состояниях, которые порождают ее. Через некоторое время я научился видеть все, что появлялось передо мной. Продолжая заниматься дальше, я достиг совершенно удивительного состояния: я не мог разумно описать то, что я видел. Мои ощущения говорили мне, что я достиг таких уровней восприятия, для выражения которых у меня не было слов.

Дон Хуан объяснил, что мои непонятные и неопишуемые видения свидетельствуют об использовании осознания моим энергетическим телом. Однако это было использование его не в качестве элемента для путешествий, для чего у меня не хватало энергии, но для проникновения в энергетические поля неживой материи или живых существ.

Глава 11. Арендатор

Практика сновидений в том виде, который был привычен для меня, закончилась. Когда я в следующий раз встретился с доном Хуаном, он поручил руководство над мной двум членам своей партии: Флоринде и Зулейке. Они являлись его ближайшими соратниками. Их инструкции совершенно не касались врат сновидения, но были посвящены различным путям использования энергетического тела. Однако все это не оказало на меня сильного влияния, так как наше общение было достаточно непродолжительным. У меня создалось впечатление, что они, скорее, были заинтересованы в том, чтобы проэкзаменовать меня, чем в обучении чему-либо.

– Не осталось больше ничего, чему я мог бы научить тебя о сновидении, – сказал дон Хуан, отвечая на мой вопрос о положении дел.

– Мое время на этой земле закончилось. Но остается Флоринда. Она теперь та, кто будет направлять не только тебя, но и всех остальных моих учеников.

– Будем ли мы с ней продолжать мою практику сновидения?

– Этого не знаю ни я, ни она. Все зависит от духа. Реального игрока. Мы не играем сами по себе. Мы просто пешки в его руках. Следуя командам духа, я должен сказать тебе, что представляют собой четвертые врата сновидения, хотя направлять тебя я больше не смогу.

– Я не понимаю, какой тогда смысл разжигать мой интерес?

– Дух не оставляет решать это ни тебе, ни мне. Я должен описать тебе четвертые врата сновидения, нравится мне это или нет.

Дон Хуан объяснил, что в четвертых вратах сновидения энергетическое тело путешествует в особые конкретные места, и что существуют три пути использования четвертых врат: первый – путешествовать в определенные места этого мира, второй –

путешествовать в определенные места за пределами этого мира, и третий – путешествовать в те места, которые существуют только в намерении других. Он отметил, что последний путь наиболее трудный и опасный из всех и, более того, является склонностью древних магов.

– И что же, по-твоему, мне делать с этим знанием? – спросил я.

– В данный момент – ничего. Просто отложи его, пока не понадобится.

– Ты хочешь сказать, что я смогу пересечь четвертые врата сновидения самостоятельно, без всякой помощи?

– Сможешь ты это сделать или нет – зависит от духа.

Он резко оборвал тему, и в результате у меня отнюдь не создалось впечатления, что я смогу достичь и пересечь четвертые врата самостоятельно.

Затем дон Хуан назначил мне последнюю встречу, для того, чтобы, как он сказал, устроить мне магические проводы: заключительный пункт в моей практике сновидения. Он сказал, что мы встретимся с ним в небольшом городке в Южной Мексике, где жил он и члены его партии магов.

Я прибыл туда после полудня. Мы с доном Хуаном сидели в патио его дома на каких-то неудобных плетеных стульях, покрытых толстыми подушками. Дон Хуан посмеивался и подмигивал мне. Стулья были подарком одного из женских воинов его партии, и мы просто должны были сидеть так, словно нас ничто не беспокоит, особенно его. Стулья были куплены в Фениксе, штат Аризона, и с большими сложностями переправлены в Мексику.

Дон Хуан попросил прочесть ему стихотворение Дилана Томаса, которое, по его словам, в данный момент имело для меня наиболее подходящий

смысл: ✦

Дон Хуан встал и сказал, что он собирается прогуляться по площади в центре города. Он предложил мне присоединиться к нему. Я тут же решил, что стихотворение как-то ухудшило его настроение, и ему необходимо развеять его.

Мы дошли до площади, не говоря друг другу ни слова. Несколько раз мы обошли ее, все еще продолжая молчать. Возле магазинов на улицах, обращенных в сторону восточной и северной сторон парка, околачивалось несколько прохожих. Все улицы, окружавшие парк, были вымощены кое-как. Они были застроены массивными, одноэтажными кирпичными домами с черепичными кровлями, белыми стенами и окрашенными в синий или коричневый цвет дверями. На боковой улочке в квартале от площади угрожающе вздымались над крышей единственной в городе гостиницы высокие стены громадной колониальной церкви, похожей на марокканскую мечеть.

На южной стороне располагались два ресторана, которые существовали бок о бок, необъяснимым образом процветая в таком соседстве, хотя в них готовили практически одни и те же блюда и по одинаковым ценам.

Я наконец нарушил молчание, спросив дона Хуана, не находит ли он странным, что оба ресторана были практически одинаковыми.

*Я стремился уйти
От шипенья потраченной лжи
И беспрестанного плача старого ужаса,
Становящегося все ужаснее по мере того,
Как день спускается через холм в глубокое море.*

*Я стремился уйти, но я боюсь;
Немного жизни, еще неистраченной, может
взорваться
Из-за старой лжи, горящей на земле.
И, потрескивая в воздухе, оставить меня
полуслепшим.*

*I have longed to move away
From the hissing of the spent lie
And the old terrors' continual cry
Growing more terrible as the day
Goes over the hill into the deep sea. . . .*

*I have longed to move away but am afraid;
Some life, yet unspent, might explode
Out of the old lie burning on the ground,
And, crackling into the air, leave me half-blind*

– В этом городе возможно все, – ответил дон Хуан.

Что-то в его голосе вызвало у меня ощущение сильного дискомфорта.

– Почему ты так нервничаешь? – спросил он с серьезным выражением лица. – Ты знаешь что-нибудь, о чем не говоришь мне?

– Почему я нервничаю? Смешно. Я всегда нервничаю рядом с тобой, дон Хуан. Иногда сильнее, чем другие.

Казалось, он прилагал значительные усилия, чтобы не рассмеяться.

– Нагуали не самые дружественные существа на земле, – сказал он извиняющимся тоном. – Я научился этому весьма нелегким образом в борьбе со своим учителем, ужасающим нагуалем Хулианом. Казалось, от одного его присутствия для меня мерк дневной свет. Иногда он, бывало, фокусировался на мне, и тогда мне казалось, что моя жизнь висит на волоске.

– Ты, дон Хуан, несомненно, оказываешь на меня такое же воздействие.

Он открыто рассмеялся.

– Нет, нет. Ты явно преувеличиваешь. Да по сравнению с ним я просто ангел.

– Может быть, по сравнению с ним ты и ангел, только вот у меня нет возможности сравнивать.

Он рассмеялся, а потом опять стал серьезным.

– Сам не знаю почему, но мне явно страшно, – объяснил я.

– Ты чувствуешь, что у тебя есть причина для страха? – спросил он и остановился, чтобы рассмотреть меня.

Тон его голоса и то, как он поднял брови, создавали впечатление, будто он подозревает, что я о чем-то умалчиваю. Он явно искал возможность разоблачить меня.

– Твоя настойчивость меня удивляет, – сказал я. – Мне кажется, что ты, а не я, и есть тот, кто что-то прячет в своем рукаве.

– Кое-что в моем рукаве имеется, – согласился он и усмехнулся. – Но не в этом дело. Дело в том, что в этом городе есть нечто, что ожидает тебя. И ты или не до конца знаешь, что это, или ты знаешь, что это, но не осмеливаешься сказать мне, или ты вовсе ничего об этом не знаешь.

– Что же меня здесь ждет?

Вместо ответа дон Хуан возобновил прогулку, и мы продолжали ходить вокруг площади в полном молчании. Мы несколько раз обошли площадь, выискивая, где бы сесть. Вскоре несколько молодых женщин встали со скамьи и ушли.

– Годами я рассказывал тебе о заблуждениях магов древней Мексики, – сказал дон Хуан, усевшись на скамью и жестом предлагая мне сесть рядом.

С горячностью человека, который рассказывает об этом впервые, он опять повторил мне то, о чем говорил много раз: что те маги, направляемые исключительно эгоистическими интересами, все свои усилия сосредоточили на совершенствовании практик, которые уводили все дальше и дальше от состояния трезвости и ментального равновесия; что, в конце концов, когда сложные конструкции их практик и того, во что они верили, стали настолько громоздкими, что они были просто не способны поддерживать их дальше, они были уничтожены.

Конечно, маги древности жили и множились в этих местах, – сказал он, наблюдая за моей реакцией. – Здесь, в этом городе. Этот город на самом деле был построен на развалинах одного из их городов. Здесь, именно в этом месте маги древности и совершали все свои деяния.

– Ты точно это знаешь, дон Хуан?

– Очень скоро ты будешь знать это так же точно. Мое возросшее беспокойство заставило меня делать то, чего я не выносил: начать фокусироваться на себе. Дон Хуан, видя мое раздражение, подлил масла в огонь.

– Очень скоро мы узнаем, действительно ли ты похож на старых магов или на новых.

– Ты сводишь меня с ума всеми этими странными и зловещими разговорами, – запротестовал я.

Тринадцатилетнее общение с доном Хуаном, помимо всего прочего, приучило меня рассматривать панику как нечто, постоянно находившееся за ближайшим углом и в любой момент готовое высвободиться.

Дон Хуан, казалось, колеблется. Я заметил, что он украдкой бросает взгляды на церковь. Он даже казался рассеянным. Когда я заговорил с ним, он, казалось, не услышал моих слов. Я повторил свой вопрос.

– Ты ждешь кого-нибудь?

– Да, сказал он. – Можешь не сомневаться, жду. Ты поймал меня на сканировании окружающего пространства моим энергетическим телом.

– И что ты почувствовал, дон Хуан?

– Мое энергетическое тело чувствует, что все на своих местах. Пьеса начинается вечером. Ты – главный герой. Я характерный актер с маленькой, но значительной ролью. Мой выход – в первом акте.

– Что ты имеешь в виду?

Он не ответил мне, улыбнувшись с видом человека, который знает, но не говорит.

– Я готовлю почву, – сказал он, – так сказать, разогреваю тебя, втолковывая идею о том, что современные маги извлекли серьезный урок. Они поняли, что только в случае, если они будут полностью отрешенными, они могут получить энергию для того, чтобы быть свободными. Это особый вид отрешенности, который рождается не из страха или праздности, но из убежденности.

Дон Хуан умолк и встал, вытянул руки перед собой, затем в стороны, а затем за спину.

– Сделай то же самое, – посоветовал он мне. – Это расслабляет тело, а тебе нужно быть совершенно расслабленным перед лицом того, что придет к тебе сегодня вечером.

Он широко улыбнулся.

– Этим вечером к тебе придет или полная отрешенность или абсолютное индальгирование. Это тот выбор, который должен сделать каждый нагуаль моей линии.

Он опять сел и сделал глубокий вдох. То, что он сказал, похоже, забрало всю его энергию.

– Я думаю, что способен понять отрешенность и индальгирование, – продолжал он, – потому что знал двух нагуалей: моего бенефактора, нагуаля Хулиана, и его учителя, нагуаля Элиаса. Я видел различие между ними. Нагуаль Элиас был отрешенным до такой степени, что мог отказаться от дара силы. Нагуаль Хулиан тоже был отрешенным, но не настолько, чтобы отказаться от такого дара.

– Судя по тому, что ты говоришь, – заметил я, – я мог бы сказать, что сегодня вечером ты готовишь меня к какому-то испытанию. Это правда?

– У меня нет власти подвергать тебя испытаниям какого бы то ни было рода, но у духа она есть.

Он сказал это с усмешкой, а затем добавил:

– Я просто его проводник.

– Что дух собирается сделать для меня, дон Хуан?

– Я могу только сказать, что сегодня вечером ты получишь урок в сновидении, но это будет урок не от меня. Кое-кто другой собирается быть твоим учителем и гидом этим вечером.

– И кто же это?

– Один визитер, который может оказаться для тебя полной неожиданностью или не будет неожиданностью вовсе.

– И какой урок сновидения я получу?

– Это будет урок о четвертых вратах сновидения. И состоит он из двух частей. Первую я тебе вскоре объясню. Вторую часть объяснить тебе не сможет никто, потому что это нечто, касающееся только тебя лично. Все нагуали моей линии получали такой урок из двух частей. Но все эти уроки были разные: они всегда в точности соответствуют особенностям личности каждого нагуала.

– Твое объяснение совершенно не помогает мне, дон Хуан. Я только еще больше нервничаю.

Мы долго молчали. Я был испуган, не мог успокоиться и не знал, что сказать, чтобы это не выглядело жалко.

– Как ты уже знаешь, способность современных нагуалей воспринимать энергию напрямую – это дело личного достоинства, – сказал дон Хуан. – Мы управляем точкой сборки посредством самодисциплины. Для древних магов перемещение точки сборки было следствием подчинения другим – их учителям, которые осуществляли эти перемещения темными способами и представляли их своим ученикам как дары силы.

– Тот, кто обладает большей энергией, чем наша, может делать с нами все, что угодно, – продолжал он. – Например, нагуаль Хулиан мог превращать меня по своему желанию в кого угодно: от дьявола до святого. Но он был безупречным нагуалем и позволял

мне быть собой. Древние маги не были безупречными и посредством непрерывных усилий по обретению контроля над другими создавали полные ужаса и мрака ситуации, которые передавались от учителя к ученику.

Он поднялся и внимательно осмотрелся по сторонам.

– Как видишь, этот город невелик, – продолжал он, – но для воинов моей линии он имеет неповторимое очарование. Здесь находится источник того, чем мы являемся, и источник того, чем мы не хотим быть.

Мое время заканчивается, и я должен передать тебе определенные идеи, рассказать определенные истории, привести тебя в контакт с определенными существами прямо здесь, в этом городе, так же, как это сделал со мной мой бенефактор.

Дон Хуан сказал, что, как мне это уже хорошо известно – все, чем он является, и все, что он знает, – наследие его учителя, нагуаля Хулиана. В свою очередь, тот унаследовал все от своего учителя, нагуаля Элиаса. Нагуаль Элиас – от нагуаля Розендо; тот – от нагуаля Лухана, нагуаль Лухан – от нагуаля Сантистебана, нагуаль Сантистебан – от нагуаля Себастьяна.

Он повторил мне очень официальным тоном то, что объяснял уже не раз: что перед нагуалем Себастьяном было еще восемь нагуалей, но они были совсем другими. Они по-другому относились к магии, иначе понимали ее, хотя и принадлежали при этом к той же магической линии.

– Теперь ты должен вспомнить и повторить мне все то, что я говорил тебе о нагуале Себастьяне, – потребовал он.

Его просьба показалась мне странной, но я повторил все то, о чем не раз слышал от него самого и от членов его отряда о нагуале Себастьяне и мифологическом маге древности, бросившем вызов смерти, известного всем им как «арендатор».

– Ты знаешь, что «бросивший вызов смерти» каждое поколение делает нам дары силы, – сказал дон Хуан, – и именно особая

природа этих даров силы стала тем фактором, который изменил само направление нашей линии.

Он объяснил, что арендатор, будучи магом старой школы, обучился у своих учителей всем сложностям перемещения своей точки сборки. Так как тысячи лет странной жизни и осознания – это время, достаточное для совершенствования в чем угодно, – теперь он знает, как достичь и удержать сотни, если не тысячи, позиций точки сборки.

Его дары одновременно являются как картами для перемещения точки сборки в особые места, так и руководством по удержанию ее в любой из этих позиций, достигая, таким образом, сцепленности.

Это был пик артистичности дона Хуана. Я никогда не видел его более драматичным. Если бы я не знал его столь хорошо, я бы поклялся, что, судя по интонациям его голоса, он охвачен глубоким страхом или беспокойством. Его жесты создавали у меня впечатление, что он актер, с совершенством изображающий нервозность и озабоченность.

Дон Хуан внимательно посмотрел на меня и, словно делая неприятное признание, сообщил мне, что, к примеру, нагуаль Лухан получил от арендатора в дар пятьдесят позиций. Он ритмично покачивал головой, как бы молча призывая меня обратить внимание на то, что он только что сказал. Я молчал.

– Пятьдесят позиций! – воскликнул он изумленно. – Даже дара в виде одной или, самое большее, двух позиций точки сборки было бы более чем достаточно.

Он пожал плечами как бы в замешательстве.

– Мне рассказывали, что арендатор чрезвычайно любил нагуаля Лухана, – продолжал он. Они были связаны такой тесной дружбой, что стали практически неразделимы. Мне говорили, что нагуаль Лухан и арендатор каждое утро ходили в ту церковь на утреннюю мессу.

– Прямо здесь, в этом городе? – потрясенно спросил я.

– Именно здесь, – ответил он. – Возможно, более ста лет назад они сидели именно на этом месте, разве что на другой скамье.

– Нагуаль Лухан и арендатор в самом деле гуляли по этой площади? – снова спросил я, не в силах преодолеть свое изумление.

– Конечно! – воскликнул он. – Я взял тебя с собой сегодня вечером, потому что стихотворение, которое ты мне читал, натолкнуло меня на мысль, что пришло время для твоей встречи с арендатором.

Паника охватила меня как степной пожар. Я вынужден был какое-то время дышать ртом.

– Мы обсудили странные достижения древних магов, – продолжал дон Хуан. – Но всегда тяжело воспринимать объяснения, не имея собственного знания. Я могу повторять тебе снова и снова до самого судного дня то, что является абсолютно ясным для меня, но остается недоступным для твоего понимания или веры, потому что у тебя нет практического знания об этом.

Он поднялся и оглядел меня с головы до ног.

– Пойдем в церковь, – сказал он. – Арендатор любит церковь и ее окрестности. Я уверен, что сейчас самое время пойти туда.

За время нашего знакомства с доном Хуаном так страшно мне было всего несколько раз. Я оцепенел. Когда я все-таки встал, все мое тело дрожало. Живот стянуло в узел. Однако я молча пошел за ним в сторону церкви; колени дрожали, и ноги буквально подгибались на каждом шагу. К тому времени, когда мы прошли квартал от площади и подошли к сложенным из известняка ступеням, ведущим в церковь, я был близок к обмороку. Для поддержки дон Хуан был вынужден обхватить меня за плечи.

– Арендатор там, – сказал он так просто, как будто указывал мне на старого друга.

Я посмотрел в том направлении, куда он указал, и увидел группу из пяти женщин и трех мужчин в дальнем конце галереи. На первый брошенный мною быстрый и панический взгляд, в тех людях не было ничего необычного. Я даже не мог сказать, заходили они в церковь или выходили из нее. Однако я заметил, что они не составляют единой группы. Они оказались там вместе случайно.

К тому моменту, как мы с доном Хуаном подошли к маленькой двери, врезанной в массивные деревянные ворота церкви, три женщины вошли в церковь. Трое мужчин и две другие женщины уходили. Я в замешательстве посмотрел на дону Хуана, ожидая указаний.

Движением подбородка он обратил мое внимание на чашу со святой водой.

– Мы должны соблюдать обычаи и перекреститься, – прошептал он.

– Где арендатор? – тоже шепотом спросил я.

Дон Хуан погрузил кончики пальцев в воду и перекрестился. Повелительным жестом подбородка он заставил меня сделать то же самое.

– Был ли арендатор одним из тех троих мужчин, которые вышли? – прошептал я ему на ухо.

– Нет, – шепнул он в ответ. – Арендатор – одна из трех женщин, которые остались. Она в заднем ряду.

В этот момент женщина в заднем ряду повернула ко мне голову, улыбнулась и кивнула.

Одним прыжком я оказался у двери и выбежал наружу. Дон Хуан выбежал вслед за мной. Он догнал меня с невероятной ловкостью и схватил за руку.

– Куда это ты собрался? – спросил он.

Все его лицо и тело сотрясались от смеха.

Он крепко держал меня за руку, пока я жадно глотал воздух и самым настоящим образом задыхался. Приступы смеха накатывали на него, как океанские волны. Я с силой потянул его в сторону площади. Он последовал за мной.

– Я никогда не подумал бы, что это до такой степени выведет тебя из себя, – сказал он, сотрясаясь от нового приступа смеха.

– Почему ты не говорил мне, что арендатор – женщина?

– Тот маг – это бросивший вызов смерти, – сказал он торжественно. – Для мага, столь опытного в перемещениях точки сборки, быть мужчиной или женщиной – дело выбора или удобства. Это та первая часть урока сновидения, о которой я тебе говорил, а бросивший вызов смерти и есть тот таинственный визитер, который собирается провести тебя через него.

От смеха он закашлялся и схватился за бока. Я онемел. Затем меня охватил приступ ярости. Это было не бешенство по отношению к дону Хуану, к себе или к кому-либо – это была холодная ярость, заставлявшая меня чувствовать, что моя грудь и мышцы шеи сейчас взорвутся.

– Давай вернемся в церковь, – закричал я, не узнавая своего голоса.

– Сейчас, сейчас, – сказал он тихо. – Не спеши бросаться в огонь. Подумай. Взвесь. Определись. Успокойся, остынь. Никогда в жизни тебе еще не приходилось проходить такое испытание. Сейчас тебе нужно спокойствие.

– Я не могу сказать тебе, что делать, – продолжал он. – Как всякий нагуаль, я могу лишь поместить тебя перед твоим вызовом, предварительно окольным путем рассказав тебе все надлежащее. Это еще один прием нагуалей: говорить обо всем, ничего не говоря или спрашивать, не спрашивая.

Я хотел побыстрее покончить с этим, но дон Хуан сказал, что небольшая пауза восстановит то, что осталось от моей уверенности в себе. У меня подгибались колени. Дон Хуан заботливо усадил меня на обочину и сел рядом со мной.

– Первая часть урока сновидения сводится к вопросу о том, что быть мужчиной или женщиной не означает окончательности этого состояния, а является результатом особого действия по расположению точки сборки, – сказал он. – А это действие, естественно, является делом собственного желания и подготовки. Поскольку эта тема была близка сердцам древних магов, – только они одни могут пролить свет на это.

Возможно потому, что это было единственной рациональной возможностью, я стал возражать дону Хуану.

– Я не могу принять то, что ты говоришь и поверить этому, – сказал я, почувствовав, как жар приливает к лицу.

– Но ты видел женщину, – возразил дон Хуан. – Ты считаешь, что это только фокус?

– Я не знаю, как мне к этому отнестись.

– Это существо в церкви, – реальная женщина, – убедительно произнес он. – Почему это так тебя волнует? Тот факт, что она родилась мужчиной, лишь подтверждает силу колдовских деяний старых магов. Это не должно удивлять тебя. Ведь ты сам являешься ярким примером олицетворения всех принципов магии.

Мое нутро было готово разорваться от напряжения. Дон Хуан с упреком заметил, что я люблю спорить. С едва сдерживаемым нетерпением, но с особым пафосом я объяснял ему биологические основы различия мужского и женского организмов.

– Я все это понимаю, – сказал он. – И в этом ты прав. Но твоя ошибка в том, что ты пытаешься сделать свои оценки универсальными.

– То, о чем мы говорим, – это основополагающие принципы, – закричал я. – И они соответствуют человеку здесь или в любом другом месте во вселенной.

– Правильно, правильно, – сказал он спокойным голосом. – Все, что ты говоришь, верно, но лишь тогда, когда наша точка сборки остается в обычной позиции. Однако в тот момент, когда она смещается за определенные границы и наш повседневный мир больше не функционирует, – ни один из этих, так лелеемых тобой принципов, не имеет той абсолютной ценности, о которой ты говоришь.

Твоя ошибка заключается в том, что ты забываешь: бросивший вызов смерти переступал эти границы тысячи и тысячи раз. Не надо быть гением, чтобы понять, что арендатор не связан больше теми силами, которыми пока еще связан ты.

Я объяснил ему, что мое несогласие, если это можно назвать несогласием, относится не к нему, а к практической части магии, которая до сего времени была для меня настолько натянутой, что не являлась реальным вопросом. Я повторил, что как сновидящий на собственном опыте убедился, что в сновидении возможно все, и напомнил дону Хуану, что он сам поддерживал и взращивал это убеждение, вместе с абсолютной необходимостью в здравости ума. Утверждаемое же им сейчас в отношении арендатора не было здравым. Это могло относиться к сновидению, но никак не к реальному миру. Я дал ему понять, что для меня это утверждение было отвратительным и несостоятельным.

– Откуда такая неистовая реакция? – спросил он, улыбаясь.

Его вопрос застал меня врасплох. Я смутился.

– Я думаю, что это претит моей сущности, – предположил я. И именно это я и имел в виду. Мысль о том, что женщина в церкви была мужчиной, вызывала во мне отвращение.

В моей голове вертелась мысль: возможно, арендатор – просто трансвестит. Я серьезно спросил об этом дону Хуана. Он так рассмеялся, что, казалось, не сможет остановиться.

– Это было бы слишком приземленно, – сказал он. – Может быть, твои прежние друзья могли делать такое. Твои теперешние друзья более изобретательны и менее склонны к мастурбации. Я повторяю – это существо в церкви – женщина. Это «она». И у нее есть все органы и атрибуты женщины.

Он ехидно улыбнулся. – Тебя всегда привлекали женщины, не так ли? Похоже, что эта ситуация – для тебя, как по заказу.

Его радость была столь по-детски откровенной, что заразила и меня. Мы рассмеялись вместе. Он – неудержимо, я – с опасением.

Затем я принял решение. Я встал и громко заявил, что у меня нет желания иметь дело с арендатором ни в каком состоянии. Я решил пренебречь всем этим и вернуться в дом дона Хуана, а затем – к себе домой.

Дон Хуан сказал, что он ничего не имеет против моего решения, и мы направились назад к его дому. Мои мысли бешено скакали. Правильно ли я поступаю? Убегаю ли я от страха? Конечно, я сразу расценил свое решение как правильное и неизбежное. В конце концов, убеждал я себя, меня не интересуют приобретения, а дары арендатора напоминали приобретение собственности. Затем меня начали одолевать сомнения и любопытство. Было так много вопросов, которые я мог бы задать бросившему вызов смерти.

Мое сердце стало биться так сильно, что я почувствовал его пульсацию в желудке. Внезапно это биение сменилось голосом эmissара. Он нарушил свое обещание не вмешиваться и сказал, что невероятная сила учащает биение моего сердца, чтобы заставить меня вернуться в церковь. Идти в дом дона Хуана означало – идти к смерти.

Я остановился и быстро сообщил дону Хуану слова эmissара:

– Это правда?

– Боюсь, что да, – застенчиво согласился он.

– Почему ты сам не сказал мне, дон Хуан? Ты хотел дать мне умереть, потому что считаешь меня трусом? – спросил я, приходя в ярость.

– Так просто ты не умрешь. Твое энергетическое тело обладает бесконечными ресурсами. И мне никогда не приходило в голову, что ты трус. Я уважаю твои решения, и меня совершенно не интересует, что движет их принятием.

Ты в конце пути, так же, как и я. Так будь настоящим нагуалем. Не стыдись самого себя. Я думаю, что если бы ты был трусом, ты бы умер от страха много лет назад. Но, если ты слишком сильно боишься встретиться с бросившим вызов смерти, тогда лучше умри, но не встречайся с ним. В этом нет стыда.

– Давай вернемся назад в церковь, – сказал я как можно спокойнее.

– Сейчас мы приближаемся к самому главному! – воскликнул дон Хуан. – Но сначала давай вернемся в парк, присядем на скамью и тщательно продумаем варианты твоих действий. Мы можем выиграть время; к тому же еще слишком рано для нашего дела.

Мы вернулись в парк, тут же нашли незанятую скамью и сели.

– Ты должен понять, что только ты сам можешь принять решение, встречаться или не встречаться с арендатором, принять или отвергнуть его дар силы, – сказал дон Хуан. – Но твоё решение должно быть высказано женщине в церкви наедине; иначе оно не будет иметь силы.

Дон Хуан сказал, что дары арендатора необычайны, но плата за них огромна. И сам он не одобряет ни дары, ни цену.

– Перед тем, как ты примешь настоящее решение, – продолжал дон Хуан, – ты должен знать все детали наших взаимодействий с этим магом.

– Лучше бы мне больше об этом не слышать, дон Хуан, – взмолился я.

– Ты обязан знать, – сказал он. – Как же иначе ты примешь решение?

– Не кажется ли тебе, что чем меньше я буду знать об арендаторе, тем будет лучше для меня?

– Нет. Здесь дело не в том, чтобы прятаться, пока не минует опасность. Это момент истины. Все, что ты сделал и испытал в мире магов, привело тебя к нему. Я не хотел этого говорить, потому что знал, – тебе скажет об этом твое энергетическое тело; но нет пути избежать этой встречи. Даже через смерть. Ты понял? – Он потряс меня за плечи. – Ты понял? – повторил он.

Я понял так хорошо, что попросил его, если это возможно, изменить мне уровень осознания, чтобы уменьшить мой страх и дискомфорт. Я чуть не подпрыгнул, когда он взорвался своим «нет».

– Ты должен встретить бросившего вызов смерти хладнокровно и совершенно осмысленно, – продолжал он. – И ты не можешь сделать этого, будучи кем-то уполномоченными сделать это.

Дон Хуан стал спокойно повторять мне все то, что уже рассказывал о бросившем вызов смерти. По мере того как он говорил, я понял, что мое замешательство отчасти является результатом его манеры использовать слова. Он переводил «бросивший вызов смерти» на испанский как *el desafiante de la muerte*, и «арендатор» как *el inquilino*, причем оба автоматически указывали на то, что речь идет о мужчине. Но, описывая взаимоотношения между арендатором и нагуалями своей линии, дон Хуан продолжал путать мужской и женский род в испанском языке, вызывая у меня чувство замешательства.

Он сказал, что, как предполагалось, арендатор будет расплачиваться за энергию, которую он забирает у нагуалей нашей линии, но чем бы он ни платил, – это связывало магов не поколения. После того, как со всех этих нагуалей была взята плата энергией, женщина в церкви обучала их, как в точности расположить точку сборки в определенных особых положениях, которые она выбирала сама. Другими словами, она связала каждого из этих людей с даром

силы, представляющим собой предварительно выбранную особую позицию точки сборки и всего, что ей сопутствует.

– Что ты имеешь в виду под «тем, что ей сопутствует», дон Хуан?

– Я имею в виду негативные результаты этих даров. Женщина в церкви знает лишь индульгирование. В этой женщине нет сдержанности и бережливости. Например, она обучила нагуаля Хулиана, как расположить свою точку сборки в таком положении, как у нее – женщины. Эти уроки для моего бенефактора, который был неисправимым сластолюбцем, стали чем-то вроде вина для пьяницы.

– Но разве для каждого из нас не является правилом нести ответственность за то, что мы делаем?

– Да, конечно. Однако для некоторых из нас быть ответственным несколько более сложно, чем для других. И умышленно увеличивать эти сложности, как делает это та женщина, – значит только создавать сильное ненужное давление на нас.

– Почему ты думаешь, что женщина в церкви делает это умышленно?

– Так она поступала с каждым из нагуалей моей линии. Если мы посмотрим на себя честно и беспристрастно, нам придется согласиться с тем, что бросивший вызов смерти своими дарами превратил нас в линию очень индульгирующих и зависимых магов.

Меня начали раздражать постоянные несоответствия в его речи при использовании мужского и женского рода.

– Ты должен говорить об этом маге или как о мужчине, или как о женщине, но не как об обоих сразу, – резко сказал я. – Я не столь пластичен, и твое произвольное использование грамматического рода вызывает у меня нарастающее чувство дискомфорта.

– Мне самому не по себе, – признался он. – Но что поделать, если бросивший вызов смерти действительно является и тем и

другим – и женщиной, и мужчиной. Я никогда не мог по-настоящему привыкнуть к этому. Я уверен, что и ты должен чувствовать себя так же, ведь ты уже видел его как мужчину.

Дон Хуан напомнил мне о том, как однажды, много лет назад, он взял меня на встречу с бросившим вызов смерти, и я увидел мужчину – странного индейца, не молодого и не старого, очень хрупкого телосложения. Больше всего мне запомнился его странный акцент и одна необычная метафора, которую он использовал, описывая то, что он, по его словам видел.

Он говорил: «mis ojos se pasearon» – «мои глаза идут вперед». Например, он говорил: «Мои глаза идут вперед на шлемы испанских завоевателей».

Воспоминание об этом было столь мимолетным, что мне всегда казалось, что встреча продолжалась лишь несколько минут. Но позднее дон Хуан сказал мне, что я пробыл с бросившим вызов смерти целый день.

– Я предполагал, что тогда, много лет назад, ты сам назначил встречу с бросившим вызов смерти, – продолжал дон Хуан, – поэтому и пытался вывести у тебя, знал ли ты о том, что происходит.

– Ты был обо мне слишком высокого мнения, дон Хуан. От такого предположения рехнуться можно. Как тебе могла прийти в голову такая идея?

– Мне показалось, что бросившему вызов смерти ты понравился. А это значит, что уже тогда он мог наделить тебя даром силы, хотя ты этого и не помнишь. Либо он мог назначить тебе встречу с ним, как с женщиной. Я даже подозревал, что она дала тебе точные инструкции.

Дон Хуан заметил, что бросивший вызов смерти, определенно являясь существом ритуальных привычек, неизменно встречал нагуалей нашей линии сначала в облике мужчины, как это случилось с нагуалем Себастьяном, а впоследствии – в облике женщины.

– Почему ты называешь дары бросившего вызов смерти дарами силы? И в чем тут тайна? – спросил я. – Ведь ты и сам можешь перемещать свою точку сборки куда угодно, разве не так?

– Они называются дарами силы, потому что они являются продуктом особого знания магов древности, – сказал он. – Это – тайна, потому что никто на этой земле, кроме бросившего вызов смерти, не может явить нам пример таких знаний. Я, конечно, могу расположить свою точку сборки там, где хочу, внутри или за пределами энергетической формы человека. Но чего я не могу, и что подвластно лишь бросившему вызов смерти, – это знать, что нужно делать с моим энергетическим телом в каждом из этих положений для того, чтобы достигнуть полного восприятия, полной сцепленности.

Затем он объяснил, что современные маги не знают особенностей многих тысяч возможных позиций точки сборки.

– О каких особенностях ты говоришь? – спросил я.

– Особые способы обращения с энергетическим телом, направленные на достижение прочной фиксации точки сборки в отдельных позициях, – ответил он.

Он привел в пример себя. Он сказал, что дар силы, полученный им от бросившего вызов смерти, заключался в знании позиции точки сборки вороны и способах манипуляции своим энергетическим телом для достижения полного восприятия вороны. Дон Хуан объяснил, что полное восприятие, полная сцепленность – это то, чего старые маги добивались любой ценой, и что в случае с его собственным даром силы полное восприятие пришло к нему в результате постепенного процесса обучения, шаг за шагом, как учатся работать на очень сложной машине.

В дальнейшем дон Хуан объяснил, что большинство сдвигов точки сборки, осуществляемых современными магами, – это умеренные сдвиги в пределах тонкого пучка светящихся энергетических волокон внутри светящегося яйца; пучка, называемого «человеческой полосой» или чисто человеческим аспектом энергии вселенной. За пределами этого пучка, но все еще в

пределах светящегося яйца, располагается сфера глубоких сдвигов. Когда точка сборки смещается в любое место этой сферы, восприятие для нас все еще постижимо, но для полноты восприятия требуются крайне детальные процедуры.

– Трюком неорганических существ в твоём последнем путешествии с Кэрл Тигге было помочь вам обрести полную сцепленность при очень сильном сдвиге, – сказал дон Хуан. – Они сместили ваши точки сборки в максимально отдаленное место и затем помогли вам воспринимать так, словно вы находитесь в своём повседневном мире. Это почти невозможная вещь. Для такого восприятия магу требуются или практические знания или могущественные друзья.

Твои друзья в конце концов предали бы вас с Кэрл, предоставив вам самим стоять за себя и учиться практическим способам борьбы за выживание в том мире. В результате вы оба до краев бы наполнились прагматическими процедурами, уподобившись в этом наиболее знающим магам древности.

– Каждый глубокий сдвиг точки сборки требует особой проработки, – продолжал он, – которую современные маги могли бы изучить, если бы знали, как на достаточно длительное время фиксировать точку сборки при любом таком сдвиге. Только маги древности обладали необходимыми для этого особыми знаниями.

Дон Хуан продолжал объяснять, что знание особых действий, необходимых для таких сдвигов, не было доступны восьми нагуалям нашей линии, предшествовавшим нагуалю Себастьяну. Затем арендатор продемонстрировал нагуалю Себастьяну, как достигнуть полного восприятия в десяти новых позициях точки сборки.

Нагуаль Сантистебан получил семь, нагуаль Лухан – пятьдесят, нагуаль Розендо – шесть, нагуаль Элиас – четыре, нагуаль Хулиан – шестнадцать. Сам он получил две. Всего это составило девяносто пять особых позиций точки сборки, известных его линии.

Он сказал, что на вопрос, считает ли он это преимуществом, он ответил бы «нет», потому что под тяжестью этих даров наша линия явно сместилась в сторону настроения древних магов.

– Сейчас твоя очередь встретиться с арендатором, – продолжал он. – Возможно, что дары, которые он тебе даст, станут последней каплей, после чего наша линия окончательно погрузится во мрак, поглотивший магов древности.

– Это настолько серьезно, что меня от этого тошнит, – сказал я.

– Я тебе искренне сочувствую, – серьезно ответил он. – Знаю, что тебя не успокоит, если я скажу тебе, что это самое серьезное испытание для современного нагуаля. Встреча с таким древним и таинственным существом, как арендатор, вызывает не столько благоговение, сколько отвращение. Так, по крайней мере, было со мной, и это все еще так.

– Почему я должен пойти на это, дон Хуан?

– Потому что, сам того не зная, ты уже принял вызов бросившего вызов смерти. За время твоего ученичества я вытянул из тебя это принятие, так же как мой бенефактор вытянул его из меня – тайком.

– Я прошел через такой же ужас, только, пожалуй, в чуть более грубой форме, – сказал он, посмеиваясь. – Нагуаль Хулиан имел склонность разыгрывать ужасные шутки. Он сказал мне, что одна очень красивая и пылкая вдова влюблена в меня до безумия. Нагуаль часто брал меня с собой в церковь, и я видел там женщину, подолгу смотревшую на меня. Она показалась мне красивой. Я был молодым невежей, и когда нагуаль сказал, что она любит меня, я поверил в это. Меня ожидало очень жесткое пробуждение.

Я с трудом удержался от смеха при жесте дон Хуана, означавшем потерю им невинности. Затем меня поразила мысль о том, что положение, в котором он оказался, было совсем не смешным, – оно было просто страшным.

– Ты уверен, дон Хуан, что эта женщина была арендатором? – спросил я, все еще надеясь, что это ошибка или плохая шутка.

– Я совершенно уверен, – сказал он. – Кроме того, даже если бы я и был таким тупым, чтобы забыть арендатора, мое видение не может меня подвести.

– Имеешь ли ты в виду, дон Хуан, что арендатор обладает иным типом энергии?

– Нет, не иным типом энергии, но, без сомнения, другими энергетическими чертами, что отличает его от нормального человека.

– Ты абсолютно уверен, что та женщина – арендатор? – настаивал я, почувствовав внезапный прилив отвращения и страха.

– Эта женщина была арендатором! – воскликнул дон Хуан тоном, не терпящим возражения.

Некоторое время мы сидели молча. Пребывая в неопишуемой панике, я ожидал, что будет дальше.

– Я уже сказал тебе, что быть натуральным мужчиной или натуральной женщиной является вопросом положения точки сборки, – сказал дон Хуан. – Под «натуральным» я имел в виду того, кто родился или мужчиной или женщиной. Для видящего самая яркая часть точки сборки обращена наружу, если это женщина, и вовнутрь, – если это мужчина. Точки сборки арендатора первоначально была обращена вовнутрь, но он поменял ее положение, и, вращая ее, превратил свою яйцеобразную энергетическую оболочку в подобие спиралевидной раковины.

Глава 12. Женщина в церкви

Мы сидели в молчании. Мои вопросы иссякли, а дон Хуан, казалось, сказал мне все, что считал нужным сказать. Было никак не больше семи вечера, но площадь была против обыкновения пустынной. Вечер был теплым. По вечерам в этом городе люди обычно сновали по площади до десяти и даже одиннадцати часов.

Я воспользовался моментом затишья, чтобы осмыслить то, что со мной произошло. Мое время с доном Хуаном подходило к концу. Он и его партия были близки к осуществлению магической мечты – оставить этот мир и войти в непостижимые пространства. Основываясь на своих ограниченных достижениях в области сновидения, я верил, что их притязания были не иллюзорными, а напротив – исключительно трезвыми, хотя и противоречащими разуму. Они стремились к восприятию неизвестного, и они сделали это.

Дон Хуан был прав, когда говорил, что сновидящий, вызывая систематическое перемещение своей точки сборки, освобождает восприятие, расширяя диапазон и масштабы того, что может быть воспринято. Для магов его партии сновидение не только открывало врата в другие воспринимаемые миры, но и готовило их к вхождению в эти миры в полном осознании. Сновидение для них было чем-то невыразимым, беспрецедентным, чем-то таким, на что можно было лишь намекнуть, как это сделал, например, дон Хуан, когда назвал его вратами к свету и темноте во вселенной.

Им осталось сделать только одно – свести меня с бросившим вызов смерти. Я сожалел о том, что дон Хуан не предупредил меня заранее, чтобы я мог лучше подготовиться. Но он был нагуалем, который все важные вещи делал экспромтом, под влиянием момента, без какого-либо предупреждения.

На мгновение я почувствовал себя хорошо, сидя с доном Хуаном в этом парке и ожидая дальнейшего развития событий. Но затем моя эмоциональная стабильность стала улетучиваться, и я в мановение

ока оказался на грани темного отчаяния. Меня захватили мелочные соображения относительно своей безопасности, своих целей, своих надежд в этом мире, своих проблем и тревог. Однако поразмыслив, я вынужден был признать, что единственное истинное беспокойство, которое у меня оставалось – это беспокойство о моих трех соратниках по миру дона Хуана. Но даже это реально не волновало меня. Дон Хуан научил их быть такими магами, которые всегда знали, что делают, и, что самое главное, он научил их всегда знать, что делать с тем, что они знают.

Возможность обладания всеми возможными земными причинами для страдания была содрана с меня уже давно, и все, с чем я остался, было беспокойством за себя самого. И я без тени стыда предался ему. Одно последнее индальгирование на дорожку: страх умереть от руки бросившего вызов смерти. Мне стало страшно до спазмов в желудке. Я пытался извиняться, но Дон Хуан рассмеялся.

– Ты не уникален в своем страхе, – сказал он. – Когда я встретил бросившего вызов смерти, я наложил в штаны. Поверь мне.

Я долго ожидал в молчании, это были тяжкие минуты.

– Ты готов? – спросил он.

Я сказал – да!

Вставая, он добавил:

– Тогда идем, посмотрим, как ты сможешь выстоять на линии огня.

Он направился назад в церковь. Все, что я могу вспомнить до сегодняшнего дня, – это то, что он тащил меня весь этот путь. Я не помню, как мы дошли до церкви, как вошли в нее. Дальше мне запомнилось, как я опустился на колени на длинную потертую деревянную скамью рядом с женщиной, которую заметил раньше. Она улыбалась мне. В отчаянии я оглянулся, пытаюсь найти дона Хуана, но его нигде не было. Я бы метнулся прочь, как летучая мышь, вырвавшаяся из мрака, если бы женщина не удержала меня, схватив за руку.

– Почему ты так боишься меня, бедняжку? – спросила меня женщина по-английски.

Я стоял, словно приклеенный к тому месту, где преклонил колени. Ее голос – вот что мгновенно приковало мое внимание. Я не могу описать, что было в этом резком звуке, проникнувшем в самые потаенные уголки моей памяти. Мне показалось, что я знал этот голос всегда.

Я остался стоять неподвижно, загнипнотизированный этим звуком. Она спросила меня по-английски еще о чем-то, но я не мог понять, о чем она говорила. Она понимающе улыбнулась.

– Все в порядке, – прошептала она по-испански.

Она стояла на коленях справа от меня.

– Я понимаю, что такое настоящий страх. Я живу с ним.

Я только собрался заговорить с ней, когда услышал голос эмиссара у своего уха.

– Это голос Хермелинды, твоей кормилицы, – сказал он.

Единственное, что я знал о Хермелинде, – это история, рассказанная мне о том, как она была насмерть сбита грузовиком. Этот женский голос, пробудивший настолько глубокие старые воспоминания, потряс меня. Я немедленно испытал мучительное волнение.

– Я – твоя кормилица! – негромко воскликнула женщина. – Как необыкновенно! Хочешь мою грудь? – Смех сотрясал ее тело.

Я приложил сверхусилие, чтобы остаться спокойным, хотя чувствовал, что земля уходит из-под моих ног и что в следующее мгновение я потеряю сознание.

– Не обращай внимания на мои шутки, – сказала женщина низким голосом. – По правде говоря, ты мне очень нравишься. Ты переполнен энергией. Похоже, мы с тобой поладим.

Прямо перед нами опустились на колени два старика. Один из них неожиданно обернулся, с любопытством посмотрев на нас. Она не обратила на него никакого внимания, продолжая шептать мне на ухо.

– Разреши мне держать тебя за руку, – попросила она.

Однако ее просьба звучала как приказ. Я подчинился и оставил свою руку в ее, не в силах ответить "нет".

– Спасибо за твое доверие и веру в меня, – прошептала она.

Звук ее голоса вверг меня в безумие. Его резкость была так необычна, так абсолютно женственна. Ни при каких обстоятельствах я не смог бы спутать его с мужским голосом, пытающимся звучать по-женски. Это был резкий голос, но не хриплый или грубый. Он больше походил на хруст гравия под босыми ступнями.

Я приложил неимоверное усилие, чтобы разорвать невидимую пелену энергии, которая, казалось, окутала меня. Кажется, это мне удалось. Я встал, собираясь уходить, и я бы сделал это, но женщина тоже поднялась и прошептала мне на ухо:

– Не убегай. Мне надо так много сказать тебе.

Я автоматически сел, остановленный любопытством. Странно, но мое волнение внезапно исчезло, – пропал и мой страх. У меня даже хватило смелости спросить.

– Ты действительно женщина?

Она тихо усмехнулась, словно молодая девушка. Затем она заговорила.

– Если ты опасаясь, что я превращусь в грозного мужчину, который может причинить тебе вред, то глубоко ошибаешься, – сказала она еще более гипнотическим, странным голосом. – Ты – мой благодетель. Я – твоя слуга, и я была слугой всем нагуалям, предшествовавшим тебе.

Сконцентрировав всю свою энергию, я высказал ей свои мысли.

– Пожалуйста, бери мою энергию, – сказал я. – Это мой дар тебе. Но я не хочу от тебя никакого дара силы. Я так решил.

– Я не могу взять твою энергию даром, – прошептала она. – Я плачу за то, что получаю. Это сделка. Глупо отдавать свою энергию даром.

– Я был глупцом всю мою жизнь. Поверь мне, – сказал я. – Я, конечно, могу позволить себе сделать тебе такой подарок. У меня нет с этим проблем. Тебе нужна энергия – бери ее. Но я не нуждаюсь в излишествах. У меня ничего нет, и мне это нравится.

– Возможно, – сказала она задумчиво.

Агрессивным тоном я спросил, что, собственно, «возможно» – возможно взять мою энергию или «возможно» означает ее недоверие к тому, что у «меня ничего нет, и мне это нравится».

Она радостно захихикала и сказала, что она, возможно, возьмет мою энергию, раз я столь великодушно ее предлагаю, но она должна будет расплатиться. Она должна мне отплатить чем-то равноценным.

Слушая ее, я понял, что она говорит по-испански с очень сильным и странным акцентом. Никогда в своей жизни я не слышал, чтобы кто-либо так говорил. В каждом слове она добавляла лишнюю фонему в середине слога.

– У тебя очень необычный акцент, – сказал я. – Откуда он?

– Почти из вечности, – сказала она и вздохнула.

Между нами установился контакт. Я понял, почему она вздохнула. Она была очень близка к чему-то постоянному³⁸, в то время как я был чем-то временным. Это было моим преимуществом. Бросившая вызов смерти загнала себя в угол, а я был свободен.

³⁸ Permanent – постоянный, неизменный.

Я внимательно рассматривал ее. Казалось, что ей где-то между тридцатью пятью и сорока годами. Это была смуглая женщина, настоящая индеанка, довольно крепкая, но не толстая. Я мог видеть гладкую кожу ее рук, молодые и упругие мускулы. В ней было около пяти футов и шести или семи дюймов роста. Она была одета в длинное платье и черную шаль. Она стояла на коленях, и я мог видеть ее гладкие пятки и часть ее сильных икр. Ее талия была тонкой. У нее были большие груди, которые она не могла или, возможно, не хотела скрывать под своей шалью. Ее блестящие черные волосы были заплетены в косы. Она не была красавицей, но не была и простушкой. Ее черты ни в коей мере не были выдающимися. Я ощущал, что ничто в ней не может привлечь внимания, кроме ее глаз, обычно опущенных, прикрытых веками. Ее глаза были прекрасны, ясны и спокойны. Кроме дона Хуана, я ни у кого не видел столь сияющих и живых глаз.

От ее глаз мне стало совершенно спокойно. Такие глаза не могли быть злыми. Я ощутил прилив доверия и оптимизма и почувствовал, что я как будто знаю ее всю жизнь. Но я так же хорошо осознавал и другое – свою эмоциональную нестабильность. Это всегда беспокоило меня в мире дона Хуана, заставляя постоянно быть подобно мячику на резинке: приходящие ко мне моменты прозрения и полного доверия, казалось, возникали только для того, чтобы смениться жалкими сомнениями и недоверием. Эта ситуация не выглядела иначе. В мой подозрительный ум внезапно пришла мысль, предупреждающая меня: я попал под влияние женских чар.

– Вы начали изучать испанский недавно, не так ли? – сказал я, чтобы отделаться от своих мыслей, боясь, что она их прочтет.

– Только вчера, – отпарировала она и рассмеялась хрустальным смехом, показывая маленькие, невероятно белые, сверкающие, как жемчуг, зубы.

Люди повернулись и посмотрели на нас. Я опустил голову ниже, словно углубясь в молитву. Женщина придвинулась ко мне ближе.

– Есть ли здесь место, где мы могли бы поговорить? – спросил я.

– Мы разговариваем здесь, – ответила она. – Здесь я говорила со всеми нагуалями твоей линии. Если говорить шепотом, никто не услышит нашего разговора.

Я сгорал от нетерпения, желая спросить о ее возрасте. Но меня отрезвило одно мое воспоминание. Я вспомнил одного своего приятеля, который на протяжении многих лет устраивал всяческие западни, чтобы вынудить меня открыть свой возраст. Я ненавидел этот его мелочный интерес, а сейчас я сам был на грани такого же поведения. Я тотчас же отбросил эту мысль.

Я хотел ей сказать об этом, чтобы просто поддержать разговор. Казалось, что она знает, какие мысли приходят мне в голову. Она по-дружески сжала мне руку, словно затем, чтобы сказать, что наши мысли совпадают.

– Можешь ли ты вместо подарка дать мне что-нибудь, что может помочь мне на моем пути? – спросил я.

Она отрицательно покачала головой.

– Нет, – прошептала она. – Мы совершенно разные. Даже более разные, чем мне представлялось возможным.

Она поднялась и соскользнула со скамьи. Ловко преклонила колени, став лицом к главному алтарю. Перекрестилась и дала знак следовать за ней к большому боковому алтарю слева от нас.

Мы стали на колени перед большим Распятием. До того, как я успел что-либо сказать, она произнесла:

– Я живу очень, очень долгое время. Причиной моей долгой жизни является мое умение контролировать сдвиги и перемещение моей точки сборки. Вместе с тем я не остаюсь слишком подолгу здесь, в вашем мире. Я должна сохранять энергию, которую я получаю от нагуалей твоей линии.

– На что похоже существование в других мирах, – спросил я.

– Это как пребывание в твоём сновидении. С той разницей, что я обладаю большей свободой передвижения и могу долго оставаться там, где хочу. Так же, как если бы ты оставался так долго, как того хочешь, в любом из своих снов.

– Прикована ли ты только к этому месту, находясь в этом мире?

– Нет. Я хожу везде, где хочу.

– Ты всегда женщина?

– Я была женщиной дольше, чем мужчиной. Мне это определено больше нравится. Я почти забыла, как быть мужчиной. Я полностью женщина!

Она взяла мою руку и заставила прикоснуться к ее промежности. Мое сердце колотилось у меня в горле. Она действительно была женщиной.

– Я не могу просто взять твою энергию, – сказала она, меняя тему. – Мы должны заключить соглашение другого рода.

На меня накатил еще одна волна мирских размышлений. Я хотел спросить ее, где она жила, когда бывала в этом мире. Оказалось, что у меня не было необходимости произносить свой вопрос вслух, чтобы получить ответ.

– Ты гораздо, гораздо моложе меня, – сказала она. Но и тебе теперь уже очень непросто сообщать людям, где ты живешь. И даже если ты приводишь их в дом, за который платишь или который является твоей собственностью, – он не является тем местом, где ты живешь.

– Есть так много вещей, о которых я хотел бы спросить тебя, но мне в голову приходят лишь бестолковые мысли, – сказал я.

– Тебе не нужно о чем-либо спрашивать меня, продолжала она. – Ты уже знаешь все, что знаю я. Тебе требуется лишь толчок, чтобы востребовать свои знания. Я дам тебе такой толчок.

Мне не только приходили в голову бестолковые мысли, но и весь я находился в состоянии такой внушаемости, что не успела она закончить говорить, что я знаю то, что знает она, как я ощутил, что я действительно знаю все и мне не нужно больше задавать какие-либо вопросы. Смеясь, я сказал ей о своей доверчивости.

– Ты не доверчив, – авторитетно заверила она меня. – Ты знаешь все, потому что сейчас ты полностью во втором внимании. Оглядись вокруг!

Какое-то мгновение я не мог сфокусировать свое зрение. Это было похоже на то, словно в мои глаза попала вода. Присмотревшись, я понял, что произошло нечто злое. Церковь стала другой, более темной, угрожающей, гнетущей. Я поднялся и ступил пару шагов к нефу. В глаза бросились скамьи; они были сделаны не из досок, а из тонких перекрученных бревен. Это были самодельные скамьи, установленные внутри величественного каменного строения. Другим стал также и свет в церкви. Он был желтоватым, и его тусклое свечение отбрасывало столь черные тени, каких мне не приходилось видеть никогда в жизни. Он исходил от свечей, горевших на многих алтарях. Я ощущал, как гармонично сочетается пламя свечей с массивными каменными стенами и росписями колониальной церкви.

Женщина смотрела на меня; сияние ее глаз было просто невероятным. Я знал, что я в сновидении и что она руководит моим сновидением. Но я не боялся ни ее, ни сновидения.

Я отошел от бокового алтаря и вновь посмотрел на неф церкви. Там на коленях стояли люди и молились. Их было много, необычно маленьких, темных и мускулистых. Я видел их склоненные перед главным алтарем головы. Один из них, стоявший ближе ко мне, смотрел на меня с явным неодобрением. Я с изумлением рассматривал людей и все вокруг. Станным образом я не слышал никакого шума. Люди двигались беззвучно.

– Я ничего не слышу, – сказал я женщине, и мой голос отозвался гулким эхом, словно церковь была пустой раковиной.

Почти все головы повернулись, чтобы посмотреть на меня. Женщина потянула меня назад в темноту бокового алтаря.

– Ты будешь слышать, если перестанешь слушать своими ушами, – сказала она. – Слушай своим вниманием сновидения.

Казалось, все, что мне нужно, это ее намек. Внезапно на меня нахлынул гул голосов толпы молящихся. Я был охвачен им мгновенно. Это был самый необыкновенный звук, который я когда-либо слышал. Пораженный, я хотел сообщить об этом женщине, но ее не было рядом со мной. Я поискал ее взглядом. Она почти дошла до дверей. Там она обернулась, чтобы подать мне знак следовать за ней. Я догнал ее в галерее. Улицы больше не были освещены. Единственным освещением был лунный свет. Фасад церкви также стал другим; он был недостроен. Повсюду лежали квадратные блоки известняка. Вокруг церкви не было больше никаких других строений. В лунном свете эта картина выглядела жутко.

– Куда мы идем? – спросил я ее.

– Никуда, – ответила она. – Мы просто вышли на простор и безлюдье. Здесь мы можем говорить вдоволь.

Она заставила меня сесть на полуобработанный кусок известняка.

– Во втором внимании имеются неисчерпаемые сокровища, которые нужно только раскрыть, – начала она. – Самым важным является то, какую начальную позицию примет сновидящий. Именно в этом заключается секрет древних магов, которые были древними уже в мое время. Подумай об этом.

Она под села ко мне так близко, что я чувствовал жар ее тела. Она положила руку на мои плечи и прижала меня к своей груди. От ее тела исходил особый аромат; он напоминал мне запах дерева и шалфея. Это было не потому, что она пользовалась духами; казалось, что все ее существо издает благоухание соснового леса. И жар ее тела тоже не был таким, как у меня или у кого-либо мне известного. Ее жар был ментолово-прохладным, сдержанным,

ровным. Мне пришло в голову, что этот жар не ослабевает, но и не усиливается.

Она начала шептать мне в левое ухо. Она сказала, что дары, данные ею нагуалям моей линии, связаны с тем, что древние маги обычно называли «сдвоенными позициями». Это, так сказать, начальная позиция, в которой спящий располагает свое физическое тело для начала сновидения, отражается в позиции, в которой он удерживает в сновидении свое энергетическое тело для того, чтобы зафиксировать свою точку сборки в любом избираемом им месте.

— Две позиции составляют целое, — сказала она, — и магам древности пришлось потратить тысячи лет, чтобы найти наилучший способ взаимоотношений между любыми двумя позициями. У современных видящих, — продолжала она с усмешкой, — никогда не будет времени и условий, чтобы проделать всю эту работу, и мужчинам и женщинам из твоей линии на самом деле повезло в том, что у них есть я, сделавшая им такие подарки.

Ее смех зазвучал особенно хрустально.

Я не совсем понял ее объяснения сдвоенных позиций. Я без церемоний заявил ей, что не хочу испытывать все это сам, мне достаточно знать о таких вещах как об интеллектуальной возможности.

— Что именно ты хочешь знать? — спросила она мягко.

— Объясни мне, что ты имеешь в виду под сдвоенными позициями или под начальной позицией, в которой сновидящий удерживает свое тело для начала сновидения.

— Как ты укладываешься для сновидения? — спросила она.

— По-разному. У меня нет определенной позы. Дон Хуан никогда не акцентировал на этом моего внимания.

— Это сделаю я, — сказала она и встала.

Она изменила позицию. Сев справа от меня, она зашептала мне в другое ухо, что в соответствии с тем, что знает она, поза для сновидения имеет первостепенное значение. Она предложила проверить это на очень утонченных, но простых упражнениях.

– Начни сновидеть, расположившись на правом боку, чуть согнув ноги в коленях, – сказала она. – Дисциплина здесь заключается в том, чтобы сохранить эту позицию и заснуть в ней. Затем в сновидении упражнение заключается в том, чтобы видеть во сне, что ты ложишься именно в этом положении и снова засыпаешь.

– Что это дает? – спросил я.

– Это делает точку сборки неподвижной – я имею в виду действительно неподвижной, – в каком бы положении она ни была в момент второго засыпания.

– И что будет в результате этого упражнения?

– Полное восприятие. Я уверена, твои учителя уже говорили тебе, что мои подарки – это подарки полного восприятия.

– Да. Но я думаю, что мне не совсем ясно, что означает полное восприятие, – соврал я.

Она не обратила на мои слова никакого внимания и продолжала рассказывать мне о четырех вариантах упражнения, когда погружение в сон происходит на правом боку, на левом, на спине и на животе. Затем о том, что в сновидении упражнение заключалось в том, чтобы во сне второй раз заснуть в том же положении, в котором начался сон. Она обещала мне необычайные результаты, которые, по ее словам, невозможно предсказать.

Она внезапно изменила тему и спросила меня:

– Какой подарок ты хочешь для себя лично?

– Мне не надо никакого подарка. Я уже говорил тебе это.

– Я настаиваю. Я должна предложить тебе подарок, и ты должен принять его. Таково наше соглашение.

– Наше соглашение состоит в том, что мы даем тебе энергию. Так бери ее у меня. Это мой подарок тебе.

Женщина, казалось, была ошеломлена. Я настаивал, говоря ей, что все будет в порядке, если она возьмет мою энергию. Я даже сказал ей, что она мне необыкновенно нравится. Я не кривил душой. В женщине было нечто очень грустное и вместе с тем в высшей степени привлекательное.

– Давай пойдем назад в церковь, – тихо произнесла она.

– Если ты действительно хочешь сделать мне подарок, – сказал я, – возьми меня на прогулку по этому городу при лунном свете.

Она кивнула в знак согласия.

– При условии, что ты не произнесешь ни слова, – сказала она.

– Почему? – спросил я, хотя уже знал ответ.

– Потому что мы сновидим, – сказала она. – Я возьму тебя глубже в свой сон.

Она объяснила, что пока мы остаемся в церкви, у меня достаточно энергии, чтобы думать и говорить, но за пределами церкви ситуация совсем другая.

– Почему так? – смело спросил я.

Самым серьезным тоном, который не только сделал ее еще более жуткой, но и вселил в меня ужас, женщина сказала:

– Потому что за ее пределами ничего нет. Это сон. Ты находишься у четвертых врат сновидения, сновидя мой сон.

Она сказала мне, что ее искусство заключается в способности проецировать свое намерение, и все, что я вижу вокруг, было ее намерением. Она сказала шепотом, что церковь и город были

результатом ее намерения; они существовали не существуя. Она добавила, глядя мне в глаза, что это одна из тайн намеревания во втором внимании двойной позиции сновидения. Это может быть сделано, но не может быть объяснено и постигнуто.

Она сказала мне, что она происходит из линии магов, которые знали, как перемещаться во втором внимании, проецируя свое намерение. Ее рассказ повествовал о том, что маги из ее линии владели искусством проецировать свои мысли в сновидении с целью воспроизвести завершенную и правдивую картину объекта, структуры, пейзажа или сцены по своему выбору.

Она рассказывала, что маги ее линии обычно начинали с того, что пристально рассматривали простой объект и запоминали каждую его деталь. Они могли затем закрыть глаза и представить объект, корректируя это визуальное представление, сравнивая его с самим объектом, до тех пор, пока не видели его с закрытыми глазами полностью завершенным.

Следующим пунктом в их развивающейся схеме было сновидение с объектом и создание в сновидении полной материализации объекта с точки зрения их собственного восприятия.

– Этот акт, – сказала женщина, – называется первым шагом к полному восприятию.

От простых объектов эти маги переходили к более сложным конструкциям. Конечной целью для всех них была визуализация полного мира, затем его сновидение и воссоздание, таким образом, совершенно настоящей реальности, в которой они могли бы существовать.

– Когда кто-либо из магов моей линии приобретал способность делать это, – продолжала женщина, – он легко мог забирать кого-либо в свое намерение, в свое сновидение. Это именно то, что я сейчас проделала с тобой, и то, что я делала со всеми нагуалями твоей линии.

Женщина захихикала.

– Тебе лучше поверить в это, – сказала она так, словно я не верил. – Целые народы исчезли, сновидя таким образом. Вот почему я сказала тебе, что эта церковь и этот город являются одной из тайн намеревания во втором внимании.

– Ты сказала, что целые народы исчезли таким образом. Как это было возможно? – спросил я.

– Они сначала визуализировали, а затем воссоздавали в сновидении тот же самый пейзаж, – ответила она. – Ты никогда не визуализировал ничего, поэтому тебе очень опасно входить в мое сновидение.

Затем она предупредила меня, что пойти через четвертые врата и передвигаться по местам, которые существуют лишь в чьем-то намерении – весьма рискованно, так как каждая деталь такого сна должна быть исключительно личной деталью.

– Ты все еще хочешь идти? – спросила она.

Я сказал, что да. Потом она еще кое-что рассказала мне о сдвоенных позициях. Суть ее объяснения сводилась к тому, что если, к примеру, я сновижу свой родной город, и мое сновидение началось, когда я лежал на правом боку, то я очень легко могу остаться в городе моего сна, если в этом сне я лягу на правый бок и буду сновидеть, что уснул. Второй сон не только обязательно будет сном моего родного города, но также наиболее конкретным сном, какой только можно вообразить.

Она была уверена, что в своей практике сновидения я получал бесчисленное множество очень конкретных снов, но заверяла меня, что каждый из них должен был быть случайностью. Потому что единственным способом полностью контролировать сны является использование техники сдвоенных позиций.

– И не спрашивай меня, почему, – добавила она. – Это просто происходит. Как и все остальное.

Она заставила меня встать и снова предостерегла, чтобы я не разговаривал и не отставал от нее. Она, как ребенка, нежно взяла

меня за руку и повела к скоплению домов, казавшихся темными силуэтами. Мы шли по булыжной мостовой. Массивные речные камни были вбиты остриями в землю. Казалось, что рабочие нарочно оставили все неровности поверхности, даже не пытаясь ее выровнять.

Дома представляли собою большие побеленные, одноэтажные, грязные строения с черепичными крышами. Внутри бесцельно бродили люди. Тени внутри домов вызывали у меня такое впечатление, словно любопытные, но напуганные соседи шушукаются за дверьми. Я видел также невысокие холмы вокруг города.

В отличие от происходившего со мной в моих сновидениях, мои ментальные процессы оставались ясными. На мои мысли не влиял ход событий в сновидении. Мой разум подсказывал мне, что я находился в приснившейся версии города, в котором жил дон Хуан, но в другое время. Мое любопытство достигло своего пика. Я действительно находился вместе с бросившей вызов смерти в ее сне. Но был ли это сон? Сама она говорила, что это был сон. Я хотел видеть все, быть сверхбдительным. Я хотел проверить все, видя энергию. Я чувствовал себя смущенным, но женщина еще крепче сжала мне руку, словно подавая мне знак, что согласна со мной.

Все еще чувствуя себя до абсурда робко, я машинально громко заявил о своем намерении видеть. В своей практике сновидения я использовал фразу «я хочу видеть энергию». Иногда я должен был повторять ее вновь и вновь до тех пор, пока не получал результат. На этот раз, как только я по своему обыкновению начал повторять это в городе сновидения этой женщины, она начала смеяться. Ее смех был похож на смех дона Хуана: глубокий непринужденный смех.

— Что тебя так развеселило? — спросил я, несколько зараженный ее весельем.

— Хуан Матус не любит древних магов вообще и меня в частности, сказала женщина в перерыве между приступами смеха. — Все, что нам нужно делать для того, чтобы видеть в наших снах, —

это показать своим мизинцем на то, что мы хотим видеть. Заставить тебя кричать в моем сне — это его способ направить мне свое послание. Ты должен признать, что он действительно умен.

Она на мгновение остановилась, затем продолжила тоном откровения:

— Конечно, если вопить, подобно ослу, — это сработает тоже.

Чувство юмора магов привело меня в крайнее замешательство. Она смеялась так, что, казалось, уже не в состоянии была продолжать прогулку. Я чувствовал себя в глупом положении. Когда она успокоилась и к ней вернулось самообладание, она вежливо сказала мне, что я могу указать на все, что я хочу видеть в этом сне, включая ее саму.

Я указал мизинцем левой руки на дом. В этом доме не было энергии. Этот дом был таким же, как любой другой фрагмент в обычном сне. Я указывал на все остальное вокруг меня, результат был тем же.

— Укажи на меня, — предложила она. — Ты должен получить подтверждение, что именно этим методом сновидящие достигают видения.

И она была абсолютно права. Это был способ. В тот момент, когда я указал своим пальцем на нее, она стала пузырем энергии. Могу добавить, очень своеобразным пузырем. Ее энергетическая форма точно соответствовала той, какой описывал ее дон Хуан: она выглядела как огромная морская раковина, закрученная вовнутрь вдоль раскола, идущего по всей ее длине.

— Я единственное существо, генерирующее энергию в этом сне, — сказала она. — Так что самым правильным для тебя будет просто за всем наблюдать.

В этот момент я впервые был поражен глубиной шутки дон Хуана. Он ухитрился сделать так, чтобы я выучился кричать в своем сне для того, чтобы я сумел крикнуть в уединенности сна бросившей

вызов смерти. Это показалось мне настолько смешным, что я буквально задохнулся в приступе смеха.

— Давай продолжим нашу прогулку, — мягко произнесла женщина, когда весь мой смех иссяк.

Там были лишь две улицы, которые пересекались; в каждой — по три квартала домов. Мы прошли по всей длине обеих улиц. И не раз, а четырежды. Я смотрел на все и своим слухом внимания сновидения внимал каждому шуму. Шумов было мало, только где-то далеко лаяли собаки или шепотом разговаривали люди, когда мы проходили мимо.

Собачий лай вызвал во мне незнакомую и глубокую тоску. Я вынужден был остановиться. Я искал облегчения, прислонившись спиной к стене. Прикосновение к стене было шокирующим, но не потому, что стена была необычная, а потому, что то, к чему я прикоснулся, было настоящей твердой стеной, такой же, как любая другая стена, до которой я когда-либо дотрагивался. Я почувствовал это своей свободной рукой. Я провел пальцами по ее грубой поверхности. Это действительно была стена.

Ее ошеломляющая реальность немедленно заставила меня забыть о тоске, и ко мне вернулся интерес к продолжению наблюдения. В особенности я искал те черты, которые соотносились бы с городом моего дня. Тем не менее, как я ни пытался, соответствий не находилось. В этом городе тоже была площадь, но она находилась перед портиком церкви. На площадь выходила галерея.

В лунном свете холмы вокруг города были ясно видны и почти узнаваемы. Я пытался сориентироваться, наблюдая за Луной и звездами так, словно я находился в реальной повседневной жизни. Луна была на ущербе, вероятно, был первый день после полнолуния. Она находилась высоко над горизонтом. Должно быть, было между восемью и девятью часами вечера. Я видел Орион справа от Луны; две главные звезды — Бетельгейзе и Ригель — находились на одном уровне с Луной. Я определил начало декабря. Мое время было — май. В мае Орион нигде в это время суток не

виден. Я смотрел на Луну очень долго. Ничего не изменилось. Это была Луна, насколько я мог судить. Несоответствие во времени очень меня взволновало.

Обследовав горизонт на юге, я подумал, что смогу различить колоколообразную вершину, которую было видно из внутреннего двора дна Хуана. Затем я попытался определить, где может быть его дом. На мгновение мне показалось, что я нашел. Я так увлекся, что отпустил руку женщины. Тут же меня охватило невероятное волнение. Я знал, что должен возвращаться в церковь, потому что если я этого не сделаю, мне грозит смерть. Я повернулся и бросился к церкви. Женщина быстро схватила мою руку и последовала за мной.

Пока мы быстрым шагом приближались к церкви, я понял, что в этом сновидении мы находились в той части города, которая была позади церкви. Если бы я принял это во внимание, возможно, я бы смог сориентироваться. Но у меня уже не хватало внимания сновидения. Я сосредоточил его остаток целиком на деталях архитектуры и орнамента задней части церкви. Я никогда не видел эту часть строения в мире обыденной жизни и подумал, что если я зафиксирую в своей памяти ее детали, то смогу сравнить их с деталями реальной церкви.

Этот план экспромтом возник в моей голове. Но что-то внутри меня презирало эти мои попытки все подтверждать. На протяжении моего ученичества меня постоянно беспокоила потребность в объективности, которая заставляла меня проверять и перепроверять все, что касалось мира дна Хуана. Однако не это подтверждение как таковое всегда имело значение, а моя потребность использовать это стремление к объективности в качестве поддержки, защищающей меня в моменты наиболее сильных познавательных искажений. Когда приходило время проверки намеченного, я никогда не делал этого.

В церкви мы с женщиной опустились на колени перед небольшим алтарем на левой стороне, там, где мы были раньше. И в следующее мгновение я проснулся в хорошо освещенной церкви моего дня.

Женщина перекрестилась и встала. Я машинально проделал то же. Она взяла меня за руку и пошла к двери.

– Подожди, подожди, – сказал я, удивившись, что могу говорить.

Я не мог четко сформулировать свои мысли, но хотел задать ей непростой вопрос. Я хотел спросить, каким образом кто-либо может обладать энергией в такой степени, чтобы создать визуальный образ каждой детали целого города.

Улыбаясь, женщина ответила на мой невысказанный вопрос. Она сказала, что у нее очень хорошо получается воспроизведение визуального образа, потому что после того, как она занималась этим на протяжении всей своей обычной жизни, у нее было еще много-много жизней, чтобы совершенствоваться.

Она добавила, что город, в котором я побывал, и церковь, в которой мы говорили, были примерами ее недавних визуализаций. Церковь была той самой церковью, где был пономарем Себастьян. Она поставила перед собой задачу запомнить мельчайшие детали каждого угла этой церкви и этого города – в данном случае для того, чтобы выжить.

Она завершила свою речь последней, самой беспокоящей мыслью:

– Поскольку ты кое-что знаешь об этом городе, – хотя ты никогда не пытался его визуализировать, – сказала она, – сейчас ты помогаешь мне намеревать его. Держу пари, ты не поверишь мне, если я скажу, что этот город, на который ты смотришь сейчас, не существует в реальности, вне моего и твоего намерения.

Она пристально посмотрела на меня и рассмеялась над ужасом, охватившим меня после того, как я полностью осознал то, о чем она говорит.

– Мы все еще сновидим? – спросил я изумленно.

– Да, – ответила она. Но это сновидение более реально, чем то другое, потому что мне помогаешь ты. Невозможно это объяснить, можно только констатировать, что это происходит. Как и все остальное.

Она широким жестом обвела город вокруг нас.

– Нет способа объяснить, как это происходит, но это происходит. Всегда помни то, что я сказала тебе: это тайна намеревания во втором внимании.

Она мягко потянула меня к себе.

– Давай выйдем на площадь этого сна, – сказала она. – Но мне, наверное, следует немного переодеться, чтобы ты чувствовал себя свободнее.

Я смотрел непонимающим взглядом, наблюдая, как она искусно меняет свой внешний вид. Она производила простые земные действия. Она сняла длинную юбку, под ней оказалась еще одна современного покроя. Затем она свернула в узел косу и сменила обувь, надев туфли на каблук, которые носила с собой в маленьком узелке. Она перевернула двустороннюю черную шаль на бежевую сторону. Теперь она выглядела как типичная мексиканка из средних слоев, приехавшая в этот город.

Она взяла мою руку с женским апломбом и направилась на площадь.

– Что случилось с твоим языком? – сказала она по-английски. – Его съела кошка?

Я был полностью поглощен немыслимой вероятностью того, что я все еще в сновидении. Более того, я начал понимать, что если бы это было правдой, я рисковал никогда не проснуться.

Бесстрастным тоном, которого я от себя не ожидал, я сказал:

– До этого момента я не замечал, что ты уже говорила со мной по-английски. Где ты выучила его?

– В этом мире. Я говорю на многих языках.

Она остановилась и внимательно посмотрела на меня.

– У меня было много времени на то, чтобы выучить их. Поскольку мы собираемся проводить вместе много времени, я как-нибудь обучу тебя своему собственному языку.

Она захихикала, без сомнения, над моим полным отчаянья видом.

Я остановился.

– Мы собираемся провести вместе много времени? – спросил я, выдавая свои чувства.

– Конечно, – ответила она веселым тоном. – Ты так великодушно собирався отдать мне даром свою энергию. Ты же сам сказал это, не так ли?

Я был сражен.

– В чем же дело? – спросила женщина, снова переходя на испанский. – Не говори мне, что ты сожалеешь о своем обещании. Мы маги. Слишком поздно менять свое решение. Ты не боишься, правда?

Я был более чем напуган, но если бы я задался вопросом, что именно ужасало меня, то не нашел бы ответа. Я явно не боялся быть рядом с бросившей вызов смерти в другом сне, как не боялся сойти с ума или даже умереть. Боялся ли я дьявола? – спрашивал я себя. Но эта мысль не выдерживала критики. В результате всех этих лет пути мага я без тени сомнения был уверен в том, что во вселенной существует только энергия; дьявол – это только изобретение человеческого ума, находящегося во власти точки сборки в ее обычной позиции. Логически рассуждая, мне нечего было бояться. Я знал это, но знал также и то, что моей истинной слабостью был недостаток гибкости, нужной для немедленной фиксации точки сборки в любой новой позиции. Контакт с бросившей вызов смерти в невероятной степени сместил мою точку сборки, и у меня не хватало

мастерства соответствовать этому толчку. Результатом этого явилось неопределенное псевдоощущение страха того, что я, возможно, не смогу проснуться.

– Нет проблем, – сказал я. – Давай продолжим нашу прогулку во сне.

Она взяла меня под руку, и мы молча вошли в парк. Это молчание не было натянутым. Но мои мысли вертелись по кругу. Как странно, думал я: только мгновение назад я шел с доном Хуаном от парка к церкви в состоянии самого ужасающего нормального страха. Сейчас я иду назад из церкви в парк с объектом моего страха и мне еще более страшно, чем когда-либо, но сейчас мой страх другой, он более зрелый, более смертельный.

Чтобы отогнать от себя беспокойство, я начал оглядываться вокруг. Если бы это было сновидением, – как я и полагал, – то была бы возможность доказать или опровергнуть это. Я указывал пальцем на все. Тщетно. Я даже схватил пару человек, которых, казалось, сильно напугал. Я ощущал их массу. Они были столь же реальны, как все, что я считаю реальным, только не порождали энергию. Ничто в этом городе не порождало энергии. Все казалось реальным и нормальным, однако это было сном.

Я обернулся к женщине, прижимавшейся к моей руке, и спросил ее об этом.

– Мы сновидим, – сказала она своим резким голосом и засмеялась.

– Но как могут люди и вещи вокруг нас быть столь реальными, трехмерными?

– Тайна намеревания во втором внимании! – воскликнула она с благоговением. – Эти люди там столь реальны, что у них даже есть мысли.

Это было последним ударом. Я не хотел больше ни о чем спрашивать. Я хотел предаться этому сновидению. Сильный рывок за руку вернул меня к настоящему моменту. Мы дошли до площади.

Женщина остановилась и заставила меня сесть на скамью. Я понял, что со мной не все в порядке, когда сел и не почувствовал под собой скамьи. Меня закружило. Я почувствовал, что поднимаюсь вверх. Промелькнул парк, словно я бросил на него взгляд сверху.

– Вот оно! – закричал я.

Мне казалось, что я умираю. Вращение подъема превратилось во вращение падения в темноту.

Глава 13. Полет на крыльях намерения

Сделай усилие, нагуаль, — заставлял меня женский голос. — Не погружайся. Поверхность, поверхность. Используй свою технику сновидения.

Мой разум начал работать. Я подумал, что это был голос англоязычного человека, и еще подумал, что если бы я использовал свою технику сновидения, мне необходимо было бы найти точку отсчета, чтобы активизироваться.

— Открой глаза, — сказал голос. — Открывай их немедленно. Используй первое, что увидишь, в качестве точки отсчета.

Я сделал огромное усилие и открыл глаза. Я увидел деревья и голубое небо. Был день! Надо мной склонилось расплывчатое пятно лица. Но я не мог сфокусировать свой взгляд. Мне показалось, что на меня смотрела женщина из церкви.

— Используй мое лицо, — сказал голос.

Это был знакомый голос, но я не мог идентифицировать его.

— Пусть мое лицо будет для тебя отправной точкой, затем посмотри на все остальное, — продолжал голос.

Мой слух и мое зрение постепенно прояснялись. Я всмотрелся в лицо женщины, затем в деревья в парке, в железную скамейку, в людей, которые проходили мимо, и снова в ее лицо.

Несмотря на то, что ее лицо все время менялось, я начал ощущать некоторый контроль. Обретя контроль над своими функциями в достаточной мере, я осознал, что на скамейке сидела женщина, держа мою голову у себя на коленях. И это была не женщина в церкви, это была Кэрол Тиггс!

— Что ты здесь делаешь? — выдохнул я.

Мой испуг и удивление были такими сильными, что я попытался вскочить и убежать, но тело совершенно не подчинялось приказам мозга. Последовали жуткие моменты, когда я отчаянно, но безрезультатно пытался встать. Мир вокруг меня был настолько ясным, что мне трудно было поверить, что я все еще в сновидении, тем не менее ослабленный контроль над способностью двигаться заставил меня заподозрить, что это действительно было сновидение. Кроме того, появление Кэрол было слишком неожиданным, оно никак не вытекало из логики предшествующих событий.

Я осторожно попытался повелеть себе встать, как я это делал во сне сотни раз, но ничего не получилось. Сейчас от меня как никогда требовался объективный подход к происходящему. Одним глазом, насколько позволяло поле зрения, я начал тщательно осматривать все вокруг. Я повторил то же самое другим глазом. Затем я сопоставил образы, увиденные каждым глазом, чтобы получить подтверждение, что я действительно нахожусь в реальности повседневной жизни.

Затем я стал изучать Кэрол, и в этот момент заметил, что могу двигать руками. Парализована была только нижняя часть моего тела. Я дотронулся до лица и рук Кэрол; я обнял ее. Это было настоящее тело, и я поверил, что это действительно была Кэрол Тиггс. Мое облегчение было невероятным, потому что на мгновение у меня появилось жуткое подозрение, что это была бросившая вызов смерти маскирующаяся под образ Кэрол.

Кэрол очень заботливо помогла мне сесть на скамейке. Я лежал на спине – одна половина на скамейке, другая на земле. Затем я заметил, что кое-что было совершенно ненормальным. На мне были поношенные голубые джинсы и старые коричневые кожаные ботинки. На мне была также джинсовая куртка и рубашка из грубой ткани.

– Подожди минутку, – сказал я Кэрол. – Посмотри на меня! Разве это моя одежда? Разве это я?

Кэрол засмеялась и тряхнула меня за плечи. Она всегда так делала, чтобы показать свое дружеское расположение, и становилась при этом похожей на мальчишку.

– Я смотрю на твою распрекрасную физиономию, – сказала она своим забавным сильным фальцетом. – О Господи, кто же еще это может быть?

– Какого черта я одет в эти Левисы и ботинки? – настаивал я. – У меня таких нет.

– Это моя одежда, – сказала она. – Я нашла тебя обнаженным!

– Где? Когда?

– Около церкви, примерно час назад. Я пришла сюда на площадь искать тебя. Нагуаль послал меня с заданием попробовать тебя найти, и я на всякий случай взяла одежду.

Я сказал ей, что я ужасно смущен тем, что разгуливал без одежды.

– Странно, но вокруг никого не было, – заверила она меня, но я почувствовал, что она сказала это только чтобы подбодрить меня. Это подтверждала и ее лукавая улыбка.

– Должно быть, всю прошлую ночь, а может и дольше, я общался с бросившей вызов смерти, – сказал я. – Какой сегодня день?

– Не волнуйся о датах, – сказала она, смеясь. – Когда ты придешь в себя, ты сам посчитаешь дни.

– Не ублажай меня, Кэрол Тиггс. Какой сегодня день? – Мой голос звучал грубо и, казалось, принадлежал кому-то другому.

– Сегодня день после большого праздника, – сказала она и дружески похлопала меня по плечу. – Мы все искали тебя со вчерашней ночи.

– Но что я здесь делаю?

– Я перевела тебя через площадь в гостиницу. Я не могла тащить тебя к дому нагуаля; а несколько минут назад ты выбежал из комнаты, и вот здесь мы снова встретились.

– Но почему ты не попросила помощи у нагуаля?

– Потому что это касается только меня и тебя. Мы вдвоем должны разрешить эту проблему.

Это заставило меня закрыть рот. Это было мне совершенно понятно. Я задал ей еще один вопрос.

– Что я сказал, когда ты нашла меня?

– Ты сказал, что так глубоко и так долго был во втором внимании, что еще не восстановил свою рациональность. Все, чего ты хотел, – это спать.

– Когда я потерял контроль над своими движениями?

– Только минуту назад. Ты обретишь его. Ты сам знаешь, что это совершенно нормально. Когда тыходишь во второе внимание и получаешь значительный заряд энергии, то теряешь контроль над речью или движениями.

– А когда ты перестала шепелявить, Кэрол?

Я застал ее врасплох. Она уставилась на меня и рассмеялась.

– Я долго работала над этим, – призналась она. – Я понимала, что это может вызывать сильное раздражение, – слышать, как шепелявит взрослая женщина. Кроме того, ты это просто терпеть не мог.

Согласиться с тем, что мне не нравилась ее шепелявая речь, было нетрудно. И дон Хуан, и я пытались вылечить ее, но пришли к выводу, что она вовсе не была заинтересована в излечении. Ее шепелявость привлекала к ней внимание других, и дон Хуан считал, что ей это нравится, и она не собирается от него избавляться. Мне было очень странно и приятно слышать, что она не шепелявит.

Это доказывало, что она способна радикально измениться. В этом ни дон Хуан, ни я никогда не были уверены.

– Что еще говорил нагуаль, когда он послал тебя за мной? – спросил я.

– Он сказал, что у тебя была схватка с бросившим вызов смерти.

Доверительным тоном я поведал Кэрол, что бросивший вызов смерти был женщиной. Она небрежно заметила, что знала об этом.

– Как ты можешь знать об этом? – закричал я. – Никто никогда не знал об этом, кроме дона Хуана. Он сказал об этом тебе сам?

– Конечно, – ответила она, не обращая внимания на мой крик. – Ты упустил из виду, что я тоже встречалась с женщиной в церкви. Я встретила ее еще до того, как с ней встретился ты. В церкви мы довольно долго и дружелюбно беседовали с ней.

Я поверил, что Кэрол говорила мне правду. Ее описание было очень похоже на то, как это сделал бы дон Хуан. Он, по всей вероятности, мог послать Кэрол как разведчика, чтобы выяснить что и как.

– Когда ты видела бросившую вызов смерти? – спросил я.

– Пару недель назад, – ответила она прозаично. – Это не было для меня большим событием. У меня не было энергии, чтобы дать ей, или, по крайней мере, той энергии, которая ей нужна.

– Тогда зачем ты виделась с ней? Неужели встреча с женщиной-нагуалем тоже является соглашением между бросившей вызов смерти и магами?

– Я виделась с ней, потому что нагуаль сказал, что ты и я взаимозаменяемы, – и только по этой причине. Наши энергетические тела много раз сливались. Разве ты не помнишь? Мы с этой женщиной разговаривали о том, с какой легкостью мы

сливаемся. Я была с ней три или четыре часа, пока не пришел нагуаль и не забрал меня.

– Ты все время была в церкви? – спросил я, потому что мне с трудом верилось, что они стояли там на коленях в течение трех или четырех часов, говоря только о слиянии наших энергетических тел.

– Она взяла меня в другой аспект своего намерения, – заключила Кэрол после минутного раздумья. – Она позволила мне увидеть, как она избегает своих захватчиков.

Затем Кэрол рассказала крайне интригующую историю. Она сказала, что, судя по тому, что показала ей женщина в церкви, каждый древний маг неизбежно становился жертвой неорганических существ. Неорганические существа, захватив их, передавали им силу, чтобы они могли быть посредниками между нашим миром и их реальностью, которую люди называли адом³⁹.

Бросивший вызов смерти был, как и остальные, с неизбежностью захвачен в сети неорганических существ. Кэрол утверждала, что ему, по всей вероятности, пришлось провести тысячи лет в плену, пока он не обрел способности трансформировать себя в женщину. Он четко увидел, что покинуть этот мир можно только таким способом, когда осознал, что неорганические существа рассматривают женское начало как вечное. Они верят, что женское начало настолько гибкое и многообразное, что женские особи не попадают в ловушки и их едва ли можно держать в плену. Трансформация мага была такой полной и такой детальной, что он был извергнут из реальности неорганических существ.

– Она говорила тебе, что неорганические существа все еще преследуют ее? – спросил я.

– Безусловно, они следят за ней, – заверила меня Кэрол. – Женщина сказала мне, что она должна охранять себя от преследователей каждую минуту своей жизни.

– Что они могут ей сделать?

³⁹ Netherworld – ад, преисподняя.

– Я думаю, что они могут понять, что она была мужчиной и снова взять ее в плен. Мне кажется, что ее страх бесконечно превосходит любой страх, который мы способны вообразить.

Кэрол сказала мне, что женщина в церкви была в курсе моего столкновения с неорганическими существами, знала она также и о голубом лазутчике.

– Она знает о тебе и обо мне все, – продолжала Кэрол. – И не потому, что я ей что-то рассказала, а потому, что она – часть нашей жизни, нашей линии. Она говорила, что всегда следила за всеми нами, особенно за тобой и мной.

Кэрол привела мне примеры тех ситуаций из нашей совместной работы, о которых знала женщина в церкви. Пока она говорила, я стал ощущать безумную ностальгию по человеку, который был передо мной – по Кэрол Тиггс. Я отчаянно захотел обнять ее. Я потянулся к ней, но потерял равновесие и упал со скамейки.

Кэрол помогла мне встать с тротуара и тщательно осмотрела мои ноги, зрачки, шею, спину. Она сказала, что я все еще не пришел в себя от энергетического заряда. Она положила мою голову себе на грудь и погладила меня так, как будто ублажала притворявшегося ребенка.

Вскоре я почувствовал себя лучше и даже стал понемногу обретать контроль над движениями.

– Как тебе нравится моя одежда? – неожиданно спросила Кэрол. – Одета ли я, как надо? Я тебе нравлюсь?

Кэрол всегда одевалась исключительно хорошо. Что в ней действительно было, – так это безупречный вкус в одежде. И действительно, все время, что я ее знал, дон Хуан и все остальные постоянно шутили, что ее единственным достоинством было умение покупать красивую одежду и носить ее со вкусом и грацией.

Я нашел ее вопрос очень странным и спросил:

– Почему ты так волнуешься о своей внешности? Это никогда не волновало тебя раньше. Ты что, хочешь поразить кого-нибудь?

– Конечно, я хочу поразить тебя, – сказала она.

– Но сейчас не время, – запротестовал я. – Сейчас имеет значение не твоя внешность, а бросившая вызов смерти.

– Ты удивишься, насколько важна моя внешность, – засмеялась она. – Моя внешность – вопрос жизни и смерти для нас обоих.

– О чем ты говоришь? Все это напоминает то, как нагуаль устраивал мне встречу с бросившей вызов смерти. Я чуть не свихнулся от его загадочных заявлений.

– Оказались ли его загадочные заявления оправданными? – спросила Кэрол очень серьезно.

– Совершенно очевидно, что – да, – согласился я.

– То же и моя внешность. Сделай мне одолжение, скажи мне, как ты меня находишь? Привлекательной, непривлекательной, подавляющей, властной?

Я подумал немного и сделал определенные выводы. Я находил, что она очень привлекательная. Мне это казалось очень странным. Я никогда сознательно не думал о ее привлекательности.

– Я нахожу, что ты чертовски хороша, – сказал я. – На самом деле, ты ошеломительно хороша.

– Тогда это, должно быть, правильно выбранная внешность, – вздохнула она.

Я старался понять, что она хочет этим сказать, но она заговорила снова.

Как ты провел время с бросившей вызов смерти? – спросила она.

Я кратко рассказал ей о своей встрече, особенно о первом сновидении. Я сказал о своем предположении, что бросившая вызов смерти показала мне этот самый город, но в другом времени – в прошлом.

– Но это невозможно, – сказала она. – Во вселенной нет ни прошлого, ни будущего. Есть только настоящее мгновение.

– Я знаю, что это было прошлое, – сказал я. – Это была та же церковь, но другой город.

– Подумай немного, – настаивала она. – Во вселенной есть только энергия. А у энергии есть только здесь и сейчас, бесконечное и всегда присутствующее здесь-и-сейчас.

– Тогда что же случилось со мной, как ты думаешь, Кэрол?

– С помощью бросившей вызов смерти ты пересек четвертые врата сновидения, – сказала она. – Женщина в церкви взяла тебя в свой сон, в свое намерение. Она взяла тебя в свою визуализацию этого города. Вероятно, она визуализировала его в прошлом, и эта визуализация осталась в ней нетронутой. Так же как и визуализация современного города.

После продолжительного молчания, когда я не мог произнести ни слова, она задала мне еще один вопрос:

– Что еще делала с тобой та женщина?

Я рассказал Кэрол второе сновидение. Сновидение о городе в том виде, каков он есть сейчас.

– Ну вот, – сказала она. – Женщина взяла тебя не только в свое прошлое намерение, но и дальше помогла тебе пройти через четвертые врата, заставив твое энергетическое тело совершить путешествие в другое место, которое существует сегодня исключительно в ее намерении.

Кэрол сделала паузу и затем спросила меня, объяснила ли мне женщина в церкви, что означает намеревание во втором внимании.

Я помню, что она говорила об этом, но она не объясняла, что значит на самом деле намереваться во втором внимании. Кэрол имела дело с концепциями, о которых никогда не упоминал Дон Хуан.

– Откуда у тебя эти новые идеи? – спросил я, действительно изумляясь ее ясности.

Уклончивым тоном Кэрол заверила меня, что многое об этих тонкостях объяснила ей женщина в церкви.

– Сейчас мы намереваемся во втором внимании, – продолжала она. – Женщина в церкви ввела нас в сновидение, тебя – здесь, а меня – в Таксоне. А затем мы снова заснули в нашем сне. Но ты не помнишь этой части, а я помню. Секрет сдвоенных позиций. Вспомни, что сказала тебе женщина: второй сон намеревается во втором внимании – это единственный путь переступить четвертые врата сновидения.

После длинной паузы, во время которой я не смог сказать ни слова, она произнесла:

– Я думаю, что женщина в церкви в действительности сделала тебе подарок, хотя ты и не хотел его получать. Ее подарком было то, что она присоединила свою энергию к нашей, чтобы передвигаться туда и назад в здесь-и-сейчас энергии вселенной.

Я пришел в сильнейшее возбуждение. Слова Кэрол были точными и подходящими. Она дала определение чему-то, что я считал невозможным определить, хотя я и не знал, что же именно она определила. Если бы я мог двигаться, я бы вскочил и обнял ее. Она улыбалась своей прекрасной улыбкой, в то время как я судорожно продолжал размышлять над смыслом ее слов. Я еще раз отметил, что Дон Хуан никогда не говорил мне ничего подобного.

– Возможно, он не знает, – сказала Кэрол, но не оскорбительно, а примирительно.

Я не стал с ней спорить. Какое-то время я оставался молчаливым, странно лишенным мыслей. Затем мысли и слова

посыпались из меня, как при извержении вулкана. Люди шли по площади, кое-кто даже остановился посмотреть. Должно быть, мы представляли собой то еще зрелище: Кэрол Тиггс целовала и гладила мое лицо, в то время как я снова и снова разглагольствовал о ясности ее ума и о моей встрече с бросившей вызов смерти.

Когда я смог идти, она проводила меня через площадь в единственную в городе гостиницу. Она убедила меня, что у меня еще недостаточно энергии, чтобы идти в дом к Дону Хуану, но что все там знают, где мы находимся.

– Как они могли узнать, где мы? – спросил я.

– Нагуаль – старый хитрый маг, – ответила она, смеясь. – Это он сказал мне, что если я найду тебя энергетически ослабленным, то мне следует отвести тебя в гостиницу, а не рисковать, таща на буксире через весь город.

Ее слова и особенно ее улыбка заставили меня почувствовать такое облегчение, что дальше я продолжал идти в блаженном состоянии. Мы повернули за угол и прошли полквартила вниз по улице к входу в гостиницу, который был расположен как раз напротив церкви. Мы прошли через фойе, поднялись по цементным ступенькам на второй этаж прямо в неприветливый номер, в котором я никогда ранее не был. Кэрол сказала, что я уже был здесь; тем не менее, у меня не было никаких воспоминаний ни о гостинице, ни о номере. Однако я настолько устал, что просто не был способен думать об этом. Я просто упал на кровать вниз лицом. Единственное, чего я хотел, – это спать, хотя и был очень взвинчен. Было так много несвязанных концов, хотя внешне все выглядело достаточно упорядоченным. Вдруг я почувствовал внезапный прилив нервного возбуждения и сил.

– Я никогда не говорил тебе, что не принял подарок бросившей вызов смерти, – сказал я, повернувшись к Кэрол. – Откуда ты знаешь, что я не принял его?

– Но ты сказал мне об этом сам, – запротестовала она, садясь рядом со мной. – Ты так гордился этим. Это было первое, что ты сказал мне, когда я тебя нашла.

До этого момента это был единственный ответ, который не удовлетворил меня. То, о чем она сообщила, не выглядело, как мое утверждение.

– Я думаю, что ты неправильно меня поняла, – сказал я. – Я просто не хотел принимать ничего, что отклонило бы меня от моей цели.

– Ты хочешь сказать, что не чувствуешь гордости за свой отказ?

– Нет. Я ничего не чувствую. Я не способен больше что-либо чувствовать, кроме страха.

Я вытянул ноги и положил голову на подушку. Я почувствовал, что если закрою глаза или прекращу говорить, то тут же засну. Я рассказал Кэрол, как в начале своего знакомства с доном Хуаном я спорил с ним, по поводу его мотива в том, чтобы следовать по пути воина. Он говорил, что страх поддерживает его, чтобы идти прямо, и что больше всего он боится утратить нагуаль, абстрактное, дух.

– По сравнению с утратой нагуаля, смерть – это ничто, – говорил он с искренней страстью в голосе. – Мой страх потерять нагуаль – это единственная реальная вещь, которая у меня есть, потому что без этого я буду хуже, чем мертвец.

Я рассказал Кэрол, как я тут же возразил дону Хуану, гордо заявив, что поскольку я не восприимчив к страху, то, если бы мне пришлось удерживать себя в границах одного пути, моей движущей силой должна была быть любовь.

Дон Хуан заявил, что когда приходит критический момент, то единственным стоящим состоянием для воина является страх. Втайне я возмущался узостью его взглядов.

– Колесо сделало полный оборот, – сказал я Кэрол. – Посмотри на меня сейчас. Я могу поклясться тебе, что единственное, что заставляет меня продолжать идти, – это страх утратить нагуаль.

Кэрол как-то странно взглянула на меня. Такого взгляда я у нее раньше не замечал.

– Я позволю себе не согласиться, – сказала она мягко. – Страх ничего не значит по сравнению с любовью. Страх заставляет двигаться как попало, любовь заставляет двигаться разумно.

– Что ты говоришь, Кэрол Тиггс? Разве маги сейчас любят?

Она не ответила. Она легла рядом со мной и положила голову мне на плечо. Мы долго лежали там, в этой странной неприветливой комнате в полной тишине.

– Я чувствую, что чувствуешь ты, – вдруг сказала Кэрол. – Теперь постарайся почувствовать, что чувствую я. Ты можешь это. Но давай сделаем это во тьме. Кэрол протянула вверх руку и щелкнула выключателем над кроватью. Одним движением я сел прямо. Толчок страха пронзил меня как удар электрическим током. Как только Кэрол выключила свет, в комнате наступила ночь. С огромным беспокойством я спросил ее об этом.

– Ты еще не в себе, – сказала она ободряюще. – У тебя был грандиозных размеров припадок. Настолько глубокое погружение во второе внимание, тебе, так сказать, немного повредило. Конечно сейчас день, но твои глаза не могут еще привыкнуть к тусклому свету в номере.

Более или менее убежденный, я снова лег. Кэрол продолжала говорить, но я не слушал. Я потрогал простыни. Это были настоящие простыни. Я пробежался руками по кровати. Это была кровать! Я наклонился и дотронулся пальцами до холодного пола. Я встал с кровати и проверил каждый уголок в номере и ванной. Все было обычным, естественным. Я сказал Кэрол, что когда она выключила свет, у меня появилась абсолютная уверенность, что я сновиджу.

– Сделай перерыв, – сказала она. – Прекрати этот бред, иди в кровать и отдохни.

Я открыл занавеси на окне и посмотрел на улицу. Был день, но когда я закрыл их, в номере была ночь. Кэрол умоляла меня лечь в постель. Она боялась, что я убегу на улицу, как сделал это раньше. Это прозвучало разумно. Я вернулся в постель, не заметив, что ни

одной секунды я не потратил на то, чтобы указать на что-нибудь мизинцем. Как будто бы это стерлось из моей памяти.

Темнота в номере этой гостиницы была крайне необычной. Она навевала на меня чувство мира и гармонии. Она также принесла мне чувство глубокой грусти, тоски по человеческому теплу, по обществу. Я чувствовал себя более чем в смятии. Ничего подобного со мной никогда не было. Я лежал в постели, пытаюсь вспомнить, была ли эта тоска чем-то таким, что я уже знал. Нет. Тоска, с которой я был знаком, была не по человеческому обществу; раньше это было чем-то абстрактным, скорее, чем-то вроде грусти о том, что я не могу достичь чего-то неопределенного.

— Я распадаюсь на части, — сказал я Кэрол. — Я сейчас расплачусь по людям.

Я думал, что она посчитает мое заявление смешным. Я и представил его как шутку. Но она ничего не сказала; казалось, она согласилась со мной. Она вздохнула. Из-за моего настолько нестабильного состояния, меня немедленно качнуло в сторону эмоциональности. Я повернулся к ней в темноте и прошептал что-то такое, что в обычное время было бы для меня совершенным вздором.

— Я обожаю тебя, — сказал я.

Такие разговоры среди магов дон Хуана были немыслимы. Кэрол Тигтс была женщиной-нагуалем. Между нами двумя не было необходимости проявлять любовь. На самом деле мы даже не знали, что чувствуем друг к другу. Дон Хуан учил нас, что у магов не было необходимости и времени для таких чувств.

Кэрол улыбнулась и обняла меня. Меня настолько переполнила любовь к ней, что я даже заплакал.

— Твое энергетическое тело движется вперед на светящихся энергетических волокнах вселенной, — прошептала она мне на ухо. — Нас несет подарок намерения бросившего вызов смерти.

У меня было достаточно энергии, чтобы понять, о чем она говорит. Я даже спросил ее, понимает ли она сама, что все это значит. Она успокоила меня и прошептала на ухо:

– Я понимаю: подарок бросившего вызов смерти для тебя был крыльями намерения. И с ними ты и я сновидим себя в другом времени. Во времени, которое еще придет.

Я оттолкнул ее и сел. То, как она произносила такие сложные магические понятия, выбивало меня из колеи. Ей не было дано серьезно воспринимать схематическое мышление. Мы всегда шутили между собой, что она не обладала философским умом.

– Что с тобой? – спросил я. – Ты – новое открытие для меня – Кэрол – маг-философ. Ты говоришь как дон Хуан.

– Еще нет, – она рассмеялась. – Но это приближается. Оно катится, и когда наконец оно достигнет меня, для меня самым легким в мире будет стать магом-философом. Ты увидишь. И никто не сможет объяснить этого, это просто произойдет.

В моем мозге зазвонил будильник.

– Ты не Кэрол! – закричал я. – Ты бросившая вызов смерти, замаскированная под Кэрол. Я знал это!

Ничуть не обеспокоенная моим обвинением, Кэрол засмеялась.

– Не носи чепухи, – сказала она. – Ты собираешься пропустить урок. Я знала, что рано или поздно ты поддашься своему индальгированию. Поверь мне, я Кэрол. Но мы делаем то, чем не занимались раньше: мы намереваемся во втором внимании, как делали маги древности.

Она не вполне убедила меня, но у меня не было больше энергии, чтобы отстаивать свои доводы, потому что что-то, напоминающее огромный водоворот моего сновидения, начало втягивать меня. Я едва слышал голос Кэрол, который шептал мне на ухо:

– Мы сновидим нас самих. Сновидь мне свое намерение! Намеревай меня вперед! Намеревай меня вперед!⁴⁰ огромным усилием я сформулировал свою сокровенную мысль:

– Остайся здесь со мной навсегда, – произнесенное мною звучало, как замедленная запись на пленке. Она ответила что-то непонятное. Я хотел засмеяться, но водоворот поглотил меня.

Когда я проснулся, в гостиничном номере никого не было. Я не представлял, как долго я спал. Я очень расстроился, не найдя Кэрол рядом с собой. Быстро одевшись, я спустился в фойе поискать ее. Кроме того, я хотел развеять странную дремоту, которая все еще владела мной.

За столом управляющий сказал мне, что американка, которая сняла номер, ушла минуту назад. Я выбежал на улицу в надежде догнать ее, но ее нигде не было видно. Был полдень; на безоблачном небе светило солнце. Было немного жарко.

Я пошел в церковь. Мое удивление было искренним, но притупленным, когда я обнаружил, что видел эти архитектурные детали в сновидении. Без особого интереса я сам сыграл роль своего собственного адвоката дьявола и развеял сомнения. Возможно, мы с доном Хуаном и осматривали заднюю часть церкви снаружи, но я не помнил этого. Я подумал, что это не имеет значения. Мои веские доказательства не имели для меня никакого значения – я слишком хотел спать.

Оттуда я медленно отправился к дому дон Хуана, продолжая искать Кэрол. Я был уверен, что найду ее там, что она меня ждет. Дон Хуан принял меня так, как будто я вернулся из лап смерти. Он и его компаньоны были в сильном возбуждении, с любопытством меня осматривая.

– Где ты был? – требовательно спросил дон Хуан.

Я не мог понять причины всей этой суеты. Я сказал ему, что провел ночь с Кэрол в гостинице у площади, потому что у меня не

⁴⁰ *Intend me forward!*

было энергии вернуться из церкви к нему домой, — но ведь они и сами об этом знали.

— Мы ничего об этом не знали, — сказал он.

— Разве Кэрол не сказала вам, что была со мной? — спросил я с неясным подозрением. Если бы я не был таким уставшим, то меня наверно охватила бы тревога.

Никто не ответил. Они смотрели друг на друга. Я повернулся к дону Хуану и сказал, что я думал, что это он послал Кэрол найти меня. Дон Хуан ходил взад-вперед по комнате, не говоря ни слова.

— Кэрол Тиггс вообще с нами не было, — сказал он. — А тебя не было девять дней.

Только моя усталость спасла меня от шока при подобном заявлении. Тон его голоса и уверенность, которую продемонстрировали другие, доказывали, что все это серьезно. Но я был настолько ошеломлен, что ничего не мог сказать.

Дон Хуан попросил меня подробно рассказать им о том, что произошло между мной и бросившей вызов смерти. Я был удивлен тем, что, несмотря на усталость, так много помнил и смог рассказать. Общее напряжение ушло, когда я рассказал, как сильно смеялась женщина над моим бессмысленным криком о намерении видеть в ее сновидении.

— Способ указывать мизинцем работает даже лучше, — сказал я дону Хуану без всякой попытки обвинения.

Дон Хуан спросил, была ли у женщины еще какая-нибудь реакция на мой бессмысленный крик, кроме смеха. Я не помнил ничего, кроме ее веселья и ее слов о том, как сильно он ее не любит.

— Нельзя сказать, что я не люблю ее, — запротестовал Дон Хуан. — Я просто не люблю методы принуждения древних магов.

Обращаясь ко всем, я сказал, что лично мне очень нравится эта женщина, безмерно и без предубеждений. И что я люблю Кэрол Тиггс так, как не любил никого и никогда.

Казалось, они не одобрили того, что я говорил. Они смотрели друг на друга так, как будто я вдруг сошел с ума. Я хотел говорить еще. Но дон Хуан, как мне показалось, чтобы я больше не наговорил глупостей, практически выволок меня из дома и повел обратно в гостиницу.

В гостинице был тот же управляющий, с которым я говорил раньше. Он выслушал наше описание Кэрол Тиггс, но с абсолютной уверенностью отрицал, что когда-либо видел ее или меня раньше. Он даже позвал горничных, и они подтвердили его слова.

– Что все это может значить? – спросил Дон Хуан вслух.

Казалось, что его вопрос был обращен к себе самому. Он тихонько вывел меня из гостиницы.

– Пойдем из этого запутанного места, сказал он.

Когда мы вышли на улицу, он велел мне не оборачиваться и не смотреть на гостиницу или церковь, находящуюся через дорогу, а идти с опущенной головой. Я посмотрел на свои ботинки и понял, что на мне была уже не одежда Кэрол, а моя собственная. Но как бы я ни старался, я не мог вспомнить, когда я переоделся. Я вычислил, что это, должно быть, было, когда я проснулся в гостинице. Очевидно, тогда я надел свою собственную одежду, хотя ничего не помнил об этом.

К тому времени мы дошли до площади. До того, как мы перешли ее, чтобы направиться домой к дону Хуану, я рассказал ему про свою одежду. Ритмично покачивал головой, он внимательно слушал каждое слово, затем сел на скамейку и с явной озабоченностью в голосе сказал, что сейчас у меня нет возможности узнать, что произошло во втором внимании между женщиной в церкви и моим энергетическим телом. Мое общение с Кэрол Тиггс в гостинице было чем-то вроде верхушки айсберга.

– Невозможно представить, что ты был во втором внимании девять дней, – продолжал дон Хуан. – Девять дней – это секунда для бросившего вызов смерти, но вечность для нас.

Прежде чем я смог что-либо возразить, объяснить или сказать, он остановил меня.

– Если ты до сих пор не можешь вспомнить всего, чему я тебя обучал во втором внимании, – подумай, насколько трудно будет вспоминание того, чему учил тебя бросивший вызов смерти. Я лишь учил тебя менять уровни осознания; бросивший вызов смерти заставлял тебя менять вселенные.

Я чувствовал себя разбитым. Дон Хуан и два его компаньона заставляли меня сделать невероятное усилие, чтобы вспомнить, когда я переоделся. Я не смог. Моя голова была пуста: ни чувств, ни воспоминаний. Каким-то образом я не был полностью с ними.

Нервное напряжение дона Хуана и двух его компаньонов достигло максимума. Я никогда не видел его настолько обеспокоенным. Он всегда подшучивал, как будто хотел, чтобы я не воспринимал его слишком серьезно. Но это был не тот случай.

Я снова попытался собраться с мыслями, чтобы пролить свет на все это, и опять мне это не удалось, но я не чувствовал поражения; меня охватила волна оптимизма. Я почувствовал, что все идет так, как должно быть.

Дон Хуан утверждал, что он ничего не знал о том виде сновидения, который был у меня с бросившим вызов смерти. Создание в сновидении отеля, города, Кэрл Тиггс было для него ясным примером мастерства сновидения древних магов. Сновидения, бросающего вызов человеческому воображению.

Дон Хуан развел руками и наконец-то улыбнулся, как обычно.

– Мы можем только сделать вывод, что женщина в церкви показала тебе, как это делать, – сказал он медленно, с расстановкой.

– Для тебя это будет сложнейшей задачей – постичь этот непостижимый маневр. Это было мастерское передвижение по шахматной доске, выполненное бросившим вызов смерти в образе женщины в церкви. Она использовала твое и Кэрол энергетические тела, чтобы подняться, освободиться от своих мертвых якорей. Она поймала тебя на твоём предложении безвозмездно отдать ей энергию.

То, что он говорил, не имело для меня никакого смысла, но много значило для двух его компаньонов. Они пришли в сильное возбуждение. Обращаясь к ним, дон Хуан объяснял, что бросивший вызов смерти и женщина в церкви были разным проявлением одной и той же энергии; женщина в церкви была более сильной и сложной из двоих. Овладев контролем, она способом, соответствующим темным, зловещим махинациям старых магов, использовала энергетическое тело Кэрол Тиггс и создала Кэрол Тиггс в отеле, Кэрол Тиггс чистого намерения. Дон Хуан добавил, что Кэрол и женщина могли прийти во время встречи к некоему энергетическому соглашению.

Казалось, что какая-то мысль вдруг осенила дону Хуана. Он неуверенно взглянул на своих двух компаньонов. Их глаза бегали, переходя с одного на другого. Я был уверен, что они не просто искали соглашения, они, казалось, что-то поняли одновременно.

– Все наши размышления бесполезны, – сказал тихо дон Хуан ровным голосом. – Я уверен, что нет больше Кэрол Тиггс. Нет никакой женщины в церкви; обе слились и улетели на крыльях намерения, я уверен, – вперед.

Причина, почему Кэрол Тиггс из гостиницы так волновалась о своей внешности, заключается в том, что она была женщиной из церкви, заставляющей тебя сновидеть Кэрол Тиггс другого плана, бесконечно более сильную Кэрол Тиггс. Разве ты не помнишь, что она говорила? – «Сновидь свое намерение на меня. Намеревай меня вперед».

– Что это значит, дон Хуан? – спросил я.

– Это значит, что бросивший вызов смерти видел свой путь вовне. Она ухватила возможность выехать на тебе. Твоя судьба – ее судьба.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

– Я имею в виду, что если ты обретешь свободу, она тоже обретет ее.

– Как она сделает это?

– Через Кэрол Тиггс. Но не волнуйся о Кэрол, – сказал он до того, как я смог выразить свое беспокойство.

– Она способна и на этот маневр, и на многое другое.

На меня свалилось слишком много всего. Я ощущал этот ужасный вес. Вдруг ко мне пришел момент ясности, и я спросил дона Хуана, что из всего этого выйдет.

Он не ответил. Он осмотрел на меня с ног до головы. Затем он медленно сказал:

– Подарок бросившего вызов смерти состоит из безграничных возможностей сновидения. Одной из них был твой сон о Кэрол Тиггс в другом времени, в другом мире; в мире более просторном, безграничном: в мире, где невозможное становится реальным. Смысл этого в том, что ты не просто сможешь испытать эти возможности, но и в один прекрасный день сможешь постичь их.

Мы встали и пошли к его дому. В моей голове безумным хороводом кружились мысли. Это были даже не мысли, а образы, смесь воспоминаний о женщине в церкви и о Кэрол Тиггс, разговаривающей со мной в темноте комнаты сновидения отеля. Пару раз я почти смог сконцентрировать эти образы в чувства моего обычного «я», но сдался; для такой задачи у меня не было энергии.

Перед тем, как мы вошли в дом, дон Хуан остановился и повернулся ко мне. Он снова тщательно осмотрел меня, как будто искал какие-то знаки на моем теле. Затем я почувствовал себя

обязанным направить его прямо к главному: я был уверен, что он смертельно ошибается.

– В гостинице я был с настоящей Кэрол Тиггс, – сказал я. – В какой-то момент мне самому показалось, что это был бросивший вызов смерти, но после внимательного осмотра я отверг это подозрение. Это была Кэрол. Каким-то непонятным, странным образом она была в гостинице, как, впрочем, и я сам.

– Конечно, это была Кэрол. – согласился дон Хуан. – Но не та Кэрол, которую мы знаем. Это была Кэрол сновидения. Я говорил тебе – Кэрол, сделанная из чистого намерения. Ты помог женщине в церкви сплести этот сон. Ее искусство заключалось в том, чтобы сделать этот сон полностью завершенной реальностью: искусство старых магов, крайне пугающая вещь. Я говорил тебе, что ты получишь в сновидении королевский урок, не так ли?

– Как ты думаешь, что случилось с Кэрол Тиггс? – спросил я.

– Кэрол Тиггс ушла, – ответил он. – Но однажды ты найдешь новую Кэрол Тиггс, ту, из сновидения в гостинице.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что она ушла?

– Она ушла из мира, – ответил он.

Я ощутил нервную волну, прорывающуюся сквозь мое солнечное сплетение. Я просыпался. Мое осознание постепенно становилось знакомым, но у меня еще не было полного контроля над ним. Тем не менее, оно начало пробиваться сквозь пелену сна; это была смесь незнания того, что происходит, и ощущения предчувствия того, что непостижимое находится сразу за углом.

Должно быть, мое лицо выражало недоверие, потому что дон Хуан добавил с нажимом:

– Это сновидение. Ты должен знать к настоящему времени, что его сделки⁴¹ окончательны. Кэрол Тиггс ушла.

– Но куда она ушла, как ты думаешь, дон Хуан?

Туда же, куда ушли древние маги. Я сказал тебе, что подарок бросившего вызов смерти заключался в безграничных возможностях сновидения. Ты не хотел ничего конкретного, поэтому женщина в церкви дала тебе абстрактный подарок: возможность летать на крыльях намерения.

⁴¹ Transaction – дело, сделка; взаимодействие, в котором участвуют два объекта, оказывая взаимное влияние друг на друга.